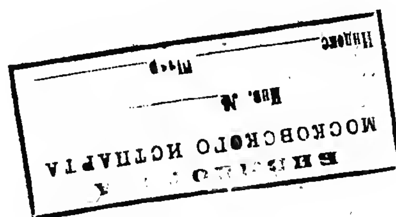
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

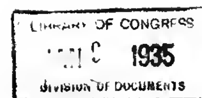
БОЛЬШЕВИК

№ 10 ДЕКАБРЯ 15—16

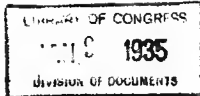
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 4
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 30303
Типография „Правда“ и „Беднота“, Серебряничес

Главлит № 30303 Тираж № 46.000
Типография „Правда" и „Беднота", Серебряническая наб., д. 23-а.

Троцкизм и диктатура пролетариата.

Не бывает худа без добра. Так, последнее фракционное выступление тов. Троцкого с «Уроками Октября», наносящее несомненный вред партии и Коминтерну, в то же время заставило партийную массу еще и еще раз обратиться к основам ленинизма и к партийной истории, чтобы тем сознательнее и продуманнее оказался ее решительный и абсолютный единодушный отпор троцкизму.

Рост интереса к ленинской теории в связи с выступлениями т. Троцкого—факт не подлежащий сомнению, подтверждаемый всеми, и он показывает, насколько жизненна наша партия, насколько в ней силен революционный ленинский дух. «Без революционной теории не может быть революционного движения»,—говорил Ленин.—Если бы в нашей партии стал угасать интерес к теории, это было бы плохим знаком, сигналом о нездоровых процессах, происходящих в партийной среде. Но мы наблюдаем обратное.

Иначе и не может быть, ибо ленинская теория сильна своим практическим значением, ощутимым для масс. Вопрос о смычке с крестьянством, вопрос о единстве нашей партии,—все это имеет слишком очевидное для всех практическое значение, чтобы не пробудить внимание и живейший интерес в массе к теоретической дискуссии на эти темы. А вопрос о троцкизме есть именно вопрос о судьбах смычки пролетариата с крестьянством и о судьбах единства нашей партии. Если же троцкизм взять не только в российском, но и в международном масштабе, он ставит перед нами вопросы о единстве Коминтерна и о путях пролетарских революций во всех странах.

Отсюда бесчисленные отклики на выступление Троцкого, отсюда горы резолюций резкого осуждения троцкизма, стекающиеся как со всех концов нашей страны, так и от коммунистических партий Запада.

Троцкизм, в своем развитии, угрожает основам диктатуры пролетариата в России, поскольку он связан с непониманием этих основ.

Тов. Ленин в дискуссии о профсоюзах говорил о механизме диктатуры пролетариата, как о сложной «системе нескольких зуб-

чатых колес», из которых главнейшие—*партия, профсоюзы, советы*. Партия «осуществляет диктатуру пролетариата»; профсоюзы—«привод от авангарда к массе передового класса»; советы—привод от пролетариата «к массе трудящихся», в России—к крестьянству.

Не случайно Ленин высказал эти положения в 1921 году именно в полемике с *Троцким*:

«Когда в первом тезисе т. Троцкий говорит, указывая на «идейную сумятицу», о кризисе специально и именно профсоюзов, то тут в основном есть нечто принципиально неверное. Если говорить о кризисе, то можно говорить о нем лишь после анализа политического момента. «Идейная сумятица» получается именно у Троцкого, потому, что он как раз в основном вопросе о роли профсоюзов с точки зрения переходной от капитализма к коммунизму упустил из виду, не учел того, что здесь имеется сложная система нескольких зубчатых колес и не может быть простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуры пролетариата через поголовно организованный пролетариат. Нельзя осуществлять диктатуры без нескольких «приводов». От авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся. В России эта масса крестьянская, в других странах такой массы нет, но даже в самых передовых странах есть масса непролетарская или не чисто пролетарская. Уже отсюда идейная путаница действительно, выходит. Троцкий только напрасно в ней обвиняет других» [1]).

Не случайно, повторяем, Ленин никому другому, а Троцкому раз'яснял этот «механизм *самой основы* диктатуры пролетариата, *самой сущности* перехода от капитализма к коммунизму», по его выражениям, здесь, в непонимании основ пролетариата диктатуры лежал *корень* профсоюзной ошибки тов. Троцкого. В непонимании тех же *основ* коренятся и все другие крупные ошибки его в после-октябрьский период: Брест, оппозиция 1923—24 г. И ко всем этим ошибкам вел Троцкого тот «путь», по которому он «шел к Ленину с боями» и от которого он, к сожалению, не отрекся целиком раз и навсегда.

Из этого ухабистого «пути» тов. Троцкий, как известно, вынес и пронес через 7 лет пролетарской диктатуры не-ленинскую, взятую у Парвуса «теорию перманентной революции», *недоучитывающую роль крестьянства*. В письме к Ольминскому он в 1921 году заявил о своей правоте в оценке движущих сил русской революции («Правда», № 280).

В брошюре «Новый курс» он написал:

«Что касается теории перманентной революции», то я не вижу

[1]) Речь на фракции РКП VIII Всероссийского С'езда Советов, 30 декабря 1920 г. Соч., том XVIII, ч. I стр. 9.

решительно оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—05—06 г.г. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма (!!!), чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени» [1]).

Это надо понимать так, что в 1905 г. ленинистом был не Ленин, а... Троцкий. Но мы пройдем мимо этого. Посмотрим, что сулит (или чем грозит) партии этот «якобы ленинизм».

Отдельные молодые товарищи, которым нравится, по молодости, все «самое левое» и «самое революционное», могли еще в первый момент поддаться на удочку «теории», которую тов. Троцкий призвал их изучать «с карандашом в руках». Но даже им легко об'яснить и показать, как у т. Троцкого «левая» фраза в данном случае прикрывала правое поведение.

Мы не будем останавливаться на наиболее... не-революционных периодах в биографии тов. Троцкого, когда его теория не мешала ему поддерживать ликвидаторскую «петиционную кампанию» или избирательные соглашения с кадетами в 1906 г. Возьмем центральный лозунг «теории перманентной революции»: «без царя, а правительство рабочее». Выражал ли он, вплоть до Октября, задачи борьбы пролетариата с буржуазией *последовательно* или нет?

Нет, ибо основной предпосылкой завоевания власти пролетариатом в нашей стране был союз его с крестьянством и гегемония его в этом союзе, а лозунг «рабочее» правительство игнорировал крестьянство, пытался вести пролетариат к власти в крестьянской стране, минуя ворота крестьянской революции, «перепрыгивая» через крестьянство.

Троцкизм означал добровольный отказ от пролетарской борьбы за гегемонию по отношению к крестьянству, очищение перед буржуазией пути к ее гегемонии над крестьянством, сдачу буржуазии этой гегемонии. В этом смысле троцкизм об'ективно творил дело *всего* меньшевизма, роль которого всегда состояла в подрыве гегемонии пролетариата в революции, в *отдаче крестьянства и остальных слоев пролетариата под гегемонию буржуазии*.

Только большевизм активно *готовил* на всем протяжении буржуазно-демократической революции в России тот союз рабочих и крестьян, который победил в Октябре и обеспечивает дальнейшие успехи социализма. Только большевизм *боролся* за гегемонию пролетариата по отношению к крестьянству, определив с 1905 года *ближайший* этап революции, как создание *рабоче-крестьянского* правительства («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»).

[1]) «Новый курс» стр. 50.

Только большевизм в 1917 году вел пролетариат к власти по верному пути, дав лозунг «власть советам»,—в корне отличный от лозунга «рабочее правительство», ведший пролетариат к власти не мимо ворот, а сквозь ворота крестьянской революции. На этом пути наша партия прихватила с собой и т. Троцкого, но только потому что он спрятал свои особые лозунги и теории в карман,—к сожалению, лишь за тем, чтобы через семь лет, в надежде на незнание нашим молодняком истории партии, выдавать их за ленинизм «чистой пробы».

Тов. Троцкий «решительно» отстаивает все, что им писано о перманентной революции в 1904—06 гг. Пусть он попробует подтвердить, например, такое свое «пророчество» 1905 года:

«Без прямой государственной (курсив наш. Ред.) поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя не сомневаться ни минуты» [1]).

«Длительна» ли социалистическая диктатура, которая держится в России 7 лет? Или тов. Троцкий, как в дни прошлогодней дискуссии, в скором времени ожидает ее «гибели» (историческое заявление оппозиции: «привели страну к гибели») ? Держится ли эта диктатура «государственной поддержкой» западного пролетариата, или чем-то другим?

Международный пролетариат оказывает нам большую поддержку, но еще не «государственную». Наша диктатура держится, вместе с тем, на союзе пролетариата с крестьянством, с этим «вторым» союзником российского рабочего класса, союзником, в которого Троцкий не верил, роли которого он не доценивал, не дооценивает и сейчас.

Разве брестская ошибка Троцкого не примыкает целиком к выше приведенному положению о возможности удержания диктатуры пролетариата в России только при «государственной» поддержке со стороны победившего европейского пролетариата? Против подписания брестского мира мог быть тот, кто не дорожил союзом с крестьянством, неспособным и не желавшим тогда воевать сразу, после четырех лет войны, все с тем же «немцем»,—тот, кто отчаивался во внутренних силах нашей революции.

Те же «шоры» на глазах тов. Троцкого, закрывающие от него крестьянство, дали себя знать и на другом историческом повороте—в дискуссии о профсоюзах, когда к частному вопросу о профсоюзах т. Троцкий подошел без учета общеполитического состояния страны. Он предлагал «завинчивать гайки» военного коммунизма профсоюзов (сращивание их с производством) в тот

---

1) «Итоги и перспективы». Сб. «Наша революция». Стр. 278.

момент, когда вся система военного коммунизма пришла в решительное противоречие с интересами крестьянства.

И снова та же ошибка—в 1923 году, в вопросе о «плановости» и в вопросе о денежной реформе. Защита жесткого плана развертывания промышленности—при скептическом отношении к проведению твердой валюты, этой единственно реальной предпосылки плана в стране, где деньги служат основной экономической связью между миллионами крестьянских хозяйств,—такова была позиция тов. Троцкого.

Мы видим определенную, не раз выявившую себя на практике, тенденцию троцкизма к недооценке крестьянства и вместе с тем имеем прямое указание тов. Троцкого на ее теоретические корни. Все знают, как Ленин о «теории перманентной революции» говорил, что она берет у меньшевиков «отрицание роли крестьянства».

Итог: троцкизм ошибается в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, не дооценивает последнего, как нашего союзника. Недооценка крестьянства грозит утерей гегемонии пролетариата над крестьянством. В конечном счете, это вело бы к гибели диктатуры пролетариата в России, ибо «механизм диктатуры» («система зубчатых колес») опирается у нас на два указанных класса.

Подойдем к тому же «механизму» с другой стороны, с «верхушки», с партии. Она «осуществляет диктатуру пролетариата», она бережет и союз его с крестьянством. Нечего и говорить, что она не свернет на троцкистскую дорожку... Но поставим перед собой вопрос: понимает ли тов. Троцкий роль партии, значение ее единства для дела осуществления диктатуры пролетариата?

На это лучше всего отвечают дела тов. Троцкого. Он из года в год систематически трясет партию, расшатывает этот позвоночный столб диктатуры пролетариата. В 1923—24 г.г. он открыто выступает с меньшевистскими по духу предложениями по вопросам строительства партии. Нарядившись в тогу внутрипартийного демократа он бьет с плеча по партийному аппарату, следуя традициям меньшевиков в их борьбе с большевистским централизмом и монолитностью. Словечками о «перерождении» и т. п. он стреляет в тех самых «учеников» Ленина, с которыми боролся 14 лет под-ряд до своего вступления в нашу партию. Льстя молодежи, он пытается натравить ее на ту старую гвардию, которая получила отсутствующую у Троцкого большевистскую закваску со времен подполья. Наконец, он считает возможным допустить группировки в партии, а сам своим поведением содействует образованию группировок во время дискуссии.

В последнем проявляется отрыжка старого троцкистского взгляда на единство партии, когда под единством понимается об'единение различных идейных течений в одной партии. Идя за ликвидаторами, Троцкий однажды пытался провести в жизнь этот троцкистский взгляд на единство партии (августовский блок 1912 года). Тогда этот блок удался ему только на платформе борьбы с большевизмом. Теперь же большевизм не допустит антибольшевистских экспериментов внутри своей партии.

Большевизм рассматривает единство партии, как единство на основе одного идейного течения — ленинизма, как идейную монолитность партии. В этом основной залог единодействия партии, наибольшая гарантия от расколов и отколов, которые могут быть губительны для диктатуры пролетариата, проводимой коммунистической партией.

Троцкий подтачивает идейные и организационные устои партии. Наконец, он искажает историю партии, историю Октября, роль в нем Ленина и ЦК партии. И все это, с удивительной беззаботностью, проделывается сейчас же, вслед за партийным с'ездом, резко, решительно, определенно и категорически запретившим фракционные выступления.

Такое поведение т. Троцкого внутри партии говорит о недоучете им окружающих партию опасностей, в первую голову мелкобуржуазных влияний на нашу партию. Тов. Троцкий не хочет видеть, как он уже стал рупором этих влияний, как обективная обстановка делает его орудием разложения большевистской партии. Эта слепота т. Троцкого внутренне связана с его непониманием роли крестьянства.

Что бы не думал о себе т. Троцкий, — партия не допустит троцкизма, как течения внутри партии. Этой уступки мелкобуржуазная стихия не дождется от большевизма. Мы не позволим полуменьшевистским ручьям размывать идейное единство нашей партии, созданной Лениным и на основе ленинизма.

Таков смысл решительно всех резолюций, принятых единодушно всей партией.

Н. Бухарин.

Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок.

(К вопросу об экономическом обосновании троцкизма).

Очень часто бывает, что какой-нибудь исторический поворот вызывает идейные споры, которые прорываются сперва по совершенно «случайному» поводу, развиваются по «случайным» направлениям и на первый взгляд представляют из себя нечто совершенно непонятное. Лишь через некоторое время откристаллизовываются определенные идеологические узоры, и последующий анализ без особого труда открывает совершенно определенные классовые или групповые общественные течения, имеющие совершенно определенное социальное значение и играющие совершенно определенную социальную роль.

Мы сейчас подошли вновь к некоторому поворотному пункту в развитии нашей революции. Конец блокады, ряд признаний; в то же время заминка в развитии международной революции. Начало довольно быстрого хозяйственного под'ема, и в то же время новое соотношение между рабочим классом и крестьянством. Словом новая обстановка. Естественно, что в партии должна была получиться какая-то реакция на эту новую обстановку, и также естественно, что не сразу мы доходим до своего, так сказать, «самосознания».

Тов. Троцкий выступил с «Уроками Октября». Казалось бы, спор чисто литературный. Но этот литературный спор вырос в целую партийно-политическую кампанию. Было бы странным видеть здесь спор «лиц». Разве «лица» могли бы вдохнуть такую страстность в обсуждение, в дискуссию? Очевидно, что были и есть какие-то об'ективные моменты, которые способствовали спору, лежали в его основе и которые показались в первый момент на поверхность в виде «литературной» полемики.

Так было. А теперь уже довольно ясно видно, что подняты глубочайшей важности принципиальные вопросы, которые являются решающим для всей нашей партии. Эти вопросы «сомкнулись» с об'ективным положением в стране. Они «соответствуют» этому положению, они вырастают отсюда. Вот почему вся партия сейчас мучительно разбирает такие, казалось бы, «непрактические» пр[illegible]лемы, как вопрос о «перманентной революции». Новая обстановка вызывает потребность в продуманной ориентации. А так как новая обстановка складывается по основным линиям развития (внешний мир, хозяйство, классы в стране), то немудрено, что партия поднимает некоторые об-

щие вопросы: это и есть выражение генерального продумывания и обдумывания нашего пути.

Это обстоятельство находит свое выражение в том, что отдельные проблемы и отдельные разногласия увязываются сейчас в основные, «теоретические» узлы, в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная реформа и вопрос о поколениях в партии, вопрос о цепах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции»,—все это теперь сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория перманентной революции, оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся все эти, сами по себе крупнейшие, вопросы, является проблема рабоче-крестьянского блока.

Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма. Совершенно напрасна всякая попытка увернуться от ответа на вопрос о том, верно или неверно учение Ленина, верна или неверна линия большевистской партии. Тут нужно выбирать. Вот почему партия реагировала так бурно на работу тов. Троцкого: она увидела здесь—и совершенно справедливо увидела—попытку пересмотреть основы ленинского учения.

Эти попытки делались и раньше. Но они проходили незамеченными: время было военное, и все задачи стояли, как задачи непосредственного боевого действия. Гораздо сложнее стали они теперь, именно теперь. И понятно, что когда, под предлогом извлечения «Уроков Октября», партии стремятся дать изрядную дозу антиленинских порошков, она, партия, резко протестует.

У нас пока известное затишье в революционном движении. По Ленину эта вещь не смертельная; мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую колымагу. Ленин, ведь, не рассуждал по схеме: пролетарская революция, когда много промышленности, гибель пролетарской революции, когда страна мелкобуржуазна. Не раз он подчеркивал всю оригинальность нашей революции, особое сочетание исторических условий, которые дали нам победу (см., напр., его заметки по поводу книжек Н. Суханова). А тов. Троцкий? А тов. Троцкий видел одну гибель, если скоро не придет мировая революция. Почему?

Потому, что была основная разница, разница в оценке движущих сил.

Ведь, еще в 1922 г. тов. Троцкий, настаивая на правильности своей теории «перманентной революции», писал:

«Пролетариат после захвата власти придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата» («1905 г.», предисл., стр. 4 и 5).

Ленин учил: конфликт рабочего класса с крестьянством вовсе не неизбежен. Троцкий учит: конфликт этот обязателен. Ленин учил: ваше спасение в том, чтобы ужиться с мужиком, и это вполне можно сделать и, даже при самом долгом сроке западных побед, удержаться и укрепиться. У Троцкого другое: гибель пролетариата неизбежна, если не будет скоро мировой победы; пролетарий погибнет под ударами со стороны «широких масс крестьянства», которые когда-то помогали ему победить. У Ленина крестьянство на всем протяжении переходного периода должно явиться неизбежным союзником рабочего класса, хотя и ворчливым; у «перманентников» оно обязательно должно превратиться во врага. У Ленина отсюда вытекает—и с этим связано—своеобразная теория «аграрно-кооперативного» социализма; у сторонников другой позиции совсем иное представление о путях нашего дальнейшего развития.

Разве не ясно, что при таком коренном различии оно, это различие, будет неизбежно проглядывать в целом ряде самых разнообразных вопросов? Конечно. Но теперь уже делаются попытки свести воедино эти «особенности», эти отклонения от ленинской линии. Мы хотим здесь разобрать экономическую сторону антиленинской концепции. Она дана в работе тов. Преображенского: «Основной закон социалистического накопления» («Вестник Комм. Академии», кн. 8). Эта работа, интересная по замыслу и по постановке вопроса, в то же самое время теоретически исходит из предпосылок, родственных предпосылкам, тов. Троцкого (данное обстоятельство показывает лишь, что здесь дело не только, а, может быть, и не столько, в лицах). Следовательно, она исходит из теоретически неверных предпосылок. В то же время она делает и ряд практически-политических выводов, выводов крайне опасных для нашей партии, рабочего класса, всей страны. На критике этой теоретической работы, как на примере неверной, совсем не пролетарской, а тред-юнионистской, цеховой идеологии, нам и хотелось бы остановиться в нашей работе.

1. Коммунизм или „царство пролетариата“?

Основной закон социалистического накопления, открытый тов. Преображенским, гласит:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской, является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной (социалистической? Н. Б.) революции,—тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опереться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная (социалистическая? Н. Б.) революция, чем больше то материальное наследство в виде высоко-развитой индустрии и капиталистического организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после нацио-

нализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства, и тем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колонии, т.-е. уменьшить эксплоатацию последни, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия». (Все курсивы мои. Н. Б.)

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона»... данная тов. Преображенским. Здесь мы пока не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие два положения т. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет эксплоатации мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т.-е. совокупность их хозяйств) есть не что иное как колонии пролетарской промышленности [1]. Вот на этих утверждениях тов. Преображенского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!»—до такой степени противоречат эти «словесные ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше спокойно разобрать их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками, и почему эти ярлычки по сути дела есть не что иное, как выражение целой системы своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока.

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет:

> «Только при полной беззаботности насчет теории, можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим». (Стр. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и играет аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем, прежде всего, вопрос об эксплоатации пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение эксплоатации. Эксплоататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплоатируемым—класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплоататорский характер пролетариата, и, следовательно, тем более эксплоатируемым является мелкий производитель.

[1] Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входят сюда крестьяне только бывших колоний или все мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великоруссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит колонии.

Не правда ли, смело нарисованная картина? А, ведь, она неизбежно получается, если принять всерьез (а научные исследовании, мы полагаем, пишутся всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? Да. Это не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценности из рук одного класса в руки другого господствующего? Да. И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением эксплоатации? Можно ли на этом основании назвать пролетариат эксплоататорским классом (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит», или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют—мало того, противоречат—об'ективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле, возьмем действительное и бесспорное отношение эксплоатации, напр., капиталистическую эксплоатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство, есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно воспроизводит—и притом на расширенной основе—это отношение эксплоатации. Другими словами, функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплоатации. Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом. То же самое мы видим в любом эксплоататорском обществе. Повторяем: в любом.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо противоположную тенденцию, а именно тенденцию к преодолению противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к закреплению междуклассовых отношений, а к их уничтожению. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его становящейся социалистической периферии, тем быстрее идет и уничтожение противоположности.

Можно ли этот процесс назвать процессом эксплоатации мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все своеобразие процесса, не понимать его об'ективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать своеобразие процесса, в свою очередь, значит не понимать его исторической

нализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства, и тем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить *неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колонии*, т.-е. уменьшить *эксплоатацию последни*, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и *собственного земледелия*». (Все курсивы мои. Н. Б.)

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона»... данная тов. Преображенским. Здесь мы *пока* не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие два положения т. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет *эксплоатации* мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т.-е. совокупность их хозяйств) есть не что иное как *колонии* пролетарской промышленности [1]. Вот на этих утверждениях тов. Преображенского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!»—до такой степени противоречат эти «словесные ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше *спокойно разобрать* их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками, и почему эти ярлычки по сути дела есть не что иное, как выражение целой системы *своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока*.

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет:

«Только при полной беззаботности насчет теории, можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим». (Стр. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и *играет* аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем, прежде всего, вопрос об *эксплоатации* пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение *эксплоатации*. Эксплоататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплоатируемым—класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплоататорский характер пролетариата, и, следовательно, тем более эксплоатируемым является мелкий производитель.

[1]) Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входят сюда крестьяне только бывших колоний или все мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великоруссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит колонии.

Не правда ли, *смело* нарисованная картина? А, ведь, она *неизбежно* получается, если принять всерьез (а научные исследовании, мы полагаем, пишутся всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? Да. Это не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценности из рук одного класса в руки другого господствующего? Да. И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением *эксплоатации*? Можно ли на этом основании назвать пролетариат *эксплоататорским классом* (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит», или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют—мало того, *противоречат*—об'ективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле, возьмем действительное и бесспорное отношение эксплоатации, напр., *капиталистическую* эксплоатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство, есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно *воспроизводит—и притом на расширенной основе—это отношение эксплоатации*. Другими словами, функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплоатации. *Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом*. То же самое мы видим в любом эксплоататорском обществе. Повторяем: *в любом*.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо *противоположную* тенденцию, а именно тенденцию к *преодолению* противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к *закреплению* междуклассовых отношений, а к их *уничтожению*. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его *становящейся* социалистической периферии, тем *быстрее* идет и уничтожение противоположности.

Можно ли *этот* процесс назвать процессом *эксплоатации* мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все *своеобразие* процесса, не понимать его об'ективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать *своеобразие* процесса, в свою очередь, значит не понимать его *исторической*

сущности. Это очень большой, можно сказать, «смертный», грех в теории, «грех», который должен обязательно отразиться на практических, прикладных построениях «грешника».

Перейдем теперь к вопросу о «колониях». Тов. Е. Преображенский берет, повидимому, понятие колонии, как совокупности «третьих лиц» (народническо-люксембургианское обозначение некапиталистических производителей в капиталистической системе). Можно, конечно, спорить, верно ли это обозначение в применении к капиталистическому строю или оно не подходит и к нему. Но это—вопрос особый, и нам его здесь нечего ставить и тем более разбирать. Не так существенно и то, понимает ли т. Преображенский под колониями совокупность мелкобуржуазных хозяйств, действительно входивших в состав колоний, или всех мелкобуржуазных хозяйств. Суть же в том, что тов. Преображенский применяет этот термин, ни капли не смущаясь, к эпохе пролетарской диктатуры. Другими словами, в эту эпоху, с экономической точки зрения, мы, по т. Преображенскому, имеем в социалистической промышленности пролетарскую «метрополию», в хозяйстве крестьянства (хотя бы и не всего)—его мелкобуржуазные «колонии». Отношение рабочего класса к крестьянству построено и тут по типу отношений плантатора к колониальному об'екту эксплоатации. Как мы видим, эта «точка зрения» вполне «увязана» с рассуждением тов. Преображенского об «эксплоатации». Другими словами: здесь не случайные обмолвки, не lapsus linguae, не «неудачное выражение»; у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика; но эта «логика» и эта «последовательность» есть логика и последовательность систематически развиваемой ошибки.

В самом деле, в чем сущность понятия колонии? В том, что она (колония) есть об'ект эксплоатации; в том, что ее развитие систематически задерживается в интересах «метрополии»; в том, что она является, при всех и всяких обстоятельствах, об'ектом экономического и политического порабощения. Никогда колония не выступает в качестве союзника «метрополии», никогда «метрополия» не ставит себе задачей поднять колонию до своего собственного уровня и т. д.

Но раз это так,—а это именно так—то прямо комично определять крестьянское хозяйство и мелкобуржуазную хозяйственную периферию вообще, как колонию пролетарской промышленности. Это до такой степени очевидно, что вряд ли нужно развивать нашу мысль дальше.

Только в одном случае формулировки тов. Е. Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки пролетарской диктатуры, к консервированию господства пролетариата, и при том к его вырождению в действительно эксплоататорский класс. Тогда понятие эксплоатации было бы безоговорочно правильно в применении к такому строю. Равным образом было бы правильным также и обозначение мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, как, с позволения сказать, «пролетарской» колонии.

Но страшен сон, да милостив бог. Своеобразная цеховая, трэд-юнионистская система взглядов, которая сквозит в статье т. Преображенского, к счастью, не опирается на реальную практику. Это лишь некоторый индивидуально-теоретический вывих, который не пользуется—по крайней мере, сейчас—кредитом в наших рядах.

2. „Пожирание“ мелкобуржуазного хозяйства или его переделка.

Относительно связи между социалистической промышленностью и частным хозяйством (т.-е. в первую очередь, мелкобуржуазным) тов. Преображенский, между прочим, пишет: нелепо считать, будто

> «социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед («развитие назад» не есть развитие. Н. Б.), но невозможно стояние на одном месте». (Стр. 78).

Если сопоставить это место с концом формулы «основного закона», где тов. Преображенский говорит о «собственном (т.-е. пролетарском) земледелии», то у нас будет достаточно ясное представление о том, как мыслит себе автор «основного закона» неизбежную победу социалистического режима в хозяйстве. Госпромышленность разрушает и вытесняет («пожирает») мелкое хозяйство деревни, которое замещается (каким образом—пока еще не совсем ясно) «собственным земледелием» пролетариата. Мелкое хозяйство разрушается («пожирается») путем систематической эксплоатации (неэквивалентный обмен, налоги и различные средства внеэкономического давления), а пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления.

Если бы перспектива была (вернее, если бы она могла быть) такой какой ее рисует тов. Преображенский, то поистине странными являются наши заботы о крестьянском хозяйстве. Но, впрочем эту тему развивать здесь рано. Перейдем прямо к делу. Правда ли, что мы обязательно пойдем через разрушение («пожирание») сельскохозяйственного мелкого производства? Верно ли это?

Мы думаем, что в корне неверно. Мы думаем, что эта совершенно не ленинская (я говорю это отнюдь не для полемики в скучно-мелком смысле этого слова) постановка вопроса абсолютно не отвечает наметившимся путям развития в сторону социализма.

Что мы выдвигаем сейчас и на что мы ориентируемся в первую голову? На госторговлю и кооперацию. Какой план выдвинул Ленин, какую генеральную линию политики он дал для превращения мелкого производителя в члены будущей социалистической общины? Кооперативное об'единение крестьян под руководством не буржуазии, а пролетарского государства, с его банками, с его кредитом, с его промышленностью и транспортом и т. д., и т. п. Согласен с этим планом тов. Преображенский или нет?

Если он не согласен, тогда он обязан был выставить ряд доводов против «утопичности» (или чего другого: мы уж не знаем) этого плана. Если он согласен, тогда все его построение никуда не годится.

Ибо, ведь, ясно «как апельсин», что в этом случае речь идет вовсе не об уничтожении, вовсе не о пожирании (путем «экс-

плоатации» и на манер периода первоначального накопления), а о постепенной переделке крестьянских хозяйств на основе их экономического роста. А это песня из совсем, совсем другой оперы, отнюдь не оттуда, откуда доносится «ужасно-пролетарская» (а на самом деле цеховая) «песнь» тов. Преображенского.

И здесь у тов. Преображенского та же игра в аналогии с капиталистическим развитием. И здесь тов. Преображенский совершенно не понимает основного своеобразия процесса как раз для таких аграрно-крестьянских стран, о которых он в первую очередь и рассуждает. К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через процесс обращения, а не посредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию [1]).

Как упомянуто, тов. Преображенский не ставит даже этого вопроса, хотя ленинские статьи были весьма убедительны.

Черного и белого не покупайте.

«Да» и «нет» не говорите.

Тов. Преображенский не говорит ни «да», ни «нет» открыто.

По существу же он говорит «нет».

Однако, у него есть одно характернейшее местечко, где это «нет» звучит довольно открыто, хотя и не без робости. Вот что пишет тов. Преображенский по этому поводу:

> «Что... касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие отношения вполне возможны и должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе неокапитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и его (sic!) подчиненных, т.-е. те элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но рядом с этим неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть остается мелким производством; другая—кооперируется капиталистическим путем; третья, в обход этого последнего процесса об'единяется на основах какой-то (!) новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.
>
> Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть». (100—101).

[1]) Здесь указан лишь основной процесс; само собою разумеется, что и сел.-хоз. коммуны и артели, и др. производительные об'единения тоже будут делать свое дело.

Вот и все. C'est tout.

Прежде всего, здесь нас поражает скромность величия тов. Преображенского: прямо хоть святым его на небо возноси: он не полемизирует с Лениным, который выставил, ведь, определенный громадный план, являющийся в то же время теоретическим предвидением; он «просто» заявляет, что нельзя давать теоретический анализ «того, что еще не существует, а только должно возникнуть». По-нашему, это—увертка. Ибо, вот мы в нашей стране только-только приступили к социалистическому накоплению (не так ли?), в других странах это лишь «должно возникнуть». А тем не менее тов. Преображенский уже поспешил, ведь, вывести «основной закон» (основной—имейте в виду!) этого социалистического накопления. А этот основной закон говорит о движении накопления, о накоплении в разных странах и проч. Так что совершенно напрасно тов. Преображенский так уж скромничает. Некругло это выходит у него!

Ну, а по существу?

По существу эволюция крестьянского хозяйства идет у тов. Преображенского по трем направлениям.

1. Мелкое хозяйство «остается» мелким хозяйством.

2. Мелкое хозяйство через капиталистическую кооперацию становится капиталистическим.

3. Мелкое хозяйство кооперируется неизвестным пока социалистическообразным путем, при чем зародышем этого является с.-х. артель и коммуна.

Мы прежде всего с изумлением констатируем, что здесь нет места для ленинской кооперации, ведущей крестьянство к социализму. Здесь нет кооперации в обращении, через которую, при помощи наших командных высот, мы втаскиваем массу крестьянства в общесоциалистическую хозяйственную систему. Вместо этого тов. Преображенский выставил второстепенные по своему значению и непосредственно производственные «с.-хоз. коммуны». Слона тов. Преображенский не приметил.

Далее. Кого же государственное хозяйство будет «пожирать»?

Очевидно, не коммуны.

Капиталистически кооперированных крестьян?

Но таких будет лишь некоторое меньшинство.

Следующий главный метод настоящей хозяйственной «социализации» есть метод «пожирания» («простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством», как в этой связи выражается тов. Преображенский). И это есть метод по отношению к главной массе мелких производителей.

Нужно ли говорить, что это—самая настоящая утопия? Тов. Преображенский и здесь не видит своеобразия тех путей, которые даны вместе с пролетарской диктатурой. Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле, «некапиталистическая эволюция», которую проповедывали некоторые писатели при капитализме («кооперативно-аграрный социализм») становится реальностью при диктатуре пролетариата. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капи-

талистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране, кооперативные организации крестьянской массы (даже массы) неизбежно «врастали» в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут «врастать» (и уже фактически «врастают») эти организации при пролетарских командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. п.

Этого не понял т. Преображенский. Но и здесь у него есть своеобразная логика: «эсплоатации», «колониям» и т. д., вполне соответствует и идея «пожирания». Это опять совсем не из той оперы, не из ленинской оперы, тов. Преображенский!

3. Классовое порабощение или классовый союз и классовое руководство.

Рассматривая соотношение сил в такой стране, как СССР, нужно понять, что диктатура пролетариата означает одно отношение между пролетариатом и буржуазией и другое отношение между пролетариатом и крестьянством. Пролетариат господствует над буржуазией. Но пролетариат руководит крестьянством, используя при этом и свою концентрированную власть. Рабочий класс «опирается» на крестьянство, и поэтому его диктатуру нельзя рассматривать в ее отношении к крестьянству по тому же типу, что диктатуру буржуазии над пролетариатом. А именно так по сути вещей рассматривает дело т. Преображенский.

Государство у нас в точном смысле не «рабоче-крестьянское», а рабочее. Но рабочее государство опирается на крестьян,—отношение очень своеобразное, и в этом своеобразии его нужно «теоротически схватить».

Как раз этого своеобразия и не схватывает тов. Преображенский.

Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж крестьян — и здесь «эксплоатация». Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового порядка вещей,—и здесь закон социалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически—быстрое «пожирание» старых форм,—и здесь то же самое. И т. д.

Словом, совсем как в самых порядочных семьях!

Но только на самом-то деле все обстоит не так просто и «мило», как изображает его тов. Преображенский.

Мы до сих пор останавливались на этом вопросе с точки зрения анализа различных хозяйственных форм. А теперь мы поставим резко вопрос под углом зрения классовых соотношений.

Тов. Преображенский исходит из того, что он проводит аналогию между отношением рыцарей первоначального накопления к мелкому производителю и отношением к нему со стороны пролетариата.

Но разве это вообще не чудовищная аналогия? Опять-таки мы говорим это не из страха перед реальными фактами и их возможным «нехорошим» привкусом, а просто-напросто из желания хотя какой-нибудь близости к об'ективной действительности.

Мы кричим на все лады о рабоче-крестьянском союзе, блоке и т. д. Ведь до сих пор никто не говорил против этого блока. Ведь это как-будто считается аксиомой в наших рядах. Не так ли?

А где и когда в эпоху первоначального накопления капитала была речь о блоке между рыцарями этого накопления и их жертвами? Пусть кто-нибудь укажет хоть что-либо подобное.

Никто не укажет. Ибо указать нельзя. Ибо само предположение такого блока есть абсурдное предположение.

А рабоче-крестьянский блок у нас был, есть и, мы надеемся, будет реальностью.

Как же можно делать такие аналогии? Как же можно на их основе строить целые теории? А потом—мы увидим это ниже—определять линию экономической политики пролетарского государства?

И опять: и эта «аналогия» т. Преображенского «увязана» с его вышеразобранными утверждениями. (Нетрудно видеть, что если бы партия прониклась такой «преображенской» идеологией, она разрушила бы основу своей собственной силы: рабоче-крестьянский блок).

Если уж искать аналогий в буржуазном обществе, аналогий с отношениями между рабочими и крестьянами, то нужно искать этих аналогий совсем не там, где их ищет т. Преображенский. Постараемся найти их сами.

Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянина—фактически—земля и сельское хозяйство [1]); крестьянин—продавец с.-х. продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий, в общем, наоборот. Непосредственные интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же—остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и земловладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия крайне условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии—власть и фабрики. У землевладельцев—земля. Противоречие интересов идет по линии цен. Отсюда их борьба, иногда при определенных условиях, довольно острая. Но в то же время (мы говорим о периоде власти буржуазии) есть блок, союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия руководит этим блоком, буржуазия опирается на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время эволюция этих классов? Она заключалась в том, что через процессы обращения, через банки, через форму акционерных компаний и т. д., и те, и другие (т.-е. и промышленные капиталисты, и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда. Дивиденд стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода,—такова, по крайней мере, была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

[1]) Хотя то обстоятельство, что земля юридически есть собственность рабочего государства, играет громадную роль.

Нечто формально сходное будет происходить,—если брать широкие исторические масштабы,—и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это—музыка будущего. Разумеется, на очереди дня стоят сейчас иные проблемы. Но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. И та перспектива, из которой исходит тов. Преображенский, в корне неправильна.

4. Рабоче-крестьянский блок и экономическая „политика" тов. Преображенского.

Из вышеприведенных теоретических соображений тов. Преображенский делает и соответствующие практически-политические выводы. «Установив», что неизбежно «пожирание» несчастных «третьих лиц», т.-е. обитателей «унутренних и унешних колоний», т. Преображенский пишет:

№ 1. «Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.-е. к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах». (Стр. 79).

Извиняясь перед читателем за последующие километрические выписки, мы все же вынуждены их сделать для того, чтобы добросовестно проследить ход мыслей т. Преображенского. Для удобства последующей критики обозначим отдельные положения автора специальными номерками, начиная с вышеприведенной цитаты.

№ 2. Стр. 59. «Во всяком случае мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

№ 3. Стр. 69 — 70. «То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях, будет завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю,—при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика, это вопрос другой (!!). Экономически же она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству,—подарок, тем более, тяжелый для государственного хозяйства, чем беднее это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него занимать в филантропической (!) по своей доходности торговле часть тех капиталов, которых нехватает в самом производстве». (Курсив самого автора. Н. Б.).

№ 4. Стр. 99. «Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и технически досягаемого) не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства». (Курсив наш. Н. Б.).

Итак: 1) нужно вести политику высоких цен для эксплоатации крестьянского хозяйства (что важно с точки зрения социалистического накопления); 2) здесь нужно (№ 4) брать все то, что брать экономически возможно и, что можно технически достать; 3) под «экономически возможной» (в высшей степени не ясное выражение) политикой необходимо, однако, разуметь такую политику, которая никак не ставит своей целью брать меньше, чем брал капитализм; 4) такая политика была бы мелкобуржуазной, была бы подарком крестьянину, ущербом для промышленности, а вместе с нею и для дела социализма. Вот концепция т. Преображенского в области «политики цен». «Бери дороже!»—вот вся премудрость, основывающаяся на «основном законе» тов. Преображенского.

Возьмем под критическую лупу эту премудрость преображенной т. Преображенским «партийной» политики.

Присмотримся к цитате № 2 насчет мелкобуржуазной политики нашей партии (ибо всякий видит, что т. Преображенский спускает с тетивы критическую стрелу своего анализа именно в действительную политику нашей партии). Мысль т. Преображенского состоит здесь из двух положений: первое—нельзя руководствоваться целью брать меньше, чем брал капитализм и второе—мы будем брать больше, ибо доход крестьянина будет больше, а будет он больше, потому что его хозяйство будет более рациональным, а стало-быть и более доходным.

Во втором положении т. Преображенского есть много здравого смысла в хорошем значении этого слова. Но это второе положение противоречит всему остальному, является невольной данью ленинскому учению, данью, затерявшейся в горе антиленинских построений автора.

В самом деле. Если т. Преображенский думает, что мы будем брать больше, ибо доходы крестьянского хозяйства будут больше («рационализация» и т. д.), то как же это примирить с теорией «пожирания»? Ведь здесь вопиющее противоречие, и притом отнюдь не диалектическое, а совершенно плоское!

Что-либо одно из двух: или ведется линия «колониальная» на эксплоатацию, на вытягивание всего «технически достижимого»: тогда мы будем иметь хирение крестьянского хозяйства, падение его дохода, исчезновение и разрушение крестьянского хозяйства, его «пожирание». Но тогда неоткуда появиться «большому доходу», «рационализации» и прочему, что в двух строчках обещает «милостивец» т. Преображенский мелкобуржуазным производителям.

Или пролетарское государство действительно может больше получать на основе растущей рационализации и растущей доходности крестьянского хозяйства. Это — действительно правильная политика. Но тогда все—или почти

все—положения т. Преображенского нужно перевернуть. Никакого «пожирания» мелкобуржуазных хозяйств не будет (само собою разумеется, что мы здесь говорим о главной массе середняцкого хозяйства, и что это не исключает частичного исчезновения мелких хозяйств в связи с выталкиванием избыточного населения в города под процессом пролетаризации, каковой будет происходить и при строе пролетарской диктатуры). Будет их *превращение*, их трансформация, на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будет в то же время означать и *втягивание этих хозяйств через кооперацию* в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на *изничтожение* нужно держать курс, а на *вовлечение* крестьянского хозяйства в систему госхозяйства.

Но если мы «больше будем брать» *по мере роста доходности*, то ясно, что нам отнюдь не безразличен вопрос о «*накоплении*» (мы берем этот термин в ковычки, так как это—специфический термин *капиталистической* экономики) *в крестьянском хозяйстве*. А если мы заинтересованы и в этом накоплении, то нам нельзя ограничиться лозунгом: «бери возможно больше». Тогда нам нельзя говорить о границе «выкачивания», как о «технически-возможной». Тогда нельзя говорить о тяжелом для социализма «подарке» мелкой буржуазии. Тогда нам нельзя говорить о филантропии и прочем. И тогда нам нельзя формулировать и самую проблему так *грубо упрощенно*, как формулирует ее товарищ Преображенский.

В третьем № «положений» тов. Преображенский всю проблему сводит к проблеме арифметического сложения, вычитания, деления. *Разделить данное*, чтобы больше досталось пролетарской промышленности. *Вычесть* из крестьянского хозяйства. Нельзя вычесть *меньше*, ибо это значит *вычесть* у социалистической промышленности и *прибавить* к крестьянскому хозяйству и т. д.

Но, ведь, все это—поистине *младенческая* «мудрость» а вовсе не пролетарская.

Ибо дело отнюдь не ограничивается проблемой *дележа уже данного* «национального дохода» между рабочим классом и крестьянством (в целях упрощения проблемы мы отвлекаемся здесь от частного капитала). *Гвоздь* проблемы вовсе не здесь, не в этом. Вот чего никак не может понять тов. Преображенский.

Гвоздь проблемы заключается *в увеличении* «национального дохода», т.-е. в под'еме производительных сил, и притом *в такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений*.

А это такая проблема, которая вовсе не сводится к простой дележке данного запаса, к операциям сложения, вычитания, деления над *уже данными величинами*.

Ибо задача состоит в том, чтобы эту «данную величину» «национального дохода» постоянно *повышать*. Вот почему вопрос о «накоплении» *в социалистической промышленности* выступает неизбежно, как вопрос, связанный с проблемой «накопления» *в крестьянском хозяйстве*, которое образует *рынок* для промышленности и совокупность хозяйственных единиц, подлежащих втягиванию в государственное хозяйство и постепенной переработке.

Вопрос о *емкости внутреннего рынка* даже не поставлен тов. Преображенским. Между тем, это—центральный вопрос нашей экономики. Только в одном месте своей работы тов. Преображенский пишет:

> «Препятствия, которые встречает на этом пути (т.-е. на пути т. Преображенского. Н. Б.) государственное хозяйство, заключается не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего *в слабой покупательной способности частного хозяйства*». (Стр. 80, курсив наш. Н. Б.).

И больше *ни слова*. А между тем, казалось бы, что именно над этим вопросом и следовало бы поразмыслить.

Если такое «препятствие» *налицо*, то можно ли не считаться с этим «препятствием»? Предположим, что мы, по желанию тов. Преображенского, не «делаем вычета» «из социалист. промышленности», не занимаемся «филантропией», а, несмотря на «препятствие», проводим «линию» тов. Преображенского, гнем ее «до победоносного конца». Что мы неизбежно получим? Сокращение спроса, кризис сбыта, застопорившийся процесс общественного воспроизводства, упадок промышленности и т. д. Другими словами: из «социалистически-пролетарской», «антифилантропической» и проч. позиции тов. Преображенского целиком вытекает *подрыв и разорение социалистической промышленности и всего народного хозяйства в целом*.

Методологический корень ошибки тов. Преображенского весьма «на виду»: во-первых, он берет вопрос *в статике*, а не *в динамике* (*дележ данного, а не изменяющегося*); во-вторых, он берет социалистическую промышленность *изолированно*, а не *в связи* с крестьянским хозяйством (вся «связь» у него—только в вычетах; он не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств—есть функция накопления в крестьянском хозяйстве).

Грубо говоря: тов. Преображенский предлагает пролетариату *зарезать* курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность.

Но крестьянство—это для пролетариата *такая* «курица», которая должна превратиться *в человека*. И пролетариат этому должен, ради своего собственного дела, *всемерно помочь*. Не видеть этой цели значит быть своеобразным оппортунистом, не видящим основных революционных задач рабочего класса, значит—в данной связи—быть *нерасчетливым скопидомом, скрягой*, который боится выпустить в оборот копейку (как бы она не пропала!) Неправда, что нужно брать наибольшую цену. Нужно брать такую цену, которая обеспечивает, *не на один хозяйственный год*, возрастающий доход социалистической промышленности, стремясь постоянно к ее понижению. А такая политика цен не строится на основе примитивной формулы: бери все, что «технически достижимо». Это—вульгарное представление, которое никак не может быть положено в основу политики цен.

Тов. Преображенский в одном месте, сам чувствуя слабость своей позиции, говорит:

(«Я сознательно избегаю говорить «на основании повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов, снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления») (80).

Но и это скромно притаившееся у т. Преображенского в скобках местечко, «смягчающее» «промышленный» задор автора, тоже не спасет дела.

Ну, скажите пожалуйста, не чудовищна ли сама по себе такая «уступка» со стороны тов. Преображенского: «Я сознательно избегаю говорить: на основании *повышения* цен».

Еще бы! Вряд ли нашелся бы хоть один смельчак, который ставил бы себе задачу все время *повышать* цены, из года в год и из месяца в месяц. Вряд ли кто мог бы выступить в защиту такого милого строя, который открыто писал бы на своем знамени этакую цель. И вряд ли нашлись бы дураки, которые этакий порядочек бы терпели. Так что *такая* декларация тов. Преображенского производит, ей-ей, странное впечатление.

Но тов. Преображенский рисует перспективу падающих *или неизменных* цен. Мы же говорим: нужно всемерно стремиться к тому, *чтобы цены падали*, чтобы у нас был *исключен* экономический застой, и что *таким образом* в общем итоге дело социализма *выиграет*, ибо будет гораздо более быстрый темп накопления во всей стране и особенно быстрый темп накопления в социалистической промышленности, действительно имеющей возможность получать добавочную прибыль и опираться на громадную концентрированную *мощь* всего государственного аппарата в целом.

Два слова о путях к социализму и «филантропии». Ленин сказал:

«Собственно говоря, осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации, и наладить это участие. «*Только*» *это*. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Поэтому нашим правилом должно быть как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас» (О кооперации).

И несколько раньше:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (там же).

Приводить из Ленина цитаты, где он говорит о том, что мы должны стремиться показать крестьянину большую дешевизну нашего производства по сравнению с капиталистическим—излишне.

Между системой взглядов, развитых тов. Преображенским, с одной стороны, и ленинским учением о *хозяйственном блоке рабочих и крестьян*—«дистанция огромного размера», как видит всякий непредубежденный читатель. Пора нам действительно понять, что нужно поменьше «мудрствований и выкрутас» и побольше ленинской *мудрости*, которая проста, как просто все великое, но проста особой простотой, которую нужно видеть и прочувствовать до конца.

5. Монополистический паразитизм или социалистическое движение вперед?

Вопрос о политике цен имеет очень крупное значение и с другой общей точки зрения. А именно: всякая монополия таит в себе некое консервативное начало. Совершенно верно отмечает тов. Преображенский, что нельзя проходить *мимо* того основного факта, что социалистическая промышленность строится на развалинах *монополистического* капитализма. Точно также справедливо положение тов. Преображенского о том, что эта монополистическая структура при господстве пролетариата получает свое дальнейшее развитие, и что поэтому в руках у пролетариата концентрируется громадной мощности экономический кулак.

Все это верно и даже настолько верно, что является истиной, всем известной. Но вот что позабывает тов. Преображенский, вот что он *проглядел*: монополистический капитализм имел и имеет в себе самом зародыш, который *тормозил и тормозит* развитие производительных сил. Движущим мотивом капитализма является *прибыль*. Развитие производительных сил в капиталистическом обществе шло *через механизм конкуренции*. Ибо любой капиталист, вводивший технические улучшения и т. д., получал добавочную прибыль («дифференциальную прибыль»). Конкуренция тащила других *сюда же*, борьба шла на новой основе, «передовые» капиталисты вводили еще большие новшества, развертывали еще более массовое производство и т. д. *Средством борьбы были дешевые цены*, что и являлось рыночным выражением роста производительных сил. *В этом* заключалась, между прочим, одна из главных исторически-прогрессивных сторон капитализма по сравнению со всеми докапиталистическими способами производства. Когда капиталистическое развитие замыкает свой предначертанный историей круг, оно приводит к *монопольно*-капиталистическим формам «Жало конкуренции» в значительной мере исчезает. Прибыль *обеспечена* монопольной формой. Нечего спешить. Нечего двигать производство дальше тем же бешеным темпом. Ибо гарантирована добавочная, *картельная сверхприбыль*.

Правда, *международная* конкуренция не дает успокоиться. Но ее действие внутри страны парализуется высокими таможенными пошлинами. Вот почему налицо элементы так называемого «загнивания».

Посмотрите теперь на наше положение. Вот что пишет о нем тов. Преображенский. Утверждая, что мы должны вести политику, «сознательно рассчитанную на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах», автор продолжает:

«Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же в результате ликвидации свободной конкуренции приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промыш-

ленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплоатации мелкого производства и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства». Далее идет место о «препятствиях», в том числе о слабости внутреннего рынка, которое мы цитировали в предыдущем изложении (см. стр. 79—80, курсив наш. Н. Б.).

Хорошо. Что же у нас получается?

Монополистская тенденция увеличена.

Возможность получать «на готовенькое» добавочную прибыль увеличена.

Это факты. Но не вытекает ли из этого увеличенная опасность паразитического загнивания и застоя? И что является гарантией против этого застоя?

Вот над этой проблемой, проблемой громаднейшей, мы бы сказали, исключительной важности проблемой, нужно было бы подумать тов. Преображенскому. И если бы он над этой проблемой подумал, он бы заново перестроил всю свою теорию первоначального социалистического накопления.

Конкуренции у нас нет. Гарантированная прибыль не поступает в распоряжение частных лиц. Хозяйственники—кадр пролетарских борцов, но они тоже подвержены человеческим слабостям и могут соскользнуть на положение покоя, вместо беспокойства, тревоги и заботы в движении к коммунизму. Что же толкает наше производство вперед? Что? Где стимул, который заставляет (именно заставляет) двигаться вперед, гарантирует это движение вперед, заменяет частнохозяйственные стимулы прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятия? Где своеобразная механика в экономике нашей переходной эпохи?

Мы утверждаем, что гарантия лежит в давлении широких масс, прежде всего рабочих, а затем и крестьянских масс. Несмотря на то, что у нас сохранилась пока капиталистическая форма «прибыли», что у нас все расчеты и калькуляции проходят в этих формах, все же рычаги движения вперед у нас иные. Мы сами, т.-е. руководящие круги в стране, т.-е. партии в первую голову, выражаем и отражаем («регулируя», «контролируя», «поправляя» и т. д.) этот рост потребностей массы. Другими словами: несмотря на существование рынка и капиталистические формы нашего госхозяйства, мы уже начинаем переходить от типа хозяйства, руководствующегося прибылью, к типу хозяйства, руководствующемуся прибылью, к типу хозяйства руководствующемуся покрытием потребностей масс (это есть один из признаков социалистического хозяйства).

Это отнюдь не означает, что у нас, при этом типе отношений, накопление должно итти медленное. Наоборот (и это нужно подчеркнуть из всех сил!): именно потому, что нам нужно ставить своей задачей покрытие потребностей, именно потому, что будет все расти давление этих потребностей, имен-

но поэтому руководящие круги нашей промышленности и государство в целом будут вынуждены улучшать всеми мерами производство, расширять его, делать его более дешевым. В этом заложена гарантия нашего роста. Конечно, на это могут сказать, в особенности под влиянием ряда трудностей, возникающих на пути, что мы идем по линии «против хозяйственников». Но это было бы вздором. Мы уже упоминали о необходимости «регулирования», контролирования» etc «давления потребностей». Но, смотря на весь процесс об'ективно-исторически, нельзя не признать, что именно здесь лежит основной рычаг нашего хозяйственного прогресса.

Возвращаясь к политике цен в этой связи различных проблем, мы придем к такой постановке вопроса.

1. Мы ведем политику повышающихся цен, используя свое монопольное положение. С данной точки зрения ясно, что это—максимальное выражение паразитического загнивания монопольного хозяйства.

2. Мы ориентируемся на неизменные цены. Это будет «нормальным» загниванием, хозяйственным застоем, до крайности медленным накоплением в стране, хозяйственным прозябанием.

3. Мы ориентируемся на все более низкие цены. Это будет выражением роста производительных сил, расширением производства и т. д. Это будет выражением движения вперед, т.-е. в наших условиях движением к социализму, и притом движением с максимально быстрым темпом накопления.

Здесь нужно избежать того, чтобы дать повод к неправильным возражениям.

Во-первых, нужно иметь в виду, что, как правильно указал сам тов. Преображенский, и при понижающихся ценах на продукты нашей госпромышленности мы можем получать добавочную «прибыль» за счет мелкобуржуазного хозяйства; весь вопрос как раз и состоит в том, должны ли мы, имея в кармане гарантированную монопольную прибыль, успокоиться или итти вперед; а итти вперед быстрым темпом нельзя, не понижая цен, не развивая производительных сил и т. д.

Во-вторых, было бы вздорным с нашей стороны отказываться от использования нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка,—это раз; затем: всякий прирост мы должны употреблять так, чтобы от этого получалось расширение производственного поля, удешевление производства, снижение себестоимости и, следовательно, более дешевые цены в каждом последующем цикле производства.

Или иначе:

По Преображенскому дело обстоит так:

Мы должны обеспечить возможность «на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения (при чем налоги-то остаются, и у т. Преображенского речь идет отнюдь не о замене открытых налогов скрытой их формой. Н. Б.). Препятствия... заключаются прежде всего в слабой покупательной способности» и т. д.

По-нашему же, дело обстоит совсем не так, а именно: Мы должны ориентироваться на возможно более низкие це-

ны, удовлетворяющие массы и т. д. Но препятствием этому служит дороговизна нашего производства, высокая себестоимость и т. д. Поэтому мы должны делать все, чтобы эту себестоимость снизить.

Нетрудно видеть всю принципиальную разницу между позицией тов. Преображенского и нашей. Нетрудно также видеть, что политика тов. Преображенского в своем развернутом виде приводит к позиции монополистического паразитизма.

Если теперь снова вспомнить все, что говорилось выше об «эксплоатации», «колониях», «пожирании» и т. д. то опять-таки нетрудно констатировать, что все эти теоретические положения увязаны у т. Преображенского с теорией, мы бы сказали, «монополистического самодовольства», которая грозит превратиться в теорию «монополистического паразитизма»: «аналогия» с «загнивающим» капитализмом была бы полная, но от этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению»! [1]).

6. Рабоче-крестьянский блок под политическим углом зрения и позиция тов. Преображенского.

Из предыдущего вытекает, что позиция тов. Преображенского угрожает блоку рабочих и крестьян, блоку, на котором строилась и строится вся позиция ортодоксального большевизма. Ибо нетрудно понять, что в тот период, когда рабочий класс стоит у власти, его политическая гегемония, его политическое руководство не может быть прочным, если под него не подведен базис хозяйственной гегемонии. А эта хозяйственная гегемония не может быть осуществлена иначе, как приспособлением промышленности к крестьянскому рынку, постепенным овладеванием этим рынком, внедрением новых методов в сельско-хозяйственное производство благодаря помощи индустрии, постепенным вовлечением крестьянства в кооперативную сеть и, наконец, подведением нового технического фундамента (электрификации) по мере роста социалистического накопления.

---

[1]) Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения тов. Преображенского, где он Преображенский изображает процесс социалистического накопления, как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению тов. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т. е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то нетрудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на развитие производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть об'ективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т. е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановой сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у т. Преображенского.

Та политика, которую предлагает тов. Преображенский, означает разрыв рабоче-крестьянского блока, или, по крайней мере, его сильный подрыв.

При этом чрезвычайно характерно, что тов. Преображенский как-то совершенно в духе старых «экономистов» резко отделяет экономику от политики, точно политика это не «концентрированная экономика», а некая «вещь в себе», »от которой можно отвлечься и без которой можно «делать дела» в духе «социалистического накопления».

Мы помним, как мало тов. Преображенский остановился на значении основного «препятствия» для своей политики, на вопросе о емкости внутреннего рынка. Теперь добавим, что вслед за этим упоминанием мы находим у него такое место:

«Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства...» (80).

И он сдерживает свое обещание: больше не говорит.

Впрочем, есть все же одно место в его работе, которое отражает всю непродуманность и эклектичность построений тов. Преображенского.

«Играя» своими аналогиями («играя» всерьез), тов. Преображенский, между прочим, пишет:

> «Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное об'единение, принципиально отвергает все насильственные методы в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.
>
> Совсем иначе обстоит дело с эксплоатацией в пользу социализма всех досоциалистических экономических форм. Обложение (их. Н. Б.)... должно получить огромную, прямо решающую, роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз». (58).

Мы не будем останавливаться на целом ряде мелких противоречий, которые есть у автора по данному вопросу. Мы возьмем быка за рога. Мы спросим у тов. Преображенского, почему же в этом случае (с национальностями) политический мотив («политика равноправия») заставляет автора подправить (впрочем, только на одной странице, ибо на других говорится не совсем то) свой «основной закон», тогда как в случае с рабоче-крестьянским блоком автор ограничивается заявлением:

«Я не говорю... о затруднениях политического свойства»? Ведь, это беспринципность, непоследовательность, неумение свести концы с концами!

Это все тем более странно, что вопрос об экономической политике и политике вообще в бывших (бывших, тов. Преображенский!) колониях есть лишь усложненный, несколько измененный, вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству вообще! Ведь, эта истина, казалось бы, достаточно разжевана в литературе, в решениях конгрессов и с'ездов. Но вот поди ж ты! И такие товарищи, как Преображенский, спотыкаются на «эфтом месте», хотя оно, это место, приведено в весьма добропорядочное состояние.

Несколько комично разбирать аргументацию тов. Преображенского по существу. Ну, возьмем только для примера, его положе-

ние о недопустимости «колониального грабежа» «по случаю» национального вопроса. А такие штуки, как законы «об огораживании» (конечно, не в прямом смысле слова) «допустимы» там, где нет «национального вопроса»? А если нет, то почему?

Стоит только поставить, этот, один единственный, вопрос, чтобы увидеть всю фальшь «преображенской» линии.

Эта линия противоречит **основам политики рабоче-крестьянского блока.**

Линия же на этот блок есть существо всей политики переходного периода. Ибо для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства, рационального плана и анархического рынка и т. д., и т. п. выражает главную **классовую** проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством. **Оторвать** экономику от политики, да еще по всему фронту, увертываться от этой политики,—это значит не понимать проблемы в **ее целом**, не видеть ее исторического смысла, упускать **основное**, от чего нельзя скрыться, улизнуть, спрятаться.

Или мы в переходный период ориентируемся на блок рабочих и крестьян под руководством пролетариата,—тогда эта линия должна быть основным принципом нашей деятельности всюду и везде.

Или это для нас—«красное словцо». Тогда мы можем допустить те «вольности дворянства», которые намечает тов. Преображенский. Но тогда мы должны ясно видеть, что это идет **против рабоче-крестьянского блока**, что здесь **иная**, не ленинская, оценка движущих сил революции, что здесь в основе иное представление о ходе всего революционного процесса.

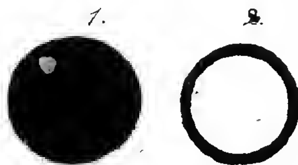
И тогда нужно **выбирать.**

Нам нечего доказывать, **какой** должен быть наш выбор. Ибо ленинизм подтвержден не только логическими аргументами, хотя бы и самыми совершенными, но и опытом трех революций, по меньшей мере.

7. „Закон" тов. Преображенского в целом.

Нам хотелось бы сказать теперь несколько слов по поводу общей формулировки «закона». Прежде всего, необходимо отметить путаницу в самом содержании этого «закона», путаницу, которая на первый взгляд скрыта, не видна, спрятана.

Представим себе два типа стран: промышленная страна с незначительным крестьянско-аграрным привеском и страна крестьянская со слабой индустрией. Для ясности изобразим дело графически:

Белая часть—крестьянск. хоз. Черная — промышленность и крупное сельское хозяйство, которое переходит к пролетариату.

После социалистического переворота черная часть (промышленность и крупн. сельск. хозяйство) попадает в руки пролетариата. Когда начинается процесс накопления, то немудрено, что в первом случае «удельный вес» прибавочного труда промышленности будет иметь большое значение для социалистического накопления, а во втором—неизмеримо меньшее. Но это положение является поистине трюизмом, ибо это—только другое выражение того факта, что в первом случае «удельный вес» **промышленности** гораздо больше, чем во втором.

Однако, тов. Преображенский, на ряду с этим, ставит **другое** положение и связывает его **вместе** с «трюизмом», что **неверно**, ибо не всегда обязательно. А именно: тов. Преображенский говорит об эквивалентности или, вернее, о **неэквивалентности обмена** между городом и деревней, при чем выходит, будто, чем больше удельный вес крестьянского хозяйства, тем менее эквивалентен должен быть обмен и наоборот. Однако, это, как упомянуто, вовсе не обязательно. Пусть перед нами высоко развитый хозяйственный комплекс. Пусть, следовательно, крестьянское хозяйство в нем—совершенно незначительная величина (доминирует крупное с-хоз. производство и концентрированная промышленность). Значит, ли это, что удельный вес прибавочного труда, идущего с крестьянина в фонд социалистического накопления, велик? Нет, он ничтожен. Но значит ли это, что здесь обязательно имеется эквивалентный обмен? Ничуть. Ибо как раз **неэквивалентность** может быть **очень велика в силу громадной разницы в технико-экономической структуре**. Даже при весьма **дешевой цене** (самой по себе) продуктов промышленности крестьянин будет получать не полный эквивалент, ибо его индивидуальные издержки на единицу хлеба будут **гораздо выше** издержек в **крупном сельском хозяйстве**, и потому неизбежно расхождение, трудовых ценностей при обмене, если даже считать по «двум системам», как считает здесь тов. Преображенский.

Вопрос, таким образом, не так уж прост, как он выглядит у тов. Преображенского.

Чтобы ближе присмотреться к «закону», мы должны сперва проанализировать, что же, в сущности, понимает тов. Преображенский под «социалистическим накоплением» и т. д. Послушаем самого автора.

> «**Социалистическим** накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, **первоначальным социалистическим** накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, **главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства**. (Этот курсив наш. Н. Б.). Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда ...это (т.-е. государственное Н. Б.) хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. ...Накопление первым способом, т.-е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны наз-

вать периодом первоначального или предварительного социалистического накопления... Основным законом нашего советского хозяйства как раз и является закон первоначального или предварительного (напі курсив. Н. Б.) социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической розни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости... Следовательно, мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве **закон социалистического накопления**». (Курсив автора; двойной курсив наш. Н. Б.).

Сперва отметим ряд мелочей. Во-первых, к капиталу нельзя прикладывать продукт; во-вторых, накоплением называется присоединение не только добавочного основного капитала (а превращенное в капитал сырье?); в-третьих, нельзя противопоставлять («не», «а») «добавочное распределение среди агентов соц. производства» «расширенному воспроизводству»: если, напр., в процесс производства вступают новые рабочие, это есть расширение производства. Но все это, конечно, сравнительные мелочи.

Существенно серьезное обстоит дело, когда мы перейдем к основным «определениям» тов. Преображенского.

Он резко разделяет два понятия: понятие социалистического накопления и понятие первоначального социалистического накопления. Он прямо говорит: «социалистическим накоплением» называется то-то и то-то. «Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением» называется то-то и то-то.

Соответственно этому он говорит о законе первоначального социалистического накопления. Но каково же будет наше удивление, когда мы увидим, что вслед за этим, буквально через несколько строк, словечко «первоначальный» выпадает! И каково же будет наше удивление дальше, когда мы узрим, что в основной формулировке основного закона (той, что приводили выше) это слово тоже исчезает! Там сказано:

> «Основной закон социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот закон имеет универсальное значение» (92; далее следует «формула»).

Итак, скажите же, ради бога, о каком законе идет речь?

Читатель, может быть, думает, что здесь случайная обмолвка, и что на все это не следует обращать внимания: мало ли с кем грех случается при спешной работе! Мы, однако, позволим себе поискать некоторых корней этой явной неразберихи.

Как мы видели, период первоначального накопления определяется, как период, главным образом, эксплоатации частного хозяйства: длится он, как подчеркивает тов. Преображенский, пока госхозяйство не «получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом».

Здесь нам дано: 1) материально-экономическое содержание процесса; 2) его исторические границы.

Попробуем теперь рассмотреть эти положения.

Казалось бы, раз тов. Преображенский говорит об основных законах и т. д., то можно было бы предположить, что речь идет о капитализме той самой страны, где пролетариат захватил власть.

Тогда «преобладание» («командные высоты») обеспечено довольно быстро. Это есть «экономическое преобладание над капитализмом», которое можно при неправильной политике утерять. Но оно есть, ибо в руках у пролетариата при восходящей кривой производительных сил имеется закон крупного производства.

Если это так, тогда, как это совершенно очевидно, не может быть дана та формулировка основного закона, которую дает тов. Преображенский. Ибо эта формулировка рассчитана на гораздо более длительный период.

Но предположим, что речь идет о капитализме других стран, более прогрессивных технически.

Тогда совершенно ясно, что «первоначальное накопление» вообще сливается с накоплением. Ибо, напр., пока в СССР мы дойдем до американского уровня, уйдет очень много времени. И все это будет значиться в графе первоначального накопления! Это «первоначалие» становится таким образом поистине перманентным!

Вот здесь зарыта собака. Тов. Преображенский незаметно превращает первоначальное социалистическое накопление в просто социалистическое накопление. Параллельно идет превращение закона из «первоначального» в просто закон. А все сие нужно для того, чтобы политику того периода, когда промышленность жила за счет крестьянства, растянуть вплоть до электрификации.

Таким образом, и в этих чудесных превращениях есть та же самая логика, какую мы обнаружили на всех предыдущих стадиях нашего анализа. Это есть логика неправильного понимания тех взаимоотношений, которые должны складываться между пролетариатом и крестьянством, и как политически связанными классами, и как классовыми носителями определенных хозяйственных форм. Стержень у тов. Преображенского есть и здесь. Беда только в том, что этот стержень гнилой.

Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных тред-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. Сюда «растет» эта идеология. И совершенно понятно, если подавляющая масса членов партии отвергает—и притом в очень резкой форме—такие или родственные «теории». Эти «теории» могут погубить (если бы только они имели шанс на «овладение» массами, чего, к счастью, нет и чего не будет) рабоче-крестьянский блок, ту гранитную основу, на которой построено рабочее государство, наш Советский Союз.

С. Гусев.

Наши разногласия в военном деле [1]).

Вопросы строительства Красной армии вновь ставятся в порядок дня.

Двухлетний опыт проведения милиционной системы, переход к регулярному комплектованию с двухлетним сроком службы, начатая весной этого года широкая реорганизация Красной армии,—все это знаменует начало нового этапа в развитии вооруженных сил СССР.

Но гораздо глубже и значительнее те изменения в составе Красной армии, которые отражают происшедшие за три года нэп'а изменения классов, их общественных отношений, их настроений и идеологии. С роспуском прошлых годов и с призывом контингента 1902 года Красная армия окрестьянилась.

Но и крестьянин, пришедший теперь в Красную армию, не тот, что прежде: трехлетней школы гражданской войны он не прошел, а прошел трехлетнюю школу нэп'а.

Нэп—двухсторонний процесс, одновременное противоречивое развитие социализма в городе, капитализма в деревне. Хозяйственные успехи городского социализма больше, чем рост деревенского капитализма. Но идеологические успехи кулака среди крестьян больше, чем успехи пролетария. Союз рабочих и крестьян в эпоху гражданской войны вовсе не означал усвоения крестьянством пролетарской идеологии. Кронштадтское восстание и повальное бегство из партии красноармейцев-крестьян в 1921 году показали, что союз рабочих и крестьян в гражданской войне скреплялся общностью врагов, а не общностью идеологии. Идеология у крестьянина осталась старая, направленная в сторону кулака, который персонально выражает капиталистическую тенденцию развития крестьянского частно-собственнического хозяйства. Вот почему идеологические успехи кулака превышают, обгоняют его хозяйственные успехи. Идеологическое влияние кулака в крестьянстве больше, чем это ему «полагается» по его экономической силе.

И контингент 1902 года, пришедший в этом году в Красную армию, не мог не отразить сдвигов и изменений, происшедших не только в крестьянском хозяйстве, но и в крестьянской идеологии.

Красная армия периода гражданской войны перестала существовать. На ее месте возникает Красная армия периода нэп'а. Такие глубокие изменения требуют пересмотра оставшегося нам от периода гражданской войны наследия. Вопросы, не имевшие в этот период политического значения, теперь таковое приобретают. Вопросы, бывшие третьестепенными, получают теперь первостепенное значение. Старые вопросы приходится по-новому ставить и по-новому решать.

[1]) Первые две главы из брошюры т. Гусева.

Пересмотр наследия прошлого совпадает с попыткой учета опыта гражданской войны в целях дать пролетариату тех стран, где диктатура буржуазии еще не свергнута, возможность использовать его. Таким образом с разных сторон и с неодинаковыми задачами начинается «переоценка ценностей».

I. Марксизм и военная наука.

(Политика и техника).

Вопрос об отношении марксизма к военной науке, к военному искусству, к военному делу, к военной истории возник вскоре после окончания гражданской войны. У красных командиров, переживших огромный опыт трехлетней гражданской войны, появилась сильнейшая потребность теоретически осмыслить этот опыт, не укладывавшийся в рамки той военной науки, которая была унаследована от царизма. С величайшей энергией они набросились на изучение марксизма и диалектики. В этом несомненно здоровом течении были с их стороны некоторые перегибы: новички в марксизме, они еще нетвердо ходили на «марксистских ногах» и делали ошибки в применении марксистского метода к военным вопросам.

Увлечение марксизмом вызвало в военных кругах обратную реакцию, против марксизма, началась борьба по вопросу о применимости марксизма к военной науке и к военному делу, при чем в общем сложилось такое деление: за марксизм—молодежь из краскомов, против марксизма—старые военспецы.

Против применения марксизма к военному делу выступил и т. Троцкий. (Подробно об этом рассказал т. Тухачевский на стр. «Красной Звезды»,—№ 185, от 17 сентября 1924 г.).

На совещании военных делегатов XI с'езда РКП, которое происходило 1-го апреля 1922 г., тов. Троцкий вопрос о марксизме ставил так: «Разве уставы наши создавались марксистскими методами? В первый раз об этом слышу. Уставы резюмируют военный опыт. Но как же их свести воедино марксистским методом? Это метод исторической, общественной науки... Военной «науки» нет и не было. Есть целый ряд наук, на которые опирается военное дело. Война не есть наука,—война есть практическое искусство, уменье. Война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело. Превратиться в науку война не может по самой своей природе, как не может стать наукой архитектура, коммерция, ветеринарное дело и пр. То, что называют теорией войны или военной наукой, не есть совокупность законов, об'ясняющих об'ективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления сноровок, отвечающих определенной задаче: разбить врага... Каким образом можно приемы военного ремесла строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник [1]). Историю вой-

[1]) Может ли марксизм научить плести лапти?—спрашивал тов. Троцкий на заседании ВНО 8-го мая 1922 г.

С. Гусев.

Наши разногласия в военном деле [1].

Вопросы строительства Красной армии вновь ставятся в порядок дня.

Двухлетний опыт проведения милиционной системы, переход к регулярному комплектованию с двухлетним сроком службы, начатая весной этого года широкая реорганизация Красной армии,—все это знаменует начало нового этапа в развитии вооруженных сил СССР.

Но гораздо глубже и значительнее те изменения в составе Красной армии, которые отражают происшедшие за три года нэп'а изменения классов, их общественных отношений, их настроений и идеологии. С роспуском прошлых годов и с призывом контингента 1902 года Красная армия окрестьянилась.

Но и крестьянин, пришедший теперь в Красную армию, не тот, что прежде: трехлетней школы гражданской войны он не прошел, а прошел трехлетнюю школу нэп'а.

Нэп—двухсторонний процесс, одновременное противоречивое развитие социализма в городе, капитализма в деревне. Хозяйственные успехи городского социализма больше, чем рост деревенского капитализма. Но идеологические успехи кулака среди крестьян больше, чем успехи пролетария. Союз рабочих и крестьян в эпоху гражданской войны вовсе не означал усвоения крестьянством пролетарской идеологии. Кронштадтское восстание и повальное бегство из партии красноармейцев-крестьян в 1921 году показали, что союз рабочих и крестьян в гражданской войне скреплялся общностью врагов, а не общностью идеологии. Идеология у крестьянина осталась старая, направленная в сторону кулака, который персонально выражает капиталистическую тенденцию развития крестьянского частно-собственнического хозяйства. Вот почему идеологические успехи кулака превышают, обгоняют его хозяйственные успехи. Идеологическое влияние кулака в крестьянстве больше, чем это ему «полагается» по его экономической силе.

И контингент 1902 года, пришедший в этом году в Красную армию, не мог не отразить сдвигов и изменений, происшедших не только в крестьянском хозяйстве, но и в крестьянской идеологии.

Красная армия периода гражданской войны перестала существовать. На ее месте возникает Красная армия периода нэп'а. Такие глубокие изменения требуют пересмотра оставшегося нам от периода гражданской войны наследия. Вопросы, не имевшие в этот период политического значения, теперь таковое приобретают. Вопросы, бывшие третьестепенными, получают теперь первостепенное значение. Старые вопросы приходится по-новому ставить и по-новому решать.

[1]) Первые две главы из брошюры т. Гусева.

Пересмотр наследия прошлого совпадает с попыткой учета опыта гражданской войны в целях дать пролетариату тех стран, где диктатура буржуазии еще не свергнута, возможность использовать его. Таким образом с разных сторон и с неодинаковыми задачами начинается «переоценка ценностей».

I. Марксизм и военная наука.

(Политика и техника).

Вопрос об отношении марксизма к военной науке, к военному искусству, к военному делу, к военной истории возник вскоре после окончания гражданской войны. У красных командиров, переживших огромный опыт трехлетней гражданской войны, появилась сильнейшая потребность теоретически осмыслить этот опыт, не укладывавшийся в рамки той военной науки, которая была унаследована от царизма. С величайшей энергией они набросились на изучение марксизма и диалектики. В этом несомненно здоровом течении были с их стороны некоторые перегибы: новички в марксизме, они еще нетвердо ходили на «марксистских ногах» и делали ошибки в применении марксистского метода к военным вопросам.

Увлечение марксизмом вызвало в военных кругах обратную реакцию, против марксизма, началась борьба по вопросу о применимости марксизма к военной науке и к военному делу, при чем в общем сложилось такое деление: за марксизм—молодежь из краскомов, против марксизма—старые военспецы.

Против применения марксизма к военному делу выступил и т. Троцкий. (Подробно об этом рассказал т. Тухачевский на стр. «Красной Звезды»,—№ 185, от 17 сентября 1924 г.).

На совещании военных делегатов XI с'езда РКП, которое происходило 1-го апреля 1922 г., тов. Троцкий вопрос о марксизме ставил так: «Разве уставы наши создавались марксистскими методами? В первый раз об этом слышу. Уставы резюмируют военный опыт. Но как же их свести воедино марксистским методом? Это метод исторической, общественной науки... Военной «науки» нет и не было. Есть целый ряд наук, на которые опирается военное дело. Война не есть наука,—война есть практическое искусство, уменье. Война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело. Превратиться в науку война не может по самой своей природе, как не может стать наукой архитектура, коммерция, ветеринарное дело и пр. То, что называют теорией войны или военной наукой, не есть совокупность законов, об'ясняющих об'ективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления споровок, отвечающих определенной задаче: разбить врага... Каким образом можно приемы военного ремесла строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник [1]). Историю вой-

[1]) Может ли марксизм научить плести лапти?—спрашивал тов. Троцкий на заседании ВНО 8-го мая 1922 г.

ны, как и историю архитектуры, можно написать с марксистской точки зрения, ибо история есть наука. Но иное дело так называемая теория войны, т.-е. практическое руководство. При помощи марксистского метода можно облегчить себе в высокой мере общественно-политическую и международную ориентировку... Но при помощи марксизма нельзя построить полевой устав».

Вопрос поставлен т. Троцким с полной ясностью и определенностью. Марксизм—для политики («для общественно-политической и международной ориентировки»), но не для военного дела, не для военного опыта, не для полевого устава. Военной науки нет, а потому к «теории войны, т.-е. практическому руководству» марксизм отношения не имеет. К истории же войн доступ марксизму не воспрещается.

Между марксизмом и военной наукой, военным искусством, военным делом, военным опытом у т. Троцкого—глубокая метафизическая пропасть. Что война, как общественное явление, как часть или сторона общественной жизни, марксизму «подведомственна»,—об этом т. Троцкий как бы совершенно забывает. К прошлому «военному опыту» (история войн) он марксизм еще допустить готов, но к современному—ни в коем случае.

Тов. Троцкий неоднократно возвращался к вопросу об отношении марксизма к военному делу. Так, в предисловии к сборнику статей Энгельса о войне 1870—71 гг. он писал:

«Беспощадно изгоняя из своего анализа всякие абстракции, рассматривая войну, как материальную цепь операций, анализируя каждую операцию с точки зрения наличных сил, средств и их применения, великий революционер поступает, как... военный специалист, т.-е. как человек, который, уже в силу своего призвания или своей профессии, исходит из внутренних факторов военного дела. Недаром же статьи Энгельса приписывали тогдашним военным знаменитостям, вследствие чего и за самим Энгельсом укрепилось в близком кругу прозвище «генерал». Да, он подходил к военным вопросам, как «генерал», может быть, и со значительными пробелами в отдельных военных областях и без необходимого военного стажа, но зато наделенный такою головою, какую можно найти на плечах не у всякого генерала».

Энгельс подходил к военному делу, как военный специалист,—подчеркивает т. Троцкий.—Военный же специалист исходит из «*внутренних* факторов военного дела». Марксизму там нечего делать.

«Но где же, в таком случае, марксизм?—ставит вопрос и сам т. Троцкий.—Можно сказать, что в этом-то он как раз—до известной степени—и состоит».

В чем это «в этом»? В отсутствии марксизма? Марксизм состоит «до известной степени» в отсутствии марксизма?

«Одна из основных философских марксистских предпосылок,—продолжает т. Троцкий,—гласит, что истина всегда конкретна. Это значит, что нельзя военное дело и его вопросы растворять в социальных и политических категориях. Военное дело есть военное дело, и марксист, который хочет о нем судить, должен помнить, что и военная истина конкретна. Вот этому и учит книга Энгельса в первую голову. Но не только этому».

Что военная истина конкретна, это бесспорно. Но ведь и политическая истина конкретна. А между тем, несмотря на то, что политическая истина конкретна, или, вернее, именно потому, что

политическая истина конкретна, марксизм к ней и применим. Никто не скажет, что вследствие конкретности политической истины марксизм по отношению к ней состоит «до известной степени» в отсутствии марксизма. Конкретность военной истины никак не может служить препятствием для применения к ней марксизма.

«Если нельзя,—продолжает т. Троцкий,—военные вопросы растворят в общих политических вопросах, то столь же недопустимо отрывать первые от вторых».

Дважды т. Троцкий повторяет, что «нельзя военное дело и его вопросы» (второй раз сказано «военные вопросы») «растворять в социальных и политических категориях» (второй раз сказано: «в общих политических вопросах»). О каких «военных вопросах» или «вопросах военного дела» идет речь у т. Троцкого? О военно-социальных или военно-технических? По-видимому, о военно-технических. Ибо странно, очень странно звучало бы утверждение, что военно-социальные вопросы, которые потому и называются социальными, что составляют часть социальных вопросов, нельзя «растворять в социальных и политических категориях».

Итак, военно-технические вопросы нельзя растворять в общих политических вопросах. Но «столь же недопустимо,—по мнению тов. Троцкого,—отрывать первые (военно-технические) от вторых (общих политических)».

«Война,—продолжает т. Троцкий,—как мы выше уже напоминали, есть продолжение политики особыми средствами. Эту глубоко-диалектическую мысль формулировал «спец» Клаузевиц. Война есть продолжение политики: кто хочет понять «продолжение», тот должен уяснить себе, что ему предшествует. Но продолжение «другими средствами»: значит, недостаточно быть ориентированным в политике, чтобы тем самым уже правильно оценивать «другие средства войны».

Это только переложение другими словами тезиса, о том, что марксизм не может научить плести лапти.

«Величайшее, ни с чем несравнимое преимущество Энгельса,—продолжает тов. Троцкий,—состояло в том, что понимая *глубоко самостоятельный характер военного дела* (курсив мой)—с его внутренними техникой, структурой, методами, традициями и предрассудками,—он был в то же время величайшим знатоком той политики, которой военное дело, в последнем счете, подчинено».

Между марксизмом и военным делом у т. Троцкого та же метафизическая пропасть, что и раньше. Для изучения военного дела не надо быть марксистом, для этого достаточно быть военным специалистом. Военное дело есть военное дело, военное дело имеет «глубоко самостоятельный характер» и т. д.

Но на этот раз т. Троцкий чувствует, что тут что-то не ладно, и потому торопится перебросить диалектический мостик через метафизическую пропасть. Недопустимо,—заявляет он,—отрывать военные (т.-е., как мы видели уже, военно-технические) вопросы от политических, ибо война ведь есть продолжение политики.

Конечно, недопустимо. Но на голой декларации о недопустимости отрыва далеко по уедешь. Одной фразой о недопустимости отрыва из противоречия, в которое попал т. Троцкий, не выпутаешься. У т. Троцкого, с одной стороны—«глубоко-самостоятельный характер военного дела» (очевидно, военно- тех-

нического дела, ибо о глубоко самостоятельном и независимом от марксизма характере военно-социального «дела» не может быть и речи), а с другой—«недопустимо отрывать» военно-технические вопросы от общих политических.

Как же выпутаться из этого противоречия? Да очень просто: отказаться от *метафизического* деления «вопросов» на две самостоятельные части,—политические вопросы и военные. Т. Троцкий повторяет формулу Клаузевица—«война есть продолжение политики», но диалектического значения ее не усваивает. Если война есть продолжение политики, но другими средствами, то, значит, война есть политика, но проводимая другими средствами, «военное дело» есть продолжение «политического дела». Поэтому, с точки зрения марксистской диалектики, нет и не может быть раз навсегда данного, навеки застывшего, строго разграниченного деления «вопросов» на две группы,—политических и военных: каждый военный вопрос (в том числе и военно-технический) может, при известных условиях, стать политическим и, наоборот, каждый политический вопрос может, при известных условиях, потребовать своего решения военными методами. Только при таком диалектическом подходе к делу устраняется противоречие между положением, что война есть продолжение политики, и принятым на практике и для практики *условным* подразделением вопросов на политические и военные.

В ноябре 1924 г. («Правда» № 250) тов. Троцкий снова возвращается к этому же вопросу, об отношении марксизма к военному делу в предисловии ко 2-й части III-го тома «Как вооружалась революция». Вот что он пишет на этот раз:

«Наше время характеризуется прежде всего неустойчивостью социальных отношений, резкими политическими поворотами и потрясениями. Военное дело сочетается с политикой теснее и непосредственнее всего через гражданскую войну, которая нашей эпохой во всех странах мира поставлена в порядок дня. Серьезный военачальник нашего времени не может не быть политиком. Военное искусство сохраняет всю свою специфичность и—в том смысле—самостоятельность; более того, оно чрезвычайно усложняется в связи с ростом многообразия и силы действия орудий современной военной техники и следовательно требует повышенного, чисто военного знания и умения. А в то же время в войнах будущего, военное дело будет более тесно и непосредственно, чем когда бы то ни было, сочетаться с революционной (или контр-революционной), политикой (восстания, фашизм и пр. и пр.). Поэтому в воспитании нашего красного военачальника развитие способности к синтетической оценке сотрудничества и взаимодействия всех родов современного оружия должно идти рука об руку с усвоением правильной общественно-политической ориентировки, которая дается методом марксизма и проникает собой все предпосылки чисто-военного знания».

Все то же: с одной стороны—«военное искусство сохраняет всю свою специфичность и—в этом смысле (очевидно, в специфически военном, техническом. С. Г.)—самостоятельность», а с другой—«общественно-политическая ориентировка, которая дается марксизмом».

Не помогает делу и диалектический мостик в виде брошенной в конце предисловия фразы о том, что «общественно-политиче-

ская ориентировка», «которая дается методом марксизма», «проникает собой предпосылки чисто военного знания». Это—одна из тех благоприличных и пустопорожних фраз, которые обычно выставляются в конце письма: остаюсь с совершенным уважением и почтением.

Остаюсь с совершенным уважением и почтением к марксизму,—вот единственный смысл этой фразы о «предпосылках чисто-военной науки». В противном случае, если она и этого смысла лишена, то она вообще никакого смысла не имеет. В самом деле, что такое *чисто-военное знание*? Скажем, фортификация, артиллерия—чисто-военные знания или нет? Что же, их «предпосылки»—математика, баллистика, механика, сопротивление материалов—проникнуты основанной на марксизме общественно-политической ориентировкой? Вздор. Или, может быть, речь идет о тактике?Предположим. Но и в этом случае получается не лучше. Каковы «предпосылки» тактики? Вот что говорит на этот счет Энгельс в «Антидюринге»: «Вся организация и боевой метод (тактика С. Г.) армии, оказываются зависящими от материальных, т.-е. экономических условий, от человеческого материала и от оружия, следовательно—от качества и количества населения и от техники». «Предпосылки» тактики—качество и количество населения и техника. Теперь подумайте, что получается из формулы т. Троцкого: основанная на марксизме общественно-политическая ориентировка проникает собой количество и качество населения и технику.

Хотел т. Троцкий сказать что-то марксистское, а получилось у него, что основанная на марксизме общественно-политическая ориентировка проникает собой предпосылки... плетения лаптей. Безвыходная путаница.

Война ведется людьми, война составляет часть общественных явлений, часть жизни классового общества. Война ведется армиями, представляющими «военный слепок» с существующего строя общества. Уже этого достаточно, чтобы видеть, какое широчайшее применение имеет марксизм к вопросам войны. Нет ни единого вопроса, касающегося научной оценки социальной стороны войны, к которому марксизм не подходил бы с таким же правом, как к любому вопросу жизни общества. Марксизм дает ключ к пониманию общественной жизни, а следовательно и той части жизни общества, которая называется войной.

«Но но об этом идет речь у тов. Троцкого»—раздаются нетерпеливые голоса.—«Этой роли марксизма тов. Троцкий не отрицает. Он говорит об отношении марксизма к чисто-военным вопросам, к военной технике».

Возможно, что применение марксизма к военно-социальным вопросам тов. Троцкий и не отрицает, хотя, странным образом. об этой важнейшей задаче совершенно умалчивает.

Что же касается чисто-военных вопросов,—можно ли при помощи марксизма составить ветеринарный учебник, может ли марксизм научить плести лапти и можно ли при помощи марксизма построить полевой устав, то самая постановка таких вопросов показывает, что автор их безнадежно запутался в тех сетях силках софистики, схоластики, доктринерства и метафизики, которые сам же поставил против других.

При известных условиях каждый технический вопрос может стать предметом теоретической и политической оценки с точки зрения марксизма и классовых интересов пролетариата.

Это бывает тогда, когда тот или иной «чисто» технический вопрос становится предметом теоретических и политических споров, теоретической и политической борьбы, борьбы партий, групп, фракций и т. п.

Попытаемся на нескольких примерах выяснить это.

Года три назад в «Военном Вестнике» велась длинная и бесплодная дискуссия о стрелковых доктринах. Спорящие разбились на две главные группы: «индивидуалисты»—сторонники индивидуального обучения с целью выработки из красноармейцев максимального числа превосходных стрелков, «артистов-стрелков», способных к индивидуальной стрельбе, и «коллективисты», высказывавшиеся против индивидуальной обработки стрелка и за обучение приемам коллективной стрельбы, под руководством артистического огневого руководителя из комсостава. Обе стороны приводили солидные технические аргументы, но у обоих сторон была общая социальная предпосылка,—о каком-то абстрактном солдате, живущем вне времени и пространства. («Коллективисты» пытались подвести под свою доктрину «социальную» базу посредством ссылки на то, что коллективизм-де сродни коммунизму и прочее, но такой «социальный» подход ни чего кроме смеха вызвать не может).

Обе стороны, и «индивидуалисты» и «коллективисты», делают одну и ту же идеалистическую ошибку, апеллируя к абстрактному солдату,—ошибку, которая осуждает все их дальнейшие споры на бесплодие. Это очень часто встречающаяся в военном деле ошибка.

Тов. Троцкий также не чужд этой идеалистической ошибке. В брошюре: «Единая военная доктрина и мнимо-военное доктринерство» (стр. 8—9) тов. Троцкий, правильно возражая против утверждения, что законы войны вечны, писал: «Суб'ектом войны является человек, который имеет известные устойчивые анатомические. и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах, всех времен и народов были некоторые общие относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, форма государственной власти»).

Это—типичнейшая эклектическая теория,—соединение марксизма с вульгарной, не раз уже марксизмом разоблаченной, идеалистической теорией, об'ясняющей о б щ е с т в е н н ы е явления анатомическими и психическими чертами человека. К тому же и эклектика-то эта весьма трусливого свойства: «о т н о с и т е л ь н о у с т о й ч и в ы е черты», которые оказываются общими для «в с е х войн в с е х времен и народов», именно и суть а б с о л ю т н ы е черты, которые т. Троцкий трусливо н а з в а н ы относительными. Эти относительно (т.-е. абсолютно) устойчивые черты выводятся т. Троцким из «известных» (т.-е. неизвестных, марксизму неизвестных) устойчивых (очевидно, относительно, т. е. для всех времен и для всех народов, т. е. абсолютно) анатомических и психических черт и вытекающих из них приемов и навыков». На основе относительно-абсолютных черт, общих войнам всех времен и всех народов, у т. Троцкого «развивается историческое военное искусство». Вечные законы войны, изгнанные т. Троцким через марксистскую дверь, благополучно возвращаются через идеалистическое окно. После всего этого для марксизма тут уже не остается места. И дальнейшая марксистская привеска относительно общественных условий, определяющих изменение методов и приемов военного искусства, играет роль лишь трусливого фигового листка, который должен прикрыть наготу всего этого идеалистического рассуждения».

Вернемся к стрелковым доктринам.

Этот технический спор не может быть разрешен без ответа на вопрос, куда, в каком направлении развиваются вооруженные силы СССР, а т. к. армия есть военный слепок с существующего строя, то, следовательно, на вопрос—куда, в каком направлении этот строй развивается—и здесь без марксизма не обойтись.

В каком же направлении развиваются вооруженные силы СССР?

Мы наметили путь развития наших вооруженных сил—к милиционной системе. Каковы будут последствия милиционной системы, когда она разовьет настолько широко, что количество начнет переходить в качество? На этот счет у нас тоже есть определенный взгляд, не только теоретически обоснованный Энгельсом (солдат, который «умеет сам себе помочь», самодеятельный боец), но и практически проверенный, правда, на очень скудном опыте гражданской войны, показавшей нам первые зачаточные элементы самодеятельности красногвардейца и красноармейца, отмеченные даже нашими врагами. Если развитие наших вооруженных сил действительно пойдет таким путем—к самодеятельному солдату, то ясно, что в споре между «индивидуалистами» и «коллективистами» по вопросу о стрелковых доктринах мы высказываемся за первых, так как развитие самодеятельности будущего бойца пролетарской армии даст возможность и сделает необходимым выработку из него артиста-стрелка.

Но все это—музыка будущего. А для настоящего периода развития наших вооруженных сил этот вопрос должен быть разрешен в пользу «коллективистов», ибо квалифицированный боец, умеющий сам себе помочь, еще не народился, а имеется налицо боец неквалифицированный, который без начальства ничего почти не умеет делать, не умеет в бою правильно выбрать стрелковые цели, устанавливать прицел и т. д., а потому постоянно нуждается в указке. При этом, понятно, сам указчик, огневой руководитель, должен быть мастером своего дела.

Вот пример того, как марксизм должен п о д х о д и т ь к разрешению технического вопроса.

Возьмем другой пример. Сейчас в большой моде так наз. «групповая» тактика. Отделения разбиваются на мелкие группы (8—12 человек), каждая группа имеет легкое ружье-пулемет и получает значительную свободу действий. От группы требуется большая самодеятельность. Не представляет ли такая тактическая самодеятельность группы известную политическую опасность, особенно, когда война будет вестись против революционной социалистической страны? Не будут ли группы, пользуясь своей независимостью, перебегать на сторону революционных войск? И не придется ли в таком случае от групповой тактики отказаться или изменить ее?

Не есть ли это политическая оценка тактического (т. е. военно-технического) вопроса?

Еще пример из того самого тома, который, по мнению тов. Троцкого, Энгельс писал в военспецовском мундире.

Энгельс разбирает прусскую систему отбывания воинской повинности.

«Провидение всегда на стороне больших батальонов, вот каким образом—пишет Энгельс.—Наполеон любил об'яснять выигранные и проигранные битвы. Пруссия поступила по этому принципу. Она позаботилась обзавестись «большими батальонами». Когда в 1807 году Наполеон запретил ей иметь армию числом более 40.000 человек, она стала демобилизовать своих рекрутов после шестимесячного обучения и производить свежий набор, и в 1813 г. она была в состоянии дать полевую армию в 250.000 человек, в то время, как все ее население достигало четырех с половиной миллионов. Впоследствии этот же принцип краткосрочной действительной службы и долговременного пребывания в запасе был разработан полнее и помимо этого приведен в гармонию с необходимостью иметь абсолютную монархию. Людей оставляли на действительной военной службе от двух до трех лет не только для того, чтобы обучить военному делу, но и для того, чтобы приучить к безусловному повиновению. Вот в чем слабое место прусской системы. Она должна примирить две различных и в конце концов несовместимых цели. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждый физически здоровый человек был солдатом, на то, чтобы иметь постоянную армию, единственная цель которой стать школой, в которой граждане обучаются употреблению оружия, школой, являющейся ядром, вокруг которого они сосредоточиваются во время атаки извне. Эта система кажется чисто оборонительной. Но, с другой стороны, та же армия представляет собой вооруженную опору, главную поддержку квази-абсолютного правительства; для этой цели школа военного искусства для граждан должна быть изменена в школу абсолютного подчинения начальникам, в школу роялистских чувств. Этого можно достичь только посредством длительной службы. Вот тут несовместимость становится очевидной. Оборонительная иностранная политика требует обучения большого числа людей в течение небольшого периода времени, так, чтобы иметь большое число солдат в запасе на случай нападения извне; внутренняя же политика требует обучения ограниченного числа людей в течение более длительного периода времени, так, чтобы иметь надежную армию в случае внутреннего восстания. Квази-абсолютная монархия избрала промежуточный путь. Она оставляла людей целые три года на действительной службе и ограничивала число рекрутов согласно своим финансовым средствам. На самом деле не существовало всеобщей воинской повинности, она была заменена принудительным набором, единственным отличием которого от набора других стран является его большая суровость. Он стоит больше денег, требует большее число людей и оставляет их в запасе армии на более долгий срок, чем это делают в других государствах. И в то же время, то, что первоначально было народом, вооруженным для самозащиты, превращается теперь в послушную армию, готовую для нападения, в орудие политики правительства».

Как видите, Энгельс здесь вопрос «технический» (о сроках службы) по-марксистски связывает с внутренней и внешней политикой.

Можно подойти к этому вопросу и технически (что Энгельс дальше и делает): обсудить преимущества длинных и коротких сроков службы и пребывания в резерве для боевой подготовки солдата, разобрать методы обучения при длинных и коротких сроках службы и т. д. Но все это допустимо лишь на основе предварительной политической оценки. Марксист иначе не может действовать, он в первую очередь должен рассмотреть вопрос со стороны политической, ибо «война есть продолжение политики».

Могут сказать, что при технической оценке и разработке вопроса марксизм неуместен. Ну, конечно, неуместен. Ветеринарии и плетению лаптей марксизм обучать не может. Но из этого вовсе не вытекает, что можно все вопросы разделить на две категории, как это делает т. Троцкий: одни-по-марксистскому «ведомству», другие—по-военному. Наоборот, один и тот же вопрос оценивается и с марксистской (теоретической), и с политической (практической), и с военспецовской (технической) стороны. При этом на практике сплошь и рядом происходит смешение этих оценок, а частенько случается, что техническая оценка (спецовская) становится в противоречие с политической (классовой).

Связь между политикой и техникой, влияние техники на политику и политики на технику это—марксистская азбука». Введение огнестрельного оружия—говорит Энгельс в «Антидюринге»—повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господствующих и угнетенных классов». Техника изменила политику.

Но и обратно, политика «изменяет» технику. Империалистская политика создала свое специфической военное орудие против колоний в виде бронированных крейсеров и сверхдредноутов, а теперь спешно строит воздушные дредноуты. Сверхдредноут и цеппелин (техника) так же отражает определенные общественные отношения (отношения между угнетающими и угнетенными нациями), как тяжелые рыцарские латы-средневековый строй.

Возьмем еще один, последний, пример из Энгельса.

Вот, что писал Энгельс по поводу русской армии в 1852 г.:

«Русские по самой природе их армии приспособлены к военной системе, которая близко подходит к современной. Их армия состоит, главным образом, из массивной полуварварской, тяжелой на под'ем пехоты и многочисленной легкой, также полуварварской, нерегулярной кавалерии. Русские в решительных случаях в больших сражениях никогда не применяли другой тактики, кроме массовой. Суворов понимал это еще при штурме Измаила и Очакова. Подвижность не является характерным признаком русской армии, но отсутствие ее возмещается обилием нерегулярной кавалерии, которая окружает армию со всех сторон и маскирует ее движения. Именно эта тяжелая массивность русской армии делает ее великолепно приспособленной к тому, чтобы быть ядром и спинным хребтом коалиционной армии, которая всегда отличается большей неповоротливостью, чем национальные армии. Эту роль русские великолепно выполнили в 1813—14 г.г., и в кампании указанных лет не было ни одного плана сражения, в котором бы на долю глубоких и густых русских колонн не отводилось

решающего значения». («Перспективы войны Франции против Священного Союза»).

Итак, тактику русской армии Энгельс об'яснял полуварварским характером русской пехоты и русской кавалерии, который, в свою очередь, зависел от крепостного строя и от крепостной крестьянской общины. Выходит, что марксизм, который дает ключ к пониманию общественных явлений, дает вместе с тем ключ и к пониманию тактики (т.-е. полевого устава). И не только к пониманию прошлых уставов, как, повидимому, склонен думать т. Троцкий, считающий, что историю военного искусства (т.-е. историю стратегических и тактических приемов ведения войны) можно написать при помощи марксизма, но и к современным уставам.

Вот если бы, пользуясь методом Энгельса, рассмотреть изменения, происшедшие в русском крестьянстве после освобождения от крепостничества, и влияние этих изменений на тактику русской армии, если бы изучить влияние тех изменений, которые сейчас происходят в крестьянстве, на тактику пехоты и кавалерии (одновременно, понятно, принимая во внимание изменения, происшедшие в вооружении армии), то такое изучение, при котором без марксизма шагу нельзя было бы сделать, могло бы дать указания, куда развивается наша тактика и в какую сторону нам следует уставы менять). Добавим, что в данный переходный период в жизни Красной армии эта задача представляет чрезвычайные, почти непреодолимые трудности. Позже, когда на почве хозяйственной смычки вырастет смычка военная, задача будет гораздо проще).

Не напрасно ли т. Троцкий похвалялся, что он впервые слышит о том, что уставы можно составлять при помощи марксистских методов? Посмотрим, удастся ли ему обойтись без марксистских методов при составлении устава гражданской войны?

Иногда т. Троцкий бродит вокруг правильной марксистской постановки вопроса, но ухватить ее по своей метафизической природе никак не может. Так, в брошюре «Вопросы гражданской войны» он пишет: «Нельзя мерить политику военным аршином, но и военное дело нельзя мерить одним лишь политическим аршином». Как известно, когда двое говорят одно и то же, то это не одно и то же. Посмотрите, как расшифровывает эту полумарксистскую формулу т. Троцкий, иллюстрируя ее примером времени. «В подготовительный (к вооруженному восстанию) период—пишет он—мы измеряем время политическим аршином, т.-е. годами, месяцами, неделями. В период вооруженного восстания мы измеряем время часами и днями».

Пример не соответствует общей формуле. Из примера вытекает такая формула: для политики один аршин времени, для восстания—другой. То же отделение политики и военного дела, что и раньше. От такой сбивчивой формулы до марксистского аршина еще очень далеко.

Вопрос об отношении между наукой и искусством поставлен тов. Троцким также метафизически.

Возьмите пример с архитектурой, на который пытается опереться т. Троцкий. Постройка сводов и мостов в течение многих столетий была искусством, т.-е. производилась по выведенным из опыта приблизительным правилам, причем мастера, искусники, которые эти правила подметили, и сами не могли определить,

почему свод должен иметь такую-то кривизну, а не иную. Так продолжалось до появления высшей математики, которая дала точные формулы кривых сводов и мостов и сделала возможным, в связи с развитием механики, производить математически точный расчет давления на единицу площади. С этого момента постройка мостов и сводов чрезвычайно упростилась, перестала быть искусством, стала наукой. Современный инженер берет справочную книжку Хютте и находит в ней все научные формулы, необходимые для его расчетов. Более того, развитие математики дало возможность вычислять такие кривые, которые прежним искусникам были совершенно недоступны. Таким образом, создана была база для нового искусства.

Возьмем еще пример, более близкий к военному делу—стрелковое искусство. До изобретения прицельной рамки, которое стало возможным лишь благодаря развитию баллистики, изучившей полет пули, стрелковое искусство было труднее, чем теперь. Прицельная рамка дает возможность механически устанавливать прицел на различные расстояния, вследствие чего искусство стрельбы упростилось, стрельба механизировалась, стала более «научной». Но осталось еще достаточное количество элементов, которые не могут быть полностью учтены наукой, и требуют от стрелка известных навыков, т.-е. известного искусства.

Между наукой и искусством нет той метафизической границы, которую пытается установить т. Троцкий. Наука развивается за счет искусства, искусство осваивается на завоеваниях науки и этот процесс бесконечен.

Не наука, а искусство,—так может говорить только метафизик. Наука есть «продолжение» искусства, в свою очередь искусство становится «продолжением» науки. Всякое искусство более или менее «научно», всякая наука не настолько «научна», чтобы обойтись без дополнения искусством. То, что в «рассмотрении» является законом, в действии становится правилом. Что в науке закон, то в искусстве—правило.

Разрыв между наукой и искусством это—разрыв между прошлым и настоящим, между теорией и практикой. Такой разрыв противен духу марксизма.

Вопрос об отношении между марксизмом и военной наукой не был бы исчерпан, если бы мы не разобрали позиции т. Троцкого по этому вопросу, на которой он стоял в 1919 г.

В журнале «Военное Дело» (23 февраля 1919 г.) была помещена речь т. Троцкого на совещании редакторов и сотрудников военных изданий по вопросу о том, какой журнал нужен Красной армии. Речь эта—лучшее из всего, что входит в четыре вышедших книги «Как вооружалась революция». Она представляет блестящую «распеканцию», направленную против «господ педантов от военной псевдонауки». (По части «распеканций» т. Троцкий—непревзойденный мастер). Начинается она таким заявлением: «К военной науке, поскольку она заслуживает этого имени, т.-е. поскольку она обобщает накопленный военный опыт, я отношусь с достаточным уважением». (Отметим в скобках, что это было до упразднения т. Троцким военной науки и что до этого злосчастного для военной науки дня т. Троцкий неоднократно выражал свое уважение к ней). «Нужно только»—продолжает т. Троцкий—чтобы это была действительная военная наука и чтобы журнал, претендующий на наименование военного научного дой-

ательно выполнял свою задачу, т.-е. проверял старые выводы военной науки на нынешнем опыте, в нынешней социальной среде и исторической обстановке. В «Военном Деле» этого нет, или почти нет. Господа писатели пытаются говорить вневременным языком и излагать какие-то вневременные истины». Т. Троцкий громит затем старых спецов за их отрыв от жизни Красной армии и настаивает на необходимости внутренней, идейной, органической связи журнала с армией». Возьмем вопрос о социальном составе нашей армии—продолжает он.—Мы ее строим на классовой основе. Этот вопрос подвергнут ли был обследованию с точки зрения военного дела?——Ни разу. Или, может быть, этот вопрос с военной точки зрения безразличен? Но глядите: на Украине Скоропадский сделал другую попытку построения армии на классовом принципе. Он мобилизовал хлеборобов, имеющих не менее 25 десятин земли. Мы имели, наконец, попытку учредиловцев построить «народную» армию на внеклассовой основе. Эти попытки рассыпались прахом. Стало быть, мы живем в эпоху, когда классовый принцип построения армии навязывается сам собой. Какой отсюда вывод для военного дела, для формирования, для воспитания, для тактики? Какие практические боевые последствия?» (Курсив мой).

Здесь т. Троцкий сумел подойти к вопросу, как марксист, сумел увязать политику и технику (классовый принцип построения армии с тактикой), сумел один и тот же вопрос поставить и как политический и как технический.

Жаль только, что по-марксистски т. Троцкий говорит очень редко и случайно, а в подавляющем большинстве случаев ограничивается повторением марксистских и большевистских формул, без проникновения в их действительный смысл и без учета всех выводов, из этих формул вытекающих. Т. Троцкий «подгоняет» эти формулы под троцкизм. Вот почему у него получается «троцкизированный» марксизм и левинизм.

И жаль, что т. Троцкий в апреле 1922 г., когда он говорил с коммунистами, сжег все, чему поклонялся в феврале 1919 г., когда вел беседу со спецами.

Метафизический отрыв марксизма от военного дела, политики от военной техники,—не новость в нашей партии.

В 1905 году мы спорили с меньшевиками о вооруженном восстании, к которому у них не было ни малейшего аппетита. Не имея мужества открыто выступить против лозунга вооруженного восстания (уж больно не по-марксистски вышло бы, а марксистскую совесть они тогда еще не совсем потеряли), они на деле применяли всевозможные способы для того, чтобы не допустить пропаганду и агитацию за этот лозунг. Вскоре после 9-го января 1905 г. они на требование со стороны питерских рабочих оружия ответили им: не оружием нам надо вооружаться, а страстным стремлением к самовооружению. «Разрыв» между политикой и военным делом (вооруженным восстанием) у них получился полный: не понимали того, что вооруженное восстание есть продолжение политики, но только другими средствами и что никаким иным путем, без этих средств (без техники, к которой они относились с великолепным презрением), политика победить не может.

Спорили мы по вопросу о политике и технике и с отзовистами в 1908—09 г.г. Отзовисты совершенно не поняли, что рево-

люционной ситуации в 1909 г. уже не было и продолжали на мелко-буржуазный лад возиться с вопросами вооруженного восстания в расчете на то, что вот вспыхнет вновь восстание и они выскочат из подполья в готовом для вооруженных действий виде.

У меньшевиков пропадала одна половина формулы (была политика, не было восстания), у отзовистов—другая (было восстание, не было политики). С этой стороны отзовизм был меньшевизмом наизнанку. Оба течения имели общую подоплеку: неумение увязать политику с техникой, разрыв между политикой и техникой.

Левые коммунисты возродили меньшевистское презрение к технике. «Зачем нам регулярная армия?—говорили они.—Регулярная армия и революционная война—понятия, исключающие одно другое». Отказ от такого могучего технического средства, как регулярная армия, был равносилен полному отказу от техники. И тут пред нами тот же разрыв между политикой (революционная война) и техникой (регулярная армия).

Но имеет ли какое-нибудь политическое значение этот вопрос теперь? Надо ли его теперь обсуждать?

Мы уже сказали, что тов. Троцкий применения марксизма в области военно-социальных вопросов, может быть, и не отрицает, но об этой важнейшей задаче систематически умалчивает. Несколько раз он говорил и писал об отношении между марксизмом и военным делом и ни разу не удосужился поставить вопрос об облегчении марксизму доступа в область военно-социальных вопросов. Именно об этом надо было прежде всего подумать и позаботиться. Марксистов среди наших знатоков военного дела очень мало. Наши военно-учебные заведения, наши военные журналы полны старыми спецами, которые, если даже они не враждебны марксизму, если они даже настроены к нему дружелюбно [1]), то неспособны понять его и продолжают излагать те анти-марксистские взгляды, которые стали их второй натурой. Загляните в любую книжку военного журнала,—и вы там обязательно наткнетесь на анти-марксистские взгляды. То вам по вопросу о принципах организации армии преподнесут тектологию Богданова, то по вопросу о методах военной науки нагородят идеалистическую ахинею, то начнут разводить буржуазно-либеральные теории о «народном» характере армии. Вам будут доказывать, что война вечна, была, есть и будет, вас начнут уверять, что законы психологии толпы вечны и одинаковы для всех времен и общественных строев и на основании этих вечных законов в пару часов сфабрикуют науку, именуемую военной психологией. А какая безграничная идеалистическая путаница господствует в истории военного искусства в связи с попытками вывести все методы и способы войны из свойств человека, человека вообще, вне времени, вне пространства, вне общества, вне классов! Веками накопившийся хлам софистики, схоластики, доктринерства, метафизики, идеализма, всегда пускавшийся в ход против марксизма, нашел себе приют в наших военных журналах. И марксизму тут предстоит еще огромная работа.

[1]) Один из таких друзей марксизма договорился до слияния марксизма с «марсизмом» (от слова Марс—бог войны).

На эту важнейшую задачу т. Троцкий внимания не обращает, он сосредоточил все свои силы на том, чтобы марксизм «не пущать» к ветеринарии и к лаптям. Он хвалит Энгельса за то, что тот свои военные статьи писал, якобы сложив марксизм в ящик письменного стола и облачившись в генеральский мундир, но молчит о тех статьях Энгельса (хотя бы в том же томе), в которых Энгельс дает блестящие образцы применения марксизма к военно-техническим вопросам.

Посмотрите, как ставят вопрос о марксизме спецы (редакционная статья в журн. «Военное Обозрение», Декабрь 1921 г., Ленинград):

«Не стремиться насильственно (!) создать систематизацию особенностей военного искусства в условиях классовой борьбы на базе теории революционного марксизма»—таков основной тезис редакции. Умные речи приятно и слышать. «Военное искусство—продолжает редакция—едино, интернационально (вот мы как! Мы тоже за интернационализм!), как арифметика, и давным давно систематезировано.... Далеко не все стороны военного дела, особенно в своей прикладной технической части, приличествует (ну, еще бы!) обволакивать идеями марксизма. Эти последние, по существу, должны быть руководителями, главным образом, в области высшей военной политики и стратегии, не спускаясь ниже—в военную технику (неприлично марксизму заниматься «низкими» делами)... На одной стороне (на стороне Красной армии)—прочная государственная организация, на другой (у белых)—беспочвенная и шаткая импровизация; следовательно, на одной стороне—государственное начало, на другой—бунт... Гражданская война, уподобляемая подавлению бунта, и не могла дать много». Умри, Денис, лучшего ты не напишешь.

Поистине этот документ должен был бы стать манифестом всех противников применения марксизма к военному делу.

За борьбой между старыми спецами и краскомами по вопросу о марксизме [1]) скрываются определенные политические, т.-е. классовые тенденции. В этом для марксиста-ленинца ни на минуту не может быть сомнения.

Но этим далеко не исчерпывается политическая сторона вопроса. При тех изменениях в составе Красной армии, о которых мы уже говорили, политическое значение делаемой т. Троцким теоретической ошибки [2]) возрастает в огромной степени. Невоз-

[1]) Борьба между старыми спецами и краскомами ведется не только в теоретической области. В докладе, адресованном ЦКРКП, Бюро Комячеек Военной Академии писало о «насаждении спецов и лжеспецов», (которые пошли в армию по окончании гражданской войны), о «мощи спецевской касты», об усилении идеологического влияния спецов» о «монополизации военного знания в руках спецов». Не мало интересного по вопросу о борьбе между старыми спецами и краскомами можно найти на страницах „Красной Звезды".

[2]) В качестве эпиграфа к брошюре „Военная доктрина или мнимовоенное доктринерство" т. Троцкий избрал изречение Клаузевица: „В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта". Вот уж действительно совет во время и впопад. Клаузевиц писал после длинного ряда Наполеоновских войн, когда буржуазная военная наука уже приняла законченные формы. Клаузевиц был самый теоретический из военных теоретиков,—недаром его прозвали „военным философом". Ему-то легко было говорить: „довольно теоретизировать", когда сам-то он натеоретизировался до-сыта до отвала. А у нас, где уж там о цветах и листьях теории говорить когда мы еле несколько собственных зерен теории собрали.

можно вести правильную военную политику и производить правильную политическую оценку организационных и технических вопросов без правильной теории, т.-е. без марксизма.

Неверная теория—фундамент неверной практики. Кто отрывает марксизм от военного дела в теории, тот будет отрывать его и на практике,— и в вопросах политического воспитания красноармейца, и в вопросах организации армии.

(*Продолжение следует*).

В. Астров.

Существует ли троцкизм в организационных вопросах?

I.

Вопрос о троцкизме, как о течении.

Перед партией новое выступление тов. Троцкого («Уроки Октября»).

Было бы детской наивностью об'явить это выступление «чисто-литературным» упражнением, «неполитическим» и «нефракционным». Когда в памяти всех членов нашей партии (включая ленинцев, которые уже в те дни прислушивались к нашим спорам) свежа «дымящаяся рана» недавней дискуссии; когда весь Коминтерн ярко помнит эти лихорадочные дни, которые он переживал вместе с нашей партией; когда весь буржуазный мир, в Европе и Америке,—не говоря уже о русском меньшевизме и белогвардейщине за границей и внутри страны,—смотрит на тов. Троцкого, как на «протестанта» против большевистской диктатуры,—в такой обстановке человек, который взялся бы с серьезным лицом доказывать «неполитический» характер «литературы» тов. Троцкого «об Октябре», был бы попросту глупцом, или, в противном случае, не проявляющим политической добросовестности.

Мы имеем определенное политическое, фракционное выступление, направленное к дискредитации ЦК РКП, Исполкома Коминтерна и основных кадров старой большевистской гвардии, ведущих ленинскую политику, выступление, с литературной ловкостью задрапированное в форму дискредитации отдельных лиц, членов Политбюро нашей партии и президиума Исполкома Коминтерна.

Новое выступление г. Троцкого есть ухудшенное издание его дискуссионных выступлений. Желая вновь поднять дискуссию, тов. Троцкий уронил ее с той принципиальной высоты, на какой она стояла перед XIII с'ездом (спор о группировках в партии, о партаппарате, о молодежи и стариках и т. д.), пытаясь заставить партию спорить об отдельных лицах из среды вождей.

Партия не может быть благодарна тов. Троцкому за выступление подобного сорта. Задача партийного актива и партийной печати—отвечать тов. Троцкому так, чтобы поднять спор на принципиальную высоту, выявить принципиальные расхождения тов. Троцкого с партией, в лице ее подавляющего большинства. Только такой спор можно выносить на суд массы, только на идейно-доброкачественном материале можно и должно воспитывать массу.

Вот почему первый вопрос, который должна поставить перед собой партия в ответ на повторные выступления г. Троцкого, и на ошибки, которых он не признает ошибками, есть вопрос о политической тенденции, проявляющейся в цепи этих ошибок, иными словами вопрос о троцкизме, как о течении: существует ли троцкизм, как течение, особое от ленинизма, противостоящее ленинизму, и в чем оно заключается?

Только после определенного ответа на этот вопрос партия сможет правильно оценить и отдельные выступления т. Троцкого и правильно реагировать на них, исходя из интересов пролетарской революции.

Чтобы ответить на вопрос о существовании и о сущности троцкизма, как течения, недостаточно рассмотреть и осудить какую-либо одну ошибку т. Троцкого. Надо найти ее место именно как звена в целой цепи ошибок, которые делал тов. Троцкий на протяжении долгого ряда лет, борясь с большевизмом как внутри одной партии, так и извне, когда он обстреливал большевизм из меньшевистских газет и организаций. Надо взять течение в целом, в его историческом развитии, вскрывая его внутреннюю логику, выясняя преемственность в ошибках.

Если бы этой преемственности и внутренней логики развития в ошибках г. Троцкого не оказалось, то мы лишились бы права говорить о троцкизме, как о течении, и тогда троцкизм нам был бы менее опасен. Об отдельных ошибках, признанных самими ошибавшимися, исправленных в работе и не повторяющихся, тов. Ленин вспоминать «без особой нужды» не рекомендовал.

Другое дело—определенное течение, которое, как видно из многих примеров прошлого и настоящего, грозит ошибками и опасностями для партии в будущем. Последнее обстоятельство особенно опасно для партии и продумать его исключительно важно.

Таким образом, подходя к вопросу о троцкизме, мы должны искать корней нынешних ошибок г. Троцкого в его прошлом. Без этого мы не поймем троцкизма, ошибемся в нашей оценке нынешних выступлений Троцкого, подойдем к ним однобоко и узко.

Пару слов о характере и политическом смысле экскурсов в историю партии. Напомним, что не было ни одного серьезного спора с участием В. И. Ленина, когда он не апеллировал бы к истории партии. Борясь с меньшевизмом и ликвидаторством 1903—1914 годов, он доказывал их социальное и политическое происхождение от экономизма 1898—1903 годов. Русский социал-патриотизм в годы войны Ленин рассматривал, как развитой этап ликвидаторства. Споря о Брестском мире, Ленин вспоминал борьбу с отзовистами.

Итак, у нас все основания прибегнуть к свидетельским показаниям истории.

Кстати сказать, тов. Троцкий первый поставил дискуссию на рельсы споров о прошлом, когда заговорил о «перерождении учеников», т.-е. старой гвардии большевизма. Поневоле партии пришлось заняться выяснением того, как, чем и когда сам тов. Троцкий «застраховал» себя от «перерождения»,

т.-е. «шарить в прошлом», как потом выразился наивно (!) удивившись неизбежному результату своего собственного поведения тов. Троцкий.

Большевизм, конечно, предпочитает смотреть вперед.

Но, к счастью, если его принуждают оглянуться назад, на уроки истории, он и отсюда черпает только новую уверенность в победе, ибо у него за плечами славнейшая в мире история четверть-вековой борьбы за интересы пролетариата.

Обращаясь к троцкизму, мы не собираемся исчерпать вопрос о нем, как о течении, в одной статье. Мы возьмем здесь только одну область политики—*партийно-организационные* вопросы, поскольку в этой области лежат большие практически-политические ошибки тов. Троцкого за последний год [1]).

Нашей целью будет выяснить, является ли нынешний «организационный троцкизм» продуктом исключительно сегодняшнего дня или же, наоборот, закономерным историческим этапом в развитии течения, имеющего за своей спиной пару десятков лет?

II.

Группировки, партаппарат, старая гвардия большевиков.

Все помнят, что в дискуссии до XIII с'езда т. Троцкий отстаивал *свободу группировок* [2]), атаковал *партийный аппарат* и бил *по основным большевистским кадрам* нашей партии.

В дискуссии уже указывалось, что его организационные позиции сегодняшнего дня исторически коренятся в той «примиренческой» политике, которую тов. Троцкий вел в период борьбы большевизма с ликвидаторством.

Но к недавним выступлениям тов. Троцкого, даже от его брошюры «Наши политические задачи», написанной в 1904 году в защиту меньшевизма и в «опровержение» большевизма, ведет прямая логическая и историческая нить. Выступления тов. Троцкого в 1923 и 1924 году есть *явная отрыжка, возрождение старого троцкизма, троцкизма 1904 года.*

Вот, что писал в 1904 году т. Троцкий, заглядывая вперед, об эпохе диктатуры пролетариата:

«Если мы хоть сколько-нибудь представляем себе колоссальность задач—не организационно-заговорщических, а социально-экономических и социально-политических, которые выдвигает диктатура пролетариата, открывающая новую историческую эпоху; другими словами, если для нас диктатура пролетариата не пустая фраза, увенчивающая во внутри-партийной борьбе нашу форма-

---

[1]) Вопрос о троцкизме в тактических вопросах потребует особой статьи.

[2]) В постановлении XIII партконференции, утвержд. XIII Партийным С'ездом, это зафиксировано в следующем пункте:

„одним из наиболее спорных пунктов при выработке резолюции политбюро и президиума ЦКК был вопрос о фракциях. При выработке резолюции политбюро и президиума ЦКК тов. Троцкий сначала не возражал против запрещения фракций, но в то же время настаивал на том, чтобы не была запрещена свобода группировок. Тем не менее удалось выработать единогласный текст, который в вопросе о фракциях ссылался на постановление XIII с'езда.

листическую «ортодоксальность», а живое понятие, вытекающее из анализа, все более широко разворачивающейся и обостряющейся социальной борьбы пролетариата с буржуазией, тогда мы не сделаем вместе с уральцами [1]) того жалкого вывода, что коммуна не удалась, потому что не имела диктатора, тогда *мы не обвиним коммуну в том, что у нее было «много спору и мало дела», и не порекомендуем ей, задним числом, устранить «спорщиков», интриганов, дезорганизаторов и подсиживателей коммуны — посредством «раскассирований» и «лишений прав».* Задачи нового режима так сложны, что они *не могут быть решены иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы*— не только социалистического мира с капиталистическим, но и *различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, ни кем не предрешенных проблем. И никакая «сильная, властная организация» не сможет* в целях ускорения и упрощения процесса *подавить эти течения и разногласия,* ибо слишком ясно, что *пролетариат,* способный к диктатуре над обществом, *не потерпит диктатуры над собой».* «Рабочий класс, ставший у государственного руля, несомненно принесет в своих рядах *много политических инвалидов,* а в своем обозе—много *идейного балласту.* Ему необходимо будет в эпоху диктатуры, как необходимо и теперь, очищать свое сознание от ложных теорий, от буржуазных переживаний и *освобождать свои ряды от политических фразеров и революционных стародумов*... Но этой сложной работы нельзя заменить (курсив Троцкого), *поставив над пролетариатом хорошо подобранную группу лиц, или, еще лучше, одно лицо, снабженное правом раскассирования и разжалования».* (Стр. 104—105. Неоговоренный курсив наш. В. А.).

Здесь прямо говорится об эпохе диктатуры пролетариата, вследствие чего данное рассуждение очень легко поддается «примерке» к современному советскому масштабу. Разберемся же, какие «руководящие» идеи заключены здесь и не действует ли сейчас тов. Троцкий «по писанному» (им, в 1904 году)?

Во-первых, главная мишень, главный враг троцкизма в 1904 году это—«хорошо подобранная группа лиц» (во главе с Лениным—об этом *прямо* говорится в брошюре), «или, еще лучше одно лицо» (Троцкий *прямо* называет в брошюре это «одно лицо» Лениным—Робеспьером, «Максимилианом-Лениным» и т. д.), или, как более общо выражается Троцкий,—«сильная властная организация». Вот—главный враг троцкизма (и всего меньшевизма) в 1904 году. Этот враг—*большинство партии и его большевистский партийный аппарат.*

Бросая из исторического далека 1904 года взгляд на эпоху диктатуры пролетариата, тов. Троцкий как бы предрешает свою линию поведения в 1923—24 годах: борьба «меньшинства» (увы! очень ничтожного меньшинства) с ленинским большинством,

---

[1]) Речь идет об уральцах-большевиках.

удары по «хорошо подобранной группе лиц» и по «сильному и властному» (разве это плохие качества в большевистской партии?) партийному аппарату.

Во-вторых, строительство социализма не мыслилось в 1904 году тов. Троцким без «соревнования» и «систематической борьбы» «*течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, никем не предрешенных проблем...*» Речь идет о течениях, появляющихся *после* пролетарской революции. В приложении к современности, это—не меньшевики и эсеры, легализовать которых никто в нашей партии не предлагает, а о «течениях», которые могут возникать и будут возникать *внутри единственной монопольно-легальной коммунистической партии*.

Таковые течения действительно, как показала жизнь, возникают и в годы нэп'а политически и организационно оформляются довольно быстро: «Рабочая Правда», «Рабочая Группа», вышедшая из рядов внутрипартийной «рабочей оппозиции». Наконец, сам тов. Троцкий, настаивая на своих «дискуссионных» ошибках и открыто *противопоставляя троцкизм ленинизму* («перманентная революция») пытается такое «течение» создать, точнее—возродить [1]).

По старой схеме троцкизма, как известно, развитой т. Троцким в годы реакции, партия должна представлять из себя коалицию фракций и групп («живи и жить давай другим»). Сейчас т. Троцкий выступает не за *все* «течения», но за свое собственное, во всяком случае: выступал и за «свободу группировок». Он действует по своим меньшевистским прописям 1904 года, когда он заявлял о неизбежном при диктатуре пролетариата «соревновании» «методов» и «течений».

В-третьих. В 1904 году т. Троцкий, признавая, что в партии в эпоху диктатуры пролетариата останутся «политические инвалиды» и «много идейного балласту», признавая, что партии придется «освобождать свои ряды от политических фразеров и революционных стародумов», однако, считал это *столь «сложной работой»*, что ее невозможно и недопустимо выполнять методом «раскассирования и разжалования» со стороны «хорошо подобранной группы лиц» В 1923—1924 году т. Троцкий занимается *политической, платформенной, фракционной* критикой партаппарата за «методы назначенства», «бездушного формализма», защищает группировки от «давления» этого партаппарата и пр., и пр.

Даром, видимо, прошли для тов. Троцкого эти *двадцать лет*, с 1904 по 1924, если он продолжает заниматься старыми погудками на старый лад?

---

[1]) Оговоримся. Мы употребляем здесь слово „течение“ в применении к идейному содержанию троцкизма для того, чтобы резче подчеркнуть разницу между отдельными эпизодическими ошибками, которые признаются и исправляются, с одной стороны, и исторически сложившейся тенденцией к *определенного* рода ошибкам—с другой. Речь идет о троцкизме, как об *идейном* течении и только. Особым же „течением“ в широком историческом смысле слова, т.-е. в смысле прочных его корней в *массах*, подобно большевизму и меньшевизму в русском рабочем движении, троцкизм никогда не был. В этом смысле он был одним из „левых“ ручейков меньшевистского течения.

III.

О дисциплине и о логике фактов.

Факты имеют свою об'ективную логику, которая посильнее логики слов. Эти факты—борьба т. Троцкого с большевизмом внутри большевистской партии—грозят завести т. Троцкого слишком далеко. Логику фактов тем более, следует продумывать глубже и последовательнее,—продумывать *до-конца*, что в истории нашей партии и в биографии тов. Троцкого такая логика фактов имела однажды место (если можно сказать «однажды» о периоде времени в 14 лет). Было время когда т. Троцкий начал борьбу с большевизмом, находясь в меньшинстве в партии, большинство которой было ленинским, большевистским, а кончил—полным разрывом с партией, образованием самостоятельной группки меньшевиков, якшавшейся с социал-лакеями ликвидаторами и оборонцами.

Эта логика фактов началась с 1903 года, со второго с'езда партии. Тогда тов. Троцкий *понимал* эту логику и шел на нее вполне сознательно. В 1904 году в брошюре «Наши политические задачи» он, между прочим, трактовал и вопрос о дисциплине в партии. Вот, что он тогда писал:

«Разумеется, такое состояние партийных отношений, когда дисциплина *фигурирует лишь, как обуза, с одной стороны, как угроза, с другой*, не может считаться нормальным; наоборот, оно свидетельствует о глубоком кризисе в партии. Но, «перекричать» кризис нельзя, хотя бы для этого и имелись люди, готовые кричать до хрипоты.

«Что же делать? Нужно под сферой разлагающейся дисциплины найти *такие реальные запросы и нужды движения, которые одинаково общи всем и вокруг обслуживания которых можно об'единить наиболее ценные и влиятельные элементы партии*. По мере сплочения таких сил вокруг жизненных лозунгов движения, раны, нанесенные с обеих сторон партийному единству, будут залечиваться, *о дисциплине перестанут говорить, потому что ее перестанут нарушать*. Кто под этим углом зрения попытается обозреть работу двух борющихся течений нашей партии, тот не затруднится ответить на вопрос: какое из них ведет партию к *реальному* (курсив т. Троцкого) об'единению.

«*Если на пути к этой цели «меньшинству» приходилось нарушать то, что большинство считало дисциплиной, то остается лишь сделать вывод: да погибнет та «дисциплина», которая подавляет жизненные интересы движения. «История» бесспорно сделает этот вывод*. Ибо, в отличие от Екатеринославского (большевистского. В. А.) комитета, она *не придерживается идеалистического принципа: «Да сгинет мир—и да здравствует дисциплина!»*

Наоборот, как диалектическая материалистка, она всегда в конце-концов признает, что в случае внутрипартийного столкновения прав тот, на чьей стороне победа,—потому что победа в *конечном счете* (курсив т. Троцкого) всегда окажется на стороне *того, кто лучше, полнее и глубже понимает задачи революционного дела*».

«Поэтому мы с доверием смотрим в глаза будущему». (Стр. 72. Неоговоренный курсив принадлежит нам. В. А.).

Мы видим, здесь развитый впоследствии еще более рельефно т. Троцким взгляд на партию, как на механическое об'единение фракций вокруг задач, которые «общи всем», т. е., по сути дела, в блок фракций. Ясно, что в таком блоке о дисциплине «перестанут говорить» и ее «перестанут нарушать», потому что никакой сознательной партийной дисциплины, основанной на идейном единстве, просто-напросто не будет.

Но мы обращаем здесь внимание на то, что во всех высказанных т. Троцким положениях безусловно есть логичность, последовательность и договоренность до конца. Раз человек смотрит на задачи партии в корне иначе, раз он считает себя «полнее и глубже понимающим задачи революционного дела», чем партийное большинство, раз он «с доверием смотрит в будущем», считая свою победу обеспеченной, раз «история» за него, словом, раз человек видит два пути, лежащих перед партией, (а жизнь показала, что это были пути двух партий, —то для такого члена партии дисциплина превращается в «обузу», в «угрозу», в бессмысленный «идеалистический принцип», которого глупо и смешно придерживаться:

— «Да погибнет дисциплина!». Таков логический и правильный, с точки зрения меньшевизма 1904 года, клич, который разрушал партию большевиков. И не менее логичны следующие строки, написанные все в той же брошюре т. Троцким:

«Но где же можно найти такое глупое направление, хотя бы и «оппортунистическое», которое позволило бы себя «раскассировать», а своих сторонников «лишить прав», не оказавши предварительно всего противодействия, (курс. Троцкого), на которое оно способно?» Неужели так трудно понять, что всякое сколько-нибудь серьезное и значительное течение (а с несерьезным и незначительным не стоит и бороться!) пред которым стоит альтернатива: молчаливое самоупразднение из чувства дисциплины (курс Троц.) или борьба за существование, несмотря ни на какую дисциплину (курс Тр.)—несомненно выберет второй путь? Потому что дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным, и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда известное направление поставлено пред перспективой «лишения прав», т. е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из Rechtfrage (вопроса права) превращается для него в Machtfrage (вопрос силы).

«В этом последнем случае, представители крамольного течения—в зависимости от остроты положения—либо раскалывают партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к минимуму, чтобы тем самым обеспечить себе максимум свободы действия и противодействия вредным тенденциям. Поскольку они, будут сознательно (курсив Троцкого) высвобождать себя из-под узды партийной принудительности—во имя интересов партии, как они их понимают, и поскольку их влияние позволит (курсив Троцкого, В. А.) им это делать—постольку жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова «дисциплина». (Стр 72).

Продумывает ли т. Троцкий и сейчас так же, до конца, логику своего поведения? Совершенно очевидно, что выступление его после XIII с'езда, «лишившего его возможности бороться за идейное влияние» (в фракционном смысле этого слова), однозначно лозунгу «да погибнет дисциплина»,—с соответствующими последствиями этого лозунга.

Ибо, если мы требуем дисциплины с каждого вновь пришедшего ленинца, то во сколько же раз строже мы должны отнестись к одному из вождей партии? И наоборот, если мы не потребуем дисциплины с вождя партии,—где наше право требовать ее с рядового партийца?

Не остается ли заключить, что политический вождь, выступающий так, как это делает т. Троцкий, выбрал второй путь? Он не «раскалывает партию», но «остается в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения, связывающей его партийной дисциплины к minimum'у, чтобы тем самым обеспечить себе maximum свободы действия и противодействиям вредным» (с его точки зрения,—полезным с точки зрения партии) «тенденциям».

Но если это так, то это и есть отстаивание троцкизма, особого течения внутри нашей партии, борющегося с ленинизмом.

Логика фактов в 1904 году для т. Троцкого целиком укладывалась в логику его слов. Слово его не расходилось с делом,—он открыто и сознательно бился с большевизмом.

В 1924 году с логикой слов у т. Троцкого дело обстоит слабее. Мы видим, как он клянется большевизмом и ленинизмом, но дела его, идут совсем не по линии ленинизма, а явно против ленинизма, и против единства большевистской партии. При этом, тов. Троцкий выступает по внутрипартийным вопросам как раз так, как сказано в брошюре «Наши политические задачи».

Вот почему приходится сказать, что троцкизм сменил рубашку, словесную оболочку, но не свою суть. Троцкизм на деле оказывает себя таким, каким он был двадцать лет тому назад.

От этого вывода никуда не уйдет тов. Троцкий, ибо за этим выводом—логика его поведения, известного каждому члену партии. А логика фактов самая упрямая логика, пробивающая себе дорогу в самые путанные мозги...

Войдя в большевистскую партию, работая с большевиками целых семь лет, тов. Троцкий все еще не сумел обольшевичиться. Он остался троцкистом. И он, по сути дела, открыто признал это в своей брошюре «Новый курс», где написал (на 48-й странице):

«Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому никаких дополнительных гарантий дать не могу».

О каких «дополнительных гарантиях» говорит здесь тов. Троцкий?

Внутренняя убежденность в безусловной правоте Ленина и его пути, ленинцев и их пути, была бы, действительно, такой гарантией, которая могла бы (этого хватило бы!) гарантировать партии большевистский характер «действий» тов. Троцкого в будущем.

Но тов. Троцкий не может дать партии такого рода гарантии, он считает свой «путь к ленинизму» не менее надежным и прочным, чем другие, он делает все новые ошибки и их не признает ошибками.

Можно ли принудить человека стать большевиком, признать свои ошибки? Этого сделать нельзя никакой дисциплиной; нелепо говорить о признании ошибок в порядке партийной дисциплины.

Остается единственная гарантия, которую может дать тов. Троцкий на службе партии,—гарантия действием.

Тов. Троцкий обещал «действием» гарантировать партии свою лойяльность большевизму, проще сказать,—обещал подчиниться в силу дисциплины там, где он не считает правой партию.

Выполнил ли он хотя бы это?

Не выражают ли его слова: «я шел к Ленину с боями» только одну половину правды, не доказывают ли его дела, что он намерен и впредь «вести бои»?

Позволит ли это ему ленинская партия?

И. Капитонов.

Хозяйственное оздоровление деревни.

(Экономические корни роста политической активности крестьянства).

Деревня, мужик все больше начинают приковывать к себе внимание партии. Повышение политического интереса крестьянина, стремление его активно участвовать в разрешении основных хозяйственно-политических вопросов создают обстановку нового этапа в отношениях пролетариата и крестьянства. Эта тяга мужика к политике должным образом может быть учтена и использована нами только в том случае, если мы вскроем ее основные причины.

Не в первый раз за время революции мужик становится в центр всех вопросов, не в первый раз деревня переживает полосу стремления активно вмешаться в общую политику. До сих пор периоды обостренного внимания к деревне, обычно совпадали с периодами обострения отношений города и деревни, периодами нажима крестьянских масс на политику пролетарского государства. Отдельные примеры могут только подтвердить это положение.

В результате разрешения вопроса о вовлечении деревни на революционный путь внутридеревенскими методами—при помощи политики комбедов, мы встали перед опасностью хозяйственного разложения деревни и отпора со стороны основной массы крестьянства. Задача скручивания кулачества комбедами была разрешена и комбедам противостояла основная середняцкая масса крестьянства. Деревня начинает резко протестовать против политики комбедов—посевная площадь сокращается, а крестьянские восстания учащаются,—партия делает поворот и берет «курс на середняка». Волна политического протеста вызывается в данном случае угрозой хозяйственного разорения.

Подобная же картина наблюдалась и в дни Кронштадского «протеста». Оставшиеся в силе продразверстка и запрещение торговли уничтожали основные побудительные причины к развитию индивидуалистического крестьянского хозяйства. Ликвидация белогвардейщины отдалила помещичью опасность и развязала руки мужику в сторону нажима на Советскую власть для защиты от окончательного хозяйственного разорения. На почве этого разорения и угрозы разорения еще большего поднимается волна массового политического протеста крестьян. Кронштадт был лишь политической формулировкой недовольства разоряющегося крестьянства. Таким образом, и в этом случае материальной основой волны массового политического протеста был упадок крестьянского хозяйства.

Нэп дал возможность крестьянину поставить на ноги свое хозяйство, дал возможность мужику развиваться, прогрессировать

хозяйственно. И первые годы нэп'а крестьянин, как мы видим, действительно использовал для своего хозяйственного возрождения. Общие вопросы политики отошли пока на задний план, мужик с головой ушел в свое хозяйство.

Даже такие крупные потрясения, как голод 21 года, не вызывают массового политического возбуждения. Никакого «голодного движения» против Советской власти, никакого «голодного Кронштадта», чего так страстно желали, и что, задыхаясь от приятного возбуждения, предрекали «наши заграничные умники»—ничего этого не произошло. Политика Советской власти дала возможность изжить без всяких поворотов курса тягостные последствия стихийного бедствия.

Не вызвали особого политического оживления в деревне даже прошлогодние «ножницы», так больно ударившие по крестьянскому хозяйству. Крестьянство дало нам урок экономическим отпором—отказом покупать продукты городской промышленности, результатом чего и явился прошлогодний осенний кризис. Но ярко выраженного политического под'ема в деревне это еще не вызвало.

Сейчас же мы имеем противоположную картину. Политическое оживление крестьянства (тяга в партию, стихийный рост Комсомола, разговоры о «крестьянском союзе», отчасти Грузия и пр.)—вне сомнения, и в то же время на первый взгляд нет никаких резких видимых экономических причин, которые вызвали бы в массе крестьянства это оживление.

Общие условия нашей деревенской политики безусловно дают простор развитию крестьянского хозяйства и оно, как мы увидим, развивается, большими шагами идет вперед; с ценами на сельскохозяйственных и промышленных продуктов дело обстоит несравненно лучше, чем в прошлом году; неурожай на Юго-Востоке, безусловно, менее значителен, чем голод 1921 года; налог не представляет невыносимой тяготы для крестьянского хозяйства. И все-таки мы имеем повышенную и повышающуюся политическую активность крестьянства.

Процесс развития сельского хозяйства в условиях нэп'а в известной мере неизбежно связан с классовым расслоением крестьянства. Может быть, развившийся и почуявший почву под ногами кулак—это и есть представитель политически-активного крестьянства. Может быть, рамки законодательства государства пролетарской диктатуры уже тесны «познавшему себя» кулаку и он ведет политическую сапу на основе экономического «утеснения»?

Факты говорят против такого допущения. Данные налоговых списков за 1922—23 год, которые приводил т. Смирнов в своем докладе на пленуме Ц. К., доказывают, что по величине запашек до сих пор происходит снижение в группе крепких, зажиточных хозяйств.

На 1 едока в % приходилось:

	до 0,5 дес.	0,51—1 дес.	1,01—2,5 дес.	свыше 2,5 д.	итого
В 1922 г. . . .	15,8	36,0	44,7	3,5	100
В 1923 г. . . .	16,9	37,7	43,2	2,2	100

Таким образом в области обеспеченности землей мы не только не наблюдаем резких процессов классовой дифференциации, а наоборот, данные говорят о том, что полоса «черного передела» еще не окончательно изжита и что происходит продолжение процесса раскулачивания.

О том же говорят и данные об обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом.

Процент хозяйств.

	по 22 губ.		по 48 губ.		
	1917 г.	1921 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.
Без раб. скот	29,0	27,6	26,6	31,1	30,6
С 1 лошадью	49,2	63,6	51,0	50,0	54,6
„ 2 „	17,0	7,0	13,6	9,0	11,0
„ 3 „	3,4	0,7	4,3	1,9	3,4
„ 4 „	1,4	0,2	4,5	1.1	1,4

Анализ этих цифр доказывает, что сигнализации о кулацком перерождении деревни мы и отсюда получить не можем.

Национализация земли и «черный передел» вырвали из под ног кулачества основной базис их хозяйственного роста. Кулак в условиях Советского государства идет не непосредственно из земледелия, он вынужден избирать окольные пути торговых связей и пр., чтобы добиться хозяйственного влияния в деревне. Одно это условие служит нам гарантией за то, что за два—три года наша деревня переродиться в кулацкую не может.

Конечно, все это отнюдь не означает, что кулака в деревне вовсе нет, что процессов классовой дифференциации вовсе не происходит. Кулацкий слой в деревне есть и он растет, но мы все это пока имеем—с точки зрения общей политики—в микроскопических дозах. Физиономию деревни определяет не кулак, развитие ее характеризует в основе пока не классовое расслоение. Пока что кулак от имени деревни говорить не имеет силы.

Разумеется он заговорит таким образом, если **мы сами** не сумеем использовать возникшую пока не на кулацкой, в общем основе политическую активность крестьянства. Кулак тоже, конечно, активен, но не он «причина всех причин».—поэтому и борьба с ним пока далеко не безнадежна.

Таким образом, вопрос о повышенной политической активности крестьянства отнюдь нельзя разрешать шаблонным ответом: «недовольный кулак бузит». Кулак еще не имеет под собой достаточной экономической почвы, чтобы суметь сделать большую политику».

Кажущееся отсутствие какой-либо непосредственной экономической базы под ростом активности крестьянства заставляет искать эту базу исключительно в влияниях чисто политического порядка. И действительно, есть соблазн все об'яснить притоком культурно-развитых, демобилизованных красноармейцев в деревню, не всегда удачной политикой местных парт'ячеек, не дающих возможности приложения сил развитым, активным политически крестьянам и тому подобными чисто политическими мотивами.

На самом же деле существует самая веская экономическая причина повышения политического интереса крестьянства—его рост и хозяйственное укрепление. Мы так привыкли всякое крестьянское политическое движение связывать с «бузой», что при проявлении повышенного политического интереса обязательно ищем экономических причин недовольства. Между тем, задачи связанные с хозяйственным ростом также выдвигают политические моменты, также способны приводить массы к политике. Сюда и следует направить наше внимание.

За последний хозяйственный год мы имеем рост и укрепление крестьянского хозяйства во всех отношениях, он то и служит основной причиной массовой тяги крестьянства к полнтнке.

Обратимся к отдельным сторонам крестьянского хозяйства.

Что касается до основной отрасли сельского хозяйства—полеводства, то изменения в размерах его, по материалам Центрального Статистического Управления, рисуются в следующем виде:

Посевная площадь

(полевых и усадебных посевов).

РАЙОНЫ.	Миллионов десятин					Тоже в %% к 1916 г.			
	16 г.	20 г.	22 г.	23 г.	24 г.	20 г.	22 г.	23 г.	24 г.
1. Потребляющий	12,1	8,2	10,6	11,2	12,1	68	88	93	100
2. Производящий	36,1	30,7	21,4	27,6	30,1	85	59	76	83
3. Юго-Восток . .	8,4	8,1	4,6	6,0	6,2	96	55	71	74
4. Киргизская . .	4,2	3,3	1,9	1,9	2,1	78	45	45	50
С. С. С. Р.									
5. Сибирь	5,1	5,3	4,0	4,5	4,9	104	78	88	96
Итого по РСФСР	65,9	55,6	42,5	51,2	55,4	84	64	78	84
Украин. С. С. Р. .	20,6	18,8	16,1	18,8	20,0	91	78	92	97
Всего по СССР .	86,5	74,4	58,6	70,0	75,4	87	68	81	87

Минимальные размеры полеводства были в 1922 году, когда было засеяно всего 58,6 милл. десятин; против 1916 г. образовалась огромная площадь недосева, определяемая в 28 милл. десятин, составляющая $^1/_3$ площади этого года. Принимая средний урожай в 40 пуд. с одной десятины, потери от сокращения посевного фонда полеводства определялись, следовательно, в 1.120 милл. пуд. зерна.

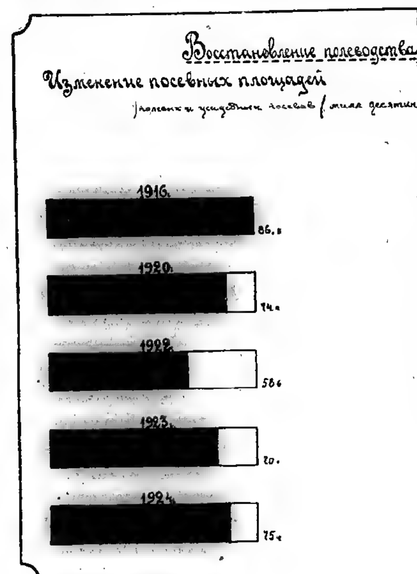
Впервые за годы революции в условиях мирной обстановки, а также при относительно благоприятных результатах урожая, крупной государственной помощи, приступил крестьянин к посеву 1923 года. Впервые за годы революции 1923 год дал повсеместное расширение посевной площади. В целом по стране она увеличилась на 11,4 милл. десятин, превысив площадь 1922 года на 19%.

В 1924 году восстановительный процесс был несколько снижен, благодаря неблагоприятным метеорологическим условиям осени 1923 года на юге страны и, главным образом, режиму засухи, установившемуся на Юго-Востоке в течение почти всего лета 1924 года и вызвавшему значительное сокращение в посевах поздних яровых хлебов. Несмотря на это, площадь посевов в 1924 г. дала новое расширение на 5,5 милл. десятин, превысив площадь 1922 года на 17 милл. десятин, т. е. на 28%.

В целом по стране (без ДВО, Туркестана и Закавказья), посевная площадь в 1924 году достигла 75,4 милл. десятин и, следовательно, дала превышение против площади 1920 г. на 1 милл. десятин, составляя 87% площади 1916 года.

Таким образом, недосев, образовавшийся под воздействием неурожая 1920 года и голода 1921 г., оказался ликвидированным с избытком; в отношение же 1916 года площадь недосева достигает все же внушительных размеров в 11,1 милл. десятин.

Восстановительный процесс развивался различным темпом в разных районах СССР. Потребляющий район, как мы видим,

на 100% восстановил свою посевную площадь, почти такой же нормы достигла Сибирь, зато Киргизия и Юго-Восточный район, несмотря на энергичный восстановительный процесс все еще далеко не могут, благодаря повторной засухе, ликвидировать своего знаменитого значительного недосева.

Особый интерес представляет состояние полеводства Украинской ССР. Там мы в 1924 году имеем 97% площади посева 1916 г., или недосев в 600 тыс. десятин. Если же посевную площадь 1924 г. сравнить с площадью только крестьянских посевов в 1916 г., которая равнялась 15,7 милл. дес., то мы увидим абсолютный рост крестьянских запашек на 4,3 милл. дес. Украинский крестьянин не только распахал всю находившуюся в его пользовании землю, но и увеличил запашки на 11,5% за счет

нетрудовых земель. Здесь, следовательно, крестьяне сумели не только захватить помещичьи земли, но и хозяйственно их освоить.

Таким образом, в области запашек мы имеем несомненный массовый прогресс, по отдельным районам достигший довоенного уровня, а кое-где шагающий и дальше, через эту грань.

Но не только в расширении посевной площади сказалось восстановление полеводства. Нарушение связи с рынком, расстройство денежной системы и внешняя блокада вызвали сокращение производственных задач крестьянского хозяйства, превышающих продовольственные потребности его. Произошло усиление потребительского характера хозяйства, вследствие чего к 1922 году резко проявились изменения внутреннего состава полеводства, выразившиеся в сильнейшем сокращении культуры ценных рыночных хлебов и замене их малоценными хлебами проса и кукурузы.

Качественное ухудшение полеводства было остановлено восстановлением рыночного оборота и возобновлением хлебного экспорта, под воздействием которых в последние годы происходил обратный процесс: максимум расширения посевов приходилось на долю рыночных культур—пшеницы, ячменя и овса, при заметном сокращении площади проса и кукурузы.

Подтверждение этому мы находим в следующей таблице, в которой показаны площади отдельных культур 1924 года в $^0/_0{}^0/_0$ к площади 1922 года, а также 1916 года принятой за 100 [1]).

Таблица изменения посевных площадей по культурам

(В процентах).

РАЙОНЫ.	Годы.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Картофель.	Лен.	Конопля.	Подсолнухи.
По РСФСР												
В $^0/_0{}^0/_0$ к 1922 г.	1923	118	138	147	129	140	94	69	112	107	120	120
	1924	122	17	177	145	146	76	74	119	122	146	147
„ „ „ 1916 г.	1924	102	56	54	66	111	144	203	145	71	108	108
Украина												
В $^0/_0{}^0/_0$ к 1922 г.	1923	134	92	199	96	97	64	65	114	117	117	117
	1924	136	124	293	91	92	48	58	106	94	124	124
„ „ „ 1916 г.	1924	142	78	60	60	114	131	126	132	72	126	126
Итого по СССР												
В $^0/_0{}^0/_0$ к 1922 г.	1923	121	133	174	125	123	87	67	109	102	119	99
	1924	124	172	172	137	114	72	65	116	120	129	117
„ „ „ 1916 г.	1924	108	64	61	66	118	140	151	144	71	116	210

[1]) Здесь, как и в дальнейшем, графы взяты из материалов Ц. С. У.

В целом по стране посевы пшеницы и ячменя возросли на 72%, овса на 37%, в меньшей степени увеличились посевы ржи (24%), и гречихи (14%), в то время, как просо и кукуруза сократили свои площади на 28—35%. Такой характер изменений наблюдается во всех районах, однако, количественные выражения их не везде одинаковы.

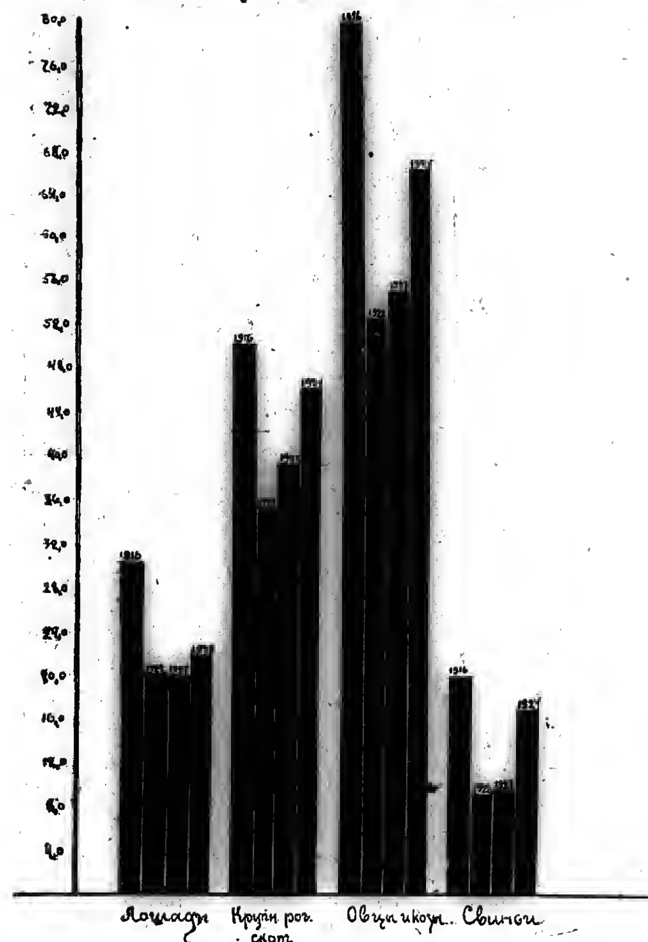
Весьма интенсивный восстановительный процесс отмечен и для масляничных культур, имеющих большую рыночную ценность,—льна, конопли и подсолнуха, при чем площадь последнего увеличилась против площади этой культуры 1916 года более чем в два раза, а конопли на 16%, заметный недосев против этого года имеет культура льна, площадь которой меньше довоенных размеров на 30%.

Повышение роли ценных рыночных культур говорит языком цифр, что теперь мы начинаем иметь дело не с тем исключительно-продовольственным хозяйством времени перехода к нэп'у, лозунгом которого было: «не до жиру,—быть бы живу»,—теперь в лице крестьянского хозяйства мы имеем отдифференцированный хозяйственный организм, который немыслим без остальных элементов народного хозяйства. Рыночная связь все более превращается из случайного средства дополнительных поправочек в хозяйстве в регулярный, необходимый, часто решающий момент всего направления развития крестьянского хозяйства. Рынок со всеми его условиями теперь ощущается крестьянином, как неизбежное звено его собственных повседневных хозяйственных забот.

Изменение размеров и направления полеводства нарисовало нам картину неуклонного роста и оздоровления крестьянского хозяйства. Подобный же результат мы имеем и по другой важнейшей отрасли сельского хозяйства—скотоводству.

По данным Центрального Статистического Управления, изменения в общей численности скота за последние годы происходили следующим образом:

РАЙОНЫ.	Численность всего скота						
	Миллионов голов				1924 г. в $^0/_0{}^0/_0$ к		
	1916	1922	1923	1924	1922	1923	1916
Потребляющий	27,2	30,0	33,2	36,7	122	110	135
Производящий	75,4	31,4	39,7	53,8	156	135	71
Юго-Восток	17,9	8,4	8,5	9,5	113	112	53
Киргизская ССР	22,[illegible]	7,1	7,6	10,0	141	132	45
Сибирь	16,6	14,3	13,5	18,6	130	138	111
Итого по РСФСР	159,3	94,2	102,5	128,6	136	125	81
Украинская ССР	23,9	23,3	21,8	26,0	111	119	109
Всего по СССР	183,2	117,5	124,3	154,6	131	124	84

В целом по всей стране минимальная численность всего скота относилась также к 1922 году, когда убыль его против 1916 года определялась в 66 милл. голов.

В 1924 г. восстановление скотоводства отмечено повсеместно, при чем более энергично оно происходило в производящих губерниях, в Киргизских степях и в Сибири, где годовой прирост скота определился в 32—38%; заметнее увеличение скота было и на Украине (19%); скотоводство Юго-Востока, наиболее обессиленное голодом 1921 г., в результатах восстановления несколько отстало от других районов, увеличив численность скота всего на 12%.

В итоге по всей стране количество скота в 1924 году достигло 154,6 милл. голов, превысив численность его в 1922 г. на 37 милл. голов, т. е. на 31%; в отношении 1916 года оно составляет 84% и, следовательно, убыль в скоте осталась непокрытой на 28 милл. голов.

Итак, по скотоводству мы имеем ту же картину, что и по посевным площадям: повсеместное повышение количества скота, не ликвидировавшее, правда, всего упадка целиком, но по отдельным районам вступающего и уже вступившего на путь нормального хозяйственного развития. Так же, как и в полеводстве, в силу общеизвестных причин, отстают Юго-Восток и Киргизская ССР.

По вполне понятным причинам темп восстановления скотоводства несколько медленнее темпа общего под'ема сельского хозяйства,—необходим большой запас молодняка, чтобы размеры скотоводства могли сразу дать значительное расширение, а это требует времени.

Восстановление скотоводства по отдельным видам его характеризуется следующими цифрами:

Количество скота в 1924 г.

РАЙОНЫ.	Лошади				Крупн. рогат. скота.			
	Тысяч голов.	В % к			Тысяч голов.	В % к		
		1922	1923	1916		1922	1923	1916
Потребляющий	4.972,4	109	105	106	10.763,7	111	107	115
Производящий	6.968,4	126	114	61	15.133,6	161	125	86
Юго-Восток	1.136,9	102	102	48	3.361,5	118	109	68
Киргизская ССР	1.623,6	121	121	46	3.348,3	158	141	63
Сибирь	3.295,6	95	111	87	4.608,1	133	128	90
Украинская	3.927,4	95	103	71	8.419,3	112	113	106
СССР	21.924,3	95	109	70	45.634,5	110	130	91

РАЙОНЫ.	Овцы и козы.				Свиньи.			
	Тысяч голов.	В %% к			Тысяч голов.	В %% к		
		1922	1923	1916		1922	1923	1916
Потребляющий	16.508,2	117	109	146	4.424,0	122	133	107
Производящий	26.396,0	161	134	69	5.214,8	467	274	85
Юго-Восток	3.954,7	97	102	46	1.089,9	302	192	58
Киргизская ССР	4.513,9	128	118	35	179,7	168	198	36
Сибирь	7.978,6	121	132	139	1.479,3	205	172	73
Украинская ССР	9.270,7	102	111	143	4.374,1	165	183	94
СССР	68.622,1	105	130	83	16.761,8	107	196	87

В пределах потребляющей полосы определенно отмечается вполне благоприятное состояние всех отраслей скотоводства. Неуклонный рост численности скота за последние годы дал здесь заметное приращение стада всех видов скота в сравнении и даже с 1916 г. Из всех отраслей его более стремительное развитие получило крупное рогатое скотоводство и особенно овцеводство, размеры которых выросли против 1916 г. на 15—41%. За последний год здесь весьма интенсивный рост дает и свиноводство, при чем численность свиней увеличилась в сравнении с предыдущим годом на 33%, превысив 1916 на 7%.

Для остальных районов цифровые данные свидетельствуют о том, что восстановительный процесс захватил все отрасли скотоводства, при чем темп его и достигнутые результаты были далеко не одинаковы.

Стихийно происходило восстановление свиноводства.

В целом по стране количество свиней выражается в 16,8 милл. голов, что составляет 87% численности 1916 года. Убыль против этого года осталась еще в количестве 2,5 милл. голов.

Одной из главнейших отраслей скотоводства является несомненно крупное рогатое скотоводство, в силу особой полезности и разнообразия его продуктов. Вполне понятно, что при общем упадке скотоводства к 1922 году наименьшему сокращению подвергся этот его вид, благодаря чему и значение его среди прочих видов скота заметно усилилось.

Неблагоприятные экономические условия революционной эпохи, а также неурожаи обрушились, главным образом, на мясную часть стада, которая обнаружила катастрофическое сокращение при общем сжатии всего скотоводства. Сокращение молодняка захватило не только мясную часть, но также и ремонт стада, сильно сузив возможности пополнения и восстановления молочной части его. Почти по всей стране произошло увеличение молочно-потребительского направления.

Уничтожение молодняка отрезало всякую возможность быстрого восстановления скотоводства,—уменьшение значения в стаде молодняка в данном случае лишь отражает общий процесс упадка скотоводства и сельского хозяйства вообще. Восстановительный процесс сельского хозяйства в области скотоводства выразился

поэтому естественно в стихийном росте молодняка и его относительного значения.

В этом стихийном росте молодняка проявляются стремления не только к обеспечению ремонта молочной части скота, но и восстановления мясного направления рогатого скотоводства. Последнее наглядно подтверждается следующими цифрами, показывающими отношение молодняка к коровам:

РАЙОНЫ	На 100 коров приходилось молодняка.							
	Старше 1½ лет.				До 1½ лет.			
	1916	1922	1923	1924	1916	1922	1923	1924
Потребляющий	9	12	9	8	65	49	57	57
Производящий	16	7	9	10	93	40	72	96
Юго-Восток	36	18	16	16	122	82	94	107
Киргизская ССР	25	16	17	17	128	77	104	128
Сибирь	24	17	14	16	71	56	55	89
Украинская ССР	15	19	10	12	102	63	61	85
СССР	18	18	10	11	90	63	69	84

Действительно, в общей сумме по Союзу количество молодняка до 1—2 лет на 100 коров почти достигало нормы 1916 года; в больших размерах недостаток наблюдается все же в южных районах, а именно на Украине и Юго-Востоке, где, однако, норма выращивания его значительно превышает остальные районы.

Большой недостаток молодняка старше 1½ лет имеется во всех районах, при этом в более резкой форме он проявляется в районах производящей полосы, Юго-Востока и Украины, где современное количество его составляет лишь половину нормы 1916 г.; в этих районах он и в текущем году подвергся новому сокращению, вызванному недостатком в более молодых возрастных группах, имевшим здесь место в прошлом году.

Однако, интенсивное накопление молодняка до 1½-летнего возраста позволяет думать, что в будущем году этот недостаток в значительной мере будет ликвидирован и состав стада примет почти нормальный вид, обеспечивающий последующее развитие этой важнейшей отрасли скотоводства в целом.

Такую же картину мы наблюдаем и по отношению к лошадям. Молодняка по расчету на 100 рабочих лошадей приходилось:

РАЙОНЫ	1916	1922	1923	1924
Потребляющий	19,3	16,9	17,7	20,2
Производящий	29,2	14,8	18,0	26,7
Юго-Восток	32,2	22,7	26,0	30,1
Киргизская ССР	52,5	32,9	47,9	56,2
Сибирь	34,7	31,4	27,3	31,7
Украинская ССР	23,7	19,5	20,9	23,2
СССР	29,7	20,4	21,9	27,2

Количество выращиваемого молодняка в нынешнем году заметно превышает предыдущие два года и незначительно отстает от нормы 1916 года. Это дает основание сделать весьма благоприятный вывод о возможности восстановления конского стада в ближайшие годы.

Таким образом, мы видим сильнейшее стремление крестьянского хозяйства к восстановлению во всех отношениях. Если это восстановление происходит в некоторых районах недостаточно быстрым темпом, то это зависит всецело от об'ективных обстоятельств, в первую голову от урожайности, зависящей в свою очередь от метеорологических условий.

В какой мере отразились метеорологические условия на урожае отдельных хлебов, мы видим из следующей таблицы:

Урожай с 1 десятины (пудов) в среднем по СССР.

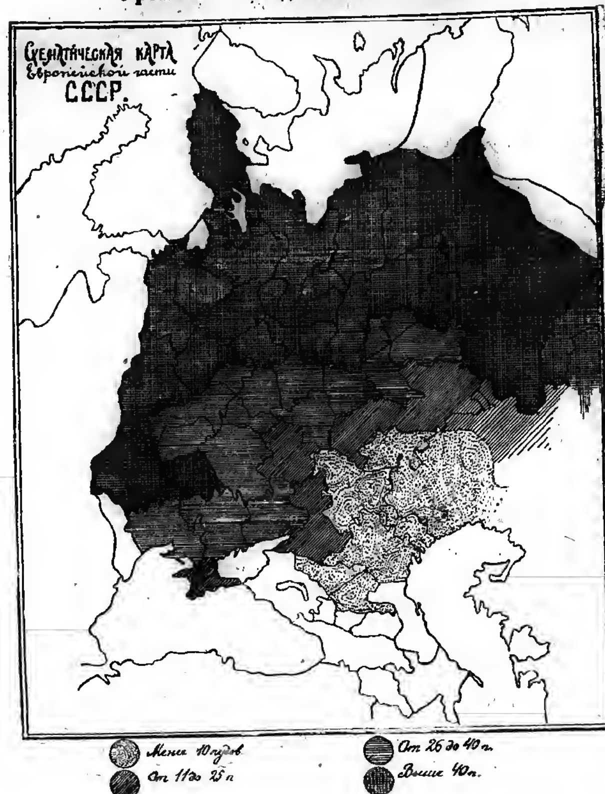
ГОДЫ.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Средний высев хлебов.	
Средний 1905 - 14 г.	50,0	44,6	55,3	53,2	39,8	45,7	76,5	51,0	100
1920	35,1	27,6	51,0	44,6	37,2	37,2	74,4	38,3	75
1921	37,2	23,4	28,7	38,3	[illegible]	33,0	63,8	34,0	67
1922	35,1	41,8	6[illegible],0	58,[illegible]	39,8	39,3	67,0	54,2	106
1923	44,6	33,0	44,6	46,8	35,1	39,3	[illegible]2,9	44,6	88
1924	40,3	38,1	33,3	39,8	28,5	24,2	69,1	37,1	73

Сильно снизилась урожайность гречихи и проса, давших за последнее пятилетие минимальную урожайность в нынешнем году; значительно упал урожай с одной десятины овса и ячменя, для которых он оказался немногим выше памятного 1921 г.; в меньшей мере в сравнении с прошлым снизился сбор с одной десятины ржи и пшеницы (до 10%), однако, по отношению к среднему урожаю ржи собрано до 80%, а пшеницы—70%. В среднем для всех хлебов урожай с одной десятины определился в нынешнем году в 37,1 пуд., составляя 73% нормального среднего урожая. В отношении прошлого года он ниже на 17%, превышая среднюю урожайность 1921 года всего на 9%.

Если обратиться к картограмме—«урожай хлебов с одной десятины», то увидим, что район пониженного урожая охватил несомненно большую территорию, в состав которой вошли губернии Нижней Волги, Дона и частично горские республики. Среди этих губерний особенно сильно были поражены засухой южные уезды Самарской губернии, центральные и восточные уезды Саратовской губ., Немецкая республика, Царицынская губ.; юго-восточная часть Воронежской губ.; Астраханская губ., Калмыцкая область, Киргизская ССР, части Донской, Ставропольской и Терской губ.; Кабардино-Балкарская область и на Украине два уезда Харьковской губ., в которых чистый сбор на 1 душу сельского населения дает менее 6 пудов хлеба. В приведенном списке губерний встречаются в большей части те же губернии, которые были охвачены неурожаем в 1921 году, не успевшие еще в полной мере залечить раны, нанесенные их хозяйственному организму.

В общей сумме неурожай поразил 13 губерний с сельским населением в 7611 тысяч душ и с посевной площадью в 7220 тыс. десятин; в отношении всего Союза это составит 7% населения и 10% посевной площади; по сравнению же с 1921 г., когда пораженный район занял 30 губерний, неурожай 1924 года составляет по численности населения 25%, а по размерам посевной площади—24%.

Урожай с 1-й десятины в 1924 г.

Несмотря на эти естественные препятствия, несмотря на то, что в настоящем году расширение площади посевов не вызвало соответствующего увеличения сбора хлебов, мы все же можем сказать, что элементы здорового роста превалируют в подавляющем большинстве районов. Количественное расширение и каче-

ственно улучшение крестьянского хозяйства стало фактом, окрашивающим основную линию развития деревни [1]).

Крестьянство в своей основной массе подходит или уже подошло к довоенному уровню и перед ним встает задача дальнейшего роста, дальнейшего прогресса. Мужик подошел вплотную к довоенному положению и теперь в новой формулировке сталкивается со старыми задачами хозяйственного развития в условиях перенаселенной деревни.

Переносить все надежды на «земельное поравнение» теперь уже невозможно, т. к. это «поравнение» самым радикальным образом уже произведено. Крестьянство стоит перед задачей улучшения системы землепользования, перед интенсификацией хозяйства. Эти задачи поневоле ставят перед деревней ряд политических вопросов. Инициатива, самодеятельность широких масс—обязательное условие хозяйственного прогресса деревни в настоящих условиях. Экономическая обстановка настоятельно требует от крестьянства проявления хозяйственной инициативы—что же удивительного, если эта инициативность, активность крестьянских масс перекидывается и на область политических вопросов. Кроме того, конкретная обстановка сегодняшнего дня дает дополнительные мотивы к повышению политической активности и к некоторым опасениям, что эта политическая активность не всегда пойдет по советской линии.

Хозяйственное развитие деревни некоторыми своими сторонами снова упирается в отношения деревни с городом.

Хлебные цены, взлетевшие к началу заготовительного сезона на чрезмерную высоту, сейчас выдерживают сознательное организованное давление со стороны государственных хлебозаготовительных органов. Мы не можем отказаться от этого нажима, т. к. чрезмерно вздутые цены угрожают нашей твердой валюте и через нее всему нашему хозяйственному росту, но все же мы должны отдавать себе отчет, что снижение хлебных цен с какого угодно уровня непосредственно воспринимается крестьянством, как мера, направленная против его, крестьянства, интересов.

С другой стороны, в том же направлении действует недостаток, доходящий иногда до полного отсутствия некоторых промышленных продуктов (ситец, сахар). Восстановление нашей промышленности, естественно, не могло достигнуть уровня восстановления сельского хозяйства и поэтому понятно, что наша промышленность не всегда умеет полностью удовлетворить потребности и нужды растущего и оздоровляющегося крестьянского хозяйства. Недостатков в этом отношении у нас много, они партией осознаны и это служит гарантией их устранения. Разрешение вопроса о невязке в отношениях города с деревней лежит в плоскости нашей работы по повышению производительности труда и по улучшению нашего торгово-промышленного аппарата.

Однако, все это еще не разрешает вопроса о повышенной политической активности крестьянства. В основе своей она не является порождением временных условий, она связана с новым этапом хозяйственного развития деревни. Эта активность, как мы видим, порождается нуждами здорового процесса развития, является по существу необходимым здоровым моментом хозяйственного прогресса деревни. Она вовсе не должна быть обязательно активностью, враждебно направленной против Советской власти и нашего коммунистического строительства. Нужны только подходящие формы и умелое использование этого настроения, чтобы накопившийся, боевой, работящий материал деревни превратить в строителей социалистического сельского хозяйства.

Нужно поменьше пугаться и чураться волны крестьянской самодеятельности, т. к. эта волна может пойти и пока идет по общему течению нашего строительства. Рост сельского хозяйства на основе нашей политики в деревне лучше всего подтверждает правильность общего курса этой политики.

О мерах привлечения крестьян к делу проведения нашей политики, об использовании политической активности широких масс деревни достаточно много писалось в партийной печати, мы же видим, что это дело не может рассматриваться, как временная, случайная кампания, а стоит перед нами, как задача на длительный период времени, и что повышение политической активности крестьянских масс в основе здоровое, положительное явление, которое мы можем и должны использовать для дела социалистического строительства в деревне.

---

[1]) Конечно, мы сознаем всю относительность точности приводимых нами цифр—тем более, что мы пока не имеем возможности оперировать цифрами, характеризующими на освещаемые процессы по отдельным группам хозяйств,—но процесс под'ема и оздоровления они характеризуют достаточно.

М. Лифшиц.

Две кампании.

В центре нашей хозяйственной жизни сегодняшнего дня стоят две кампании: хлебозаготовительная и сельхозналоговая.

Обе кампании тесно связаны друг с другом, поскольку успешное развитие одной содействует успеху другой и поэтому увязка обоих кампаний выразилась, главным образом, в согласовании сроков взимания налога с планом хлебозаготовок.

Хлебозаготовительная кампания.

Сельское хозяйство в экономике нашего Советского Союза играет доминирующую роль. Поэтому исключительна по своему значению и роль урожая. Однако, до сих пор, состояние нашего сельского хозяйства, формы земледелия таковы, что мы еще не научились «организовать» урожай, что урожай зависит от стихий, которыми мы не овладели. И до тех пор, пока мы наше сельское хозяйство не реорганизуем на других, более культурных основаниях, экономика нашей страны в значительной части будет определяться случайным урожаем текущего года.

Урожай нынешнего года свел хлебный баланс с некоторым сокращением против прошлого года.

Исчисляемый разными учреждениями несколько разно, хотя больших расхождений нет, хлебный баланс в общем и целом определяется, примерно, в 2.750 тыс. пудов. Понижение валового сбора хлебов в нынешнем году ни в какой степени, конечно, не может повлиять на обеспечение хлебом населения внутри страны, но, при пестроте урожая нынешнего года, вопросом первостепенного значения является перераспределение хлеба внутри Союза. Поэтому при небольших излишках хлеба и опять-таки при пестроте урожая не только по большим районам, но и внутри губерний и уездов во весь рост встает вопрос о ценах, вопрос о регулировании хлебного рынка.

Общий пониженный урожай нынешнего года, срочная необходимость для государства обеспечить пострадавшие районы семенами, продовольствием и кормами и пестрота урожая создали на хлебном рынке настроение ажиотажа, спекуляции. Мы имеем ненормально высокие цены. В такой же степени, как нас в прошлом году тревожили чрезвычайно низкие цены,—в нынешнем году нас основательно должны были встревожить высокие цены. В самом деле, что обозначают ненормально высокие хлебные цены в условиях нашей действительности?

Это «обозначает неизбежно рост заработной платы, повышение бюджета, индекса, повышение цен всех товаров, и, следовательно, величайшую опасность для нашей денежной реформы»[1]). Поэтому государство должно было активно вмешаться в дело регулирования хлебных цен, должно было само выступить хлебозаготовителем. Государство решило заготовить количество хлеба, достаточное для того, чтобы обеспечить неурожайные районы, промышленные центры и иметь в своих руках такой хлебный резерв, при наличии которого в течение всего года можно было бы влиять на хлебный рынок, бороться с чрезмерно высокими ценами на хлеб.

Хлебозаготовительный план.

Исходя из нашего хлебного баланса нынешнего года, учитывая наши потребности, этот хлебозаготовительный план в конечном счете был установлен в 380 милл. пудов всех хлебов, которые по районам были распределены следующим образом:[2]).

Потребляющая полоса	13.000	тыс. пуд.
Производящая полоса без Урала .	84.400	„ „
Урал	32.000	„ „
Юго-Восток	69.000	„ „
Сибирь	42.000	„ „
Киргизия	5.600	„ „
Украина	130.500	„ „
Крым	3.500	„ „
Итого	380.000	тыс. пуд.

Совершенно очевидно, что важно не только заготовить намеченное планом количество хлеба, но, чтобы хлеб поступил нужными культурами.

Предусмотренные планом 380 милл. пудов хлеба должны поступить следующими культурами:

			%				%
Рожь . .	123.575	тыс. пуд. или	32,5	Бобы . .	4.985	„ „ „	
Пшеница.	115.175	„ „ „	30,3	Крупа . .	23.640	„ „ „	6,3
Овес . .	40.670	„ „ „	10,7	Масличн.	16.185	„ „ „	4,3
Ячмень .	32.070	„ „ „	8,4	Жмых . .	4.900	„ „ „	1,3
Кукуруза.	18.800	„ „ „	4,9				
				Итого.	380.000	тыс. пуд. или	100%

По месяцам план должен быть выполнен следующим образом:

Август . . .	25.000.000 пуд.	Февраль . .	30.000.000 „
Сентябрь . .	55.000.000 „	Март	12.000.000 „
Октябрь . .	90.000.000 „	Апрель . . .	8.000.000 „
Ноябрь . . .	50.000.000 „	Май	5.000.000 „
Декабрь . .	60.000.000 „	Июнь . . .	5.000.000 „
Январь . . .	40.000.000 „		
		Всего.	380.000.000 пуд.

Это количество хлеба должно быть заготовлено пятью главнейшими государственными и кооперативными хлебозаготовителями: Госбанком, Госторгом, Хлебопродуктом, Центросоюзом и Сельскосоюзом.

Был разработан точный план, сколько каждая организация в каждом районе каких культур должна заготовить.

---

[1]) Т. Каменев на докладе ответственных работников Моск. организации 22/VII—1924 г.

[2]) Данные о хлебозаготовительном плане по материалам Наркомвнуторга.

Для разрешения проблемы реализации урожая, проблемы успешного выполнения хлебозаготовительного плана, осталось разрешить два важных вопроса: о ценах и финансировании. Если последний вопрос стоит в зависимсти от общего финансового положения страны и может быть разрешен более или менее легко, то второй вопрос о ценах является наиболее сложным.

Хлебные цены.

Как мы уже раньше говорили, к началу сельско-хозяйственного года, мы имели хлебные цены не только выше прошлогодних, но и довоенных цен. Вот эта табличка цен па рожь, по некоторым районам должна подтвердить сказанное: [1]).

РАЙОНЫ.	1913 г.	Август 1923 г.	Август 1924 г.
Западный	85	79	91
Центрально-Земледельческий	75	52	104
Волжский	58	58	119
Юго-Восток	65	39	79
Сибирь	60	74	74
Украина	70	46	107

Поэтому перед государством была поставлена задача: во что бы то ни стало понизить эти цены. Они угрожали крупнейшему достижению нашей экономической жизни,—успешному завершению денежной реформы.

Государство не заинтересовано в низкой цене на хлеб, по примеру прошлого года оно борется с такими ценами, но с другой стороны для нашего народного хозяйства нужна такая цена на хлеб, «которая была бы выгодна для крестьянства, но которая была по силам и рабочему классу и всему нашему государству» [1]).

Поэтому вопрос о понижении хлебных цен, вопрос об установлении таких цен, которые были бы выгодны и огромнейшему большинству крестьянства и рабочему классу, стал в центре внимания всех мероприятий правительства.

Государство должно было во что бы то ни стало вмешаться в хлебную торговлю, вмешаться в хлебный рынок.

Короче—государство должно было взять регулирование хлебной торговли в свои руки и этим самым, будучи наикрупнейшим хлебозаготовителем, обеспеченным деньгами, аппаратом, имеющим в своих руках транспорт, сможет влиять на хлебные цены в сторону их понижения до пределов экономически целесообразных, соответствующих экономике нашего народного хозяйства.

Факт выступления государства концентрированным крупным хлебозаготовителем, при наличии частного хлебозаготовителя, может, при некоторых обстоятельствах, дать и обратный результат, то-есть может цены на хлеб поднять, поэтому государство должно использовать все имеющиеся в его распоряжении возможности для удержания цен на том уровне, о котором мы выше говорили.

[1]) Цены Кон'юнктурного Института НКФ.
[2]) Тов. Каменев, там же.

Задача заготовить хлеб по этой «справедливой цене» практически осуществляется в первую очередь путем лимитов, т.-е. путем установления директивных хлебных цен для главнейших хлебозаготовителей, выше которых они платить не должны.

Но чтобы крестьянин продавал хлеб по этим ценам, принимая во внимание конкретную обстановку нынешнего года, когда больших излишков в крестьянском хозяйстве нет, необходимо было принять меры, способствующие выбрасыванию крестьянами хлеба на рынок. Первой такой мерой считался сельско-хозяйственный налог. Предполагалось, что крестьянство выбросит известное количество хлеба на рынок, чтобы получить деньги для уплаты налога.

Второй—это обеспечить районы, в которых производятся хлебозаготовки достаточным количеством ходких товаров фабрично-заводской промышленности. Появление на рынке, крайне нужных крестьянству товаров, будет содействовать повышению предложений хлеба.

Вот некоторые из положений, легших в основание нашей политики цен, нашей политики регулирования хлебного рынка.

Финансирование.

Со вторым вопросом—финансированием хлебозаготовительной кампании дело обстоит благополучно. Денежные средства на хлебозаготовки вкладывались из следующих основных статей: собственные капиталы хлебозаготовителей, целевой кредит Госбанка, т.-е. кредит специально на хлебозаготовки государства и, наконец, под'товарный кредит, т.-е. кредит под пред'являемые железнодорожные документы на отправленный хлеб.

Не останавливаясь подробно на системе финансирования нужно сказать, что в общем она сводилась к тому, что хлебозаготовители должны были быть обеспечены деньгами для полного выполнения хлебного плана. За истекший период деньги аккуратно пересылались по назначению. Затруднений в финансировании плана не было еще и потому, что план выполнен только в размерах 70%, между тем как первые две основные статьи прихода, т.-е. капиталы хлебозаготовительных организаций и целевой кредит могли быть использованы целиком.

Выполнение хлебозаготовительного плана.

Переходя к анализу нынешнего состояния хлебозаготовительной кампании, к проверке, в какой степени первоначально намеченный план выполняется, не нужны ли кое-какие коррективы, необходимо отметить, что 1-ое ноября является наиболее крупным и первым отчетным периодом и для хлебозаготовительной и для сельхозналоговой кампании. Поэтому-то необходимо посмотреть, как выполнено было задание на 1-ое ноября.

	Задание.	Заготовлено.	% выполнения.
Июль—август	25 000 (авг.)	42.045,9	168
Сентябрь	55.000	34 577	63
Октябрь	90.000	41.264,6	46
Итого	170.000	117.887,5	69,3

Выполнение задания на 1-е ноября, в смысле общего количества заготовленного, нельзя считать благополучным. Мы имеем систематическое падение процента выполнения плана из месяца в месяц. Высокий процент выполнения задания за июль-август об'ясняется тем, что тогда хлеб заготавливался главным образом, как семянной материал, по довольно высоким ценам. Повышение заготовок в октябре против сентября на 6 милл. пудов при плане на октябрь на 40 милл. выше сентябрьского, конечно, большого значения иметь не может. Наконец, даже принимая во внимание высокий процент выполнения задания в июле и в августе, то и тогда задание на 1-е ноября выполнено всего лишь в размере 70%.

Не лучше обстоит вопрос и с выполнением плана по культурам.

Выполнение плана по культурам в %%.

СЕНТЯБРЬ.			ОКТЯБРЬ.		
Рожь.	Пшеница.	Масл. сем.	Рожь.	Пшеница.	Масл. сем.
40,3	74,5	389	24,2	34	166,3

К этим цифрам Бюллетень Наркомвнуторга № 59 говорит: «необходимо отметить, что план заготовок и по основным культурам (рожь и пшеница) почти не одним из заготовителей ни в сентябре, ни в октябре полностью не выполнен (единственное исключение Сельскосоюз в сентябре), в то время, как заготовка маслосемян у большинства заготовителей превышает плановое задание».

В общем и целом правильно будет сказать, что план хлебозаготовительной кампании в части на 1-е ноября, выполнен не совсем удовлетворительно и из этого необходимо сделать соответствующие выводы.

В чем причина недостаточного успеха хлебозаготовительной кампании, каковы ближайшие перспективы и что нужно исправить?

Нужно совершенно определенно сказать, что в общем и целом наша политика в области хлебозаготовок, наша политика цен безусловно правильна и если все же нужно внести некоторые коррективы, так это потому, что мы кое-где просчитали и кое-что недоучли. Повидимому, сам по себе заготовительный план в 380 милл. пудов следует считать несколько преувеличенным. Вернее,—не совсем правильно эти 380 милл. пудов распределены по районам.

Необходимы, наконец, некоторые коррективы в нашей политике цен.

Повидимому, в целом ряде районов все еще наблюдается товарный голод на крестьянские товары.

Самое главное—наш просчет во влиянии налога. Налоговые поступления не оказали того влияния на хлебозаготовки, которое предполагалось. Крестьянство считало для себя более выгодным уплачивать налог за счет продажи всяких других сельско-хозяйственных продуктов или заработков.

Сельхозналоговая кампания.

Единый сельско-хозяйственный налог занимает крупное место в доходной части нашего государственного бюджета и, как предполагалось в начале хозяйственного года, должен сыграть исключительную роль в хлебозаготовительной кампании. Соответственно этому, план выполнения сельхозналога и нужно было увязать с соображениями бюджетного характера и планом хлебозаготовок.

Общая сумма единого сельхозналога нынешнего года по Союзу составляет, приблизительно, 340 милл. рублей. Из них 250 миллионов идет в государственный бюджет и 90 миллионов—в местный бюджет.

Советом Труда и Обороны был утвержден следующий план поступления налога:

На 1 ноября.		На 1 января.		На 15 февраля.		На 1 апреля	
Рубли.	%	Рубли	%	Рубли.	%	Рубли.	%
145,8	42,89	96,6	28,40	60,6	17.83	37,0	10,88

Совнаркомам Союзных Республик закон предоставляет право вносить некоторые изменения в сроки поступления налога. Этим правом они воспользовались. После этих изменений на 1-е ноября должно было поступить не 45% годового задания, а только 43%, или вместо 153 милл. рублей—145,9 милл. рублей.

Начало и ход налоговой кампании.

Вместо прошлогодних разрядов по урожайности, нынешняя система налога установила разряды по обложению. Это значит, что в прошлом году, размер налога определялся в зависимости от урожая данного года, в нынешнем году размер налога определяется не только урожаем нынешнего года, но и общей доходностью крестьянского хозяйства от всех отраслей.

Таким образом, чтобы установить разряды по обложению нужно было учесть кон'юнктуру сельского хозяйства. Совершенно очевидно, что в условиях нынешнего года, при пониженном

урожае по всему Союзу, при поразительной пестроте урожая, при тех чрезвычайно высоких ценах на хлеб, которые мы имели в июле и августе месяцы,—говорить более или менее твердо о кон'юнктуре сельского хозяйства было немыслимо. Эта кон'юнктура была недостаточно ясна, не только в начале, но даже и в конце августа и поэтому к вопросу об установлении разрядов по обложению нужно было подойти сугубо осторожно.

Учитывая необходимость, чтобы налоговые поступления оказали наибольшее влияние на хлебозаготовки, налоговая кампания в первую очередь (в середине августа) и наиболее интенсивно, началась на Юго-Востоке и Украине, т.-е. в районах, играющих крупную роль в хлебозаготовительной кампании.

Следующая табличка рисует начало сбора налога в нынешнем году и в прошлом по главнейшим районам.

	1924/25 г.	1923/24 г.	По сравнении с прошл. годом, в 1924—25 г. Раньше на дней	По сравнении с прошл. годом, в 1924—25 г. Позже на дней
Западный	24 сентября	19 сентября	—	5
Московско-Промышл.	24 „	21 „	—	3
Центр.-Земледел.	14 „	27 августа	—	17
Уральский	8 „	8 сентября	—	—
Юго-Восток	23 июля	25 августа	32	—
Крым	23 августа	10 сентября	17	—
Сибирь	20 сентября	25 „	5	—
Украина	16 августа	1 „	14	—

Первые сведения о поступлении налога поступили 1-го сентября. По этим сведениям поступила незначительная сумма. Вторая сводка, на 7-е сентября давала такое же небольшое поступление. Естественно появилась тревога, не только и не столько за успех налоговой компании, сколько за результаты влияния налоговых поступлений на хлебо-заготовки. Было совершенно очевидно, что при таком слабом поступлении налога не может быть и речи о серьезном влиянии налога на хлебозаготовки. Уже в сентябре начали приниматься меры к усилению налоговых поступлений и поступление налогов начало резко повышается.

На 1 сентября	1-ое семидневье	—	3.627,2
„ 7 „	2-ое	„	4.998,4
„ 15 „	3-ье	„	11.427,0
„ 22 „	4-ое	„	7.659,5
„ 1 октября	5-ое	„	7.804,5
„ 7 „	6-ое	„	6.947,4
„ 15 „	7-ое	„	14.690,2
„ 22 „	8-ое	„	21.613,6
„ 1 ноября	9-ое	„	48.912,2

Как видно, вторая неделя сентября дает резкое повышение поступлений. Это потому, что налог тогда взимался главным образом на Украине и Юго-Востоке, а к 15 сентября Украина имела выполнить свое первое задание.

Самым характерным является поступление налога в течение октября месяца. В течение одной четвертой недели октября поступило 49 милл. руб. или больше, чем в два раза против предыдущей недели, больше, чем в три раза против второй недели октября и почти в семь раз больше, чем в первую неделю октября.

Всего, таким образом, на 1-ое ноября поступило 127,5 мил. рублей или 87% задания.

По отдельным Союзным Республикам на 1-ое ноября поступило:

по РСФСР—75,1 мил. руб. или 84,2%
„ БССР — 2,9 „ „ „ 85% задания
„ ЗСФСР— 2,7 „ „ „ 30% и
„ УССР —46,8 „ „ „ 101% задания

По той части Советского Союза, где проводятся плановые хлебозаготовительные операции, налоговое задание выполнено в размере 101%.

Для того, чтобы покончить с оценкой хода поступлений налога в нынешнем году, интересно их сопоставить с поступлениями единого налога в прошлом году.

На 1-о ноября 1923 года поступило налога 102,2 милл. руб., в то время, как на 1-ое ноября нынешнего года поступило 127,5 мил. рублей.

Если же сопоставить поступления нынешнего года с поступлениями только денежной части прошлого года (исключить ту часть налога, которая в прошлом году сдавалась натурой), то в прошлом году на 1-е ноября поступило 72,8 милл. руб., а в нынешнем—127,5 милл. руб.

Все это говорит за то, что в нынешнем году мы имеем наиболее интенсивное поступление налога.

Недостатки кампании, перспективы и выводы.

Но успешность налоговой кампании определяется не только общей суммой поступлений, но и характером проведения кампании, планомерностью и систематичностью ее. Вот этой планомерности и систематичности и не было. Совершенно очевидно, что взыскание в течение одной недели чуть ли не 50 милл. руб., когда предыдущие недели давали в несколько раз меньше, но следует считать достаточно нормальным. Затем, положительное влияние налога на хлебозаготовки требовало не только поступления, в конечном счете, 100% задания, а более или менее равномерного поступления налога по неделям. Этого не было и в этом дефект истекшего периода налоговой кампании.

Ближайшие перспективы.

Какие же ближайшие перспективы налоговой кампании.

Как мы выше сказали, на 1-е января должно быть выполнено 242,8 милл. руб. Если вычесть поступившие на 1-е ноября 127,5 милл. руб., то на 1-е января остается получить 115,3 милл. руб.

Для взыскания первых 127 милл. рублей, сроку было менее 2-х месяцев, для взыскания же вторых 115 милл. руб. предо-

ставлено два месяца. Затем, при проведении первой части в налоговой кампании было много вопросов, требовавших еще разрешения и раз'яснения. Теперь все на местах уже ясно и собрать 115 милл. рублей в течение ноября и декабря можно.

Необходимо только собрать их более планомерно, более систематически. Нужно запомнить, что взимание налога, вообще налоговая работа в деревне, является делом чрезвычайной важности и в известной части она определяет наши взаимоотношения с деревней.

Крестьянство судит о советской власти и о партии, по их мероприятиям и в числе этих мероприятий значится и налоговая политика, налоговая работа.

Взыскание налога в таком порядке как он взыскивался в октябре месяце, т.-е. скачками, такой порядок несомненно вредно отражается на наших взаимоотношениях с крестьянством и это можно и нужно избегнуть.

Теперь остается конкретнее, цифрами ответить на один из основных вопросов, поставленных в начале статьи:

В какой степени налоговые поступления влияли на хлебозаготовки. Напоминаем, что в течение сентября и в первой половине октября слабое развитие хлебозаготовок ставилось в связь со слабым поступлением налога.

Имеющиеся теперь данные показывают, что мы здесь несколько просчитались.

РАЙОНЫ	Хлебозаготовки	Поступление с. х. налога
	Заготовлено на 1-е ноября в %% к заданию.	Поступило на 1-е ноября в %% к заданию.
Потребляющая полоса	94,0	100,2
Производящая полоса	57,1	87,3
Урал	55,4	106,7
Юго-Восток	118,3	127,9
Сибирь	43,0	86,1
Киргизия	149,0	94,9
Украина	56,7	101,2
Крым	68,7	138,6
Итого	69,3	101,0

Эта табличка показывает, что по всем без исключения районам советского Союза процент выполнения налогового задания выше процента выполнения плана хлебозаготовок (исключение только составляет Киргизия, где в абсолютных цифрах всего должно было быть заготовлено 1.900 тысяч пудов).

По Союзу же по перечисленным районам налоговое задание выполнено в размере 101% и хлебозаготовительный план—в размере 69,3%.

Таким образом, налог обогнал хлебозаготовки и не оказал того решительного влияния на хлебозаготовки, которое от него ожидали. Главная причина—крестьянство не считало для себя выгодным усиленно выбрасывать хлеб. Учитывая общий недород нынешнего года, не совсем благоприятные виды на озимые хлеба в некоторых районах, крестьянство склонно расстаться с хлебом только в самую последнюю очередь.

Какие же ближайшие задачи в области этих двух кампаний на самое ближайшее будущее:

1) Налог должен поступать равномерно с таким расчетом, чтобы задание на 1-е января было полностью выполнено.

Нужно полагать, что теперь после того, как первая часть налога была выплачена за счет продажи не хлебных продуктов, взыскание второй части все же усилит предложение хлеба.

2) Нужно сосредоточить внимание на обеспечении хлебозаготовительных районов промышленными товарами.

3) Еще раз рассмотреть вопрос о ценах. «В политике цен полностью выявились уже необходимые коррективы. Речь идет о жизненных коррективах, ни в коем случае не об отказе от государственного регулирования вообще от политики лимитов в частности.

Лимиты, во-первых, должны варьироваться по районам, ибо совершенно естественно, что в нашем Союзе цены не могут не быть различными по отдельным местностям. Во-вторых, необходимо внимательнейшим образом присмотреться к тем конкретным ценам, которые получает крестьянин. Накладные расходы хлебозаготовительных организаций должны быть сведены к минимуму, ибо в отдельных местах из-за накладных расходов крестьянин получал несомненно все же низкие цены.

Эти дефекты в наступающий второй период заготовительной кампании должны быть полностью исправлены»[1]).

Что касается второго вопроса снабжения деревни промышленными продуктами, то «Наркомвнуторг уже приступил к составлению планов завоза важнейших промышленных продуктов в определенные хлебозаготовительные районы и имеет уже кое-какой материал, доказывающий усиление хлебозаготовительных операций в связи с прибытием товаров».

«Наркомвнуторгу... надо принять ряд мер к тому, чтобы промышленные продукты дошли до крестьянина на самом деле по сниженным ценам».

Если все эти мероприятия будут проведены, то можно рассчитывать на повышение хлебозаготовок. Во всяком случае, обе кампании — налоговая и хлебозаготовительная должны стоять в центре местной работы.

Успешное проведение этих кампаний является одной из крупных задач нашей хозяйственной жизни.

[1]) Это и ниже—из передовой „Экономич. Жизнь“ № 337.

А. Стецкий.

Экономические пружины американского „наступления“.

I. Промышленный под'ем 1923 г.

Одним из важнейших моментов международного положения является поворот внешней политики Соединенных Штатов С. А. От политики гордой изолюции—«splendid isolation» и отстранения от европейских дел Соединенные Штаты на протяжении этого года переходят к активному вмешательству в эти дела и экономическому «наступлению» на Европу, что находит свое выражение в разработке вопроса о репарациях—плане Дауэса, в растущем экспорте капиталов в Европу—предоставлении займов Германии, Франции и стремлении расширить товарный экспорт в Европу. Эта активная политика носит чрезвычайно агрессивный характер, который вообще отличает высоко развитой финансовый капитал. Президентские выборы прошли под лозунгом активной внешней политики. Ее символом явилась кандидатура автора плана экспертов—Дауэса—дополнявшая кандидатуру Куллиджа. Этот принципиальный поворот, повидимому, определит американскую политику на более или менее продолжительное время. С ним необходимо считаться и необходимо присмотреться к тем экономическим процессам, которые его обусловили.

После окончания мировой войны кон'юнктура американского хозяйства приобретает чрезвычайно неустойчивый характер. Ее движение сопровождается резкими колебаниями, более резкими и с большим размахом, чем в остальных капиталистических странах (за исключением Германии, прошлогодний кризис которой пока стоит вне сравнения). Основой этих колебаний является то обстоятельство, что хозяйство С. Штатов, расширявшееся во время войны за счет военного спроса европейских стран, вышло из равновесия после того, как этот спрос прекратился и европейские страны вступили в полосу послевоенного кризиса—и до сих пор не может найти этого равновесия. Краткий под'ем 1919 г. сменяется жестоким кризисом 1920—21 года—самым острым из всех, которые когда-либо потрясали американское хозяйство. Вслед за тем начинается, однако, снова улучшение, переходя в под'ем 1923 года. Последний в свою очередь кончился в начале этого года.

Кризис 1921 года вызвал реакцию против Европы, которая представлялась главной виновницей бед, обрушившихся на Америку, и конкуренции которой опасались как фермеры, так и промышленники. Он вызвал к жизни идею изоляции. Последовавший затем под'ем 1922—23 г. укрепил надежды на стабилизацию капитализма и на возможность для американского хозяй-

ства обойтись без Европы и развиваться на базе своего внутреннего рынка. Следует остановиться на характеристике этого последнего под'ема, так как исход его разбил окончательно иллюзии американской буржуазии и послужил непосредственным толчком к новой орентации американской политики.

Необходимо прежде всего отметить интенсивность и размах этого под'ема. Размеры производства в первый раз после войны перерастают уровень лучших годов военного расцвета. Этот под'ем производства прекрасно иллюстрируется индексом среднемесячного производства основных индустрий (уголь, нефть, сталь, текстильное производство и пр.) за военные и послевоенные годы. Этот индекс вместе с тем дает представление и о судорожных колебаниях американского хозяйства, колебаниях, которые показывают настоящую цену всех разговоров о стаблизации капитализма (ежемесячное производство 1919 г. принимается за 100) индекс американского Federal Resesue Board [1]).

1913 г. — 98	1917 г. —116	1921 г. — 80
1914 „ — 88	1918 „ —110,5	1922 „ — 98
1915 „ — 96	1919 „ —100	1923 „ —120
1916 „ —115	1920 „ —105	

Таким образом, в течение полутора лет после тяжелого кризиса, американская промышленность делает быстрый скачок вверх, увеличивая продукцию на 50% по сравнению с 1921 г.

Второй характерной чертой этого под'ема является то обстоятельство, что он происходил исключительно на основе внутреннего американского рынка. Об этом свидетельствуют следующие цифры внешней торговли Соединенных Штатов, приводимые тов. Варга (в миллионах долларов) [2]):

	1921	1922	1923
Вывоз	4.485	3.832	4.025
Ввоз	2.509	3.113	3.950
Излишки вывоза .	1.976	719	75

Промышленный под'ем таким образом не сопровождался увеличением экспорта. Наоборот, его характерной чертой было увеличение импорта. Превышение экспорта над импортом было не только наименьшим за два последних десятилетия, но в течение четырех месяцев Соединенные Штаты имели пассивный торговый баланс—явление совершенно исключительное в их экономической истории.

		Ввоз		Вывоз	
Март	1923 г.	398,178	милл. дол.	341,377	милл. дол.
Апрель	„	364,230	„	325,492	„
Май	„	372,545	„	316,359	„
Июнь	„	320,357	„	319,957	„

Любопытно, что рост ввоза происходил, несмотря на введение новых запретительных пошлин: «емкость внутреннего рынка оказалась так велика, что сильно возросшая продукция Штатов не могла удовлетворить его: голландские кирпичи, французское железо, английский уголь—все шло в Америку и легко раскупалось» [3]).

Толчок под'ему был дан со стороны транспорта и строительства. Во время войны «реальное накопление было недостаточным

1) „Социалистическое Хозяйство“ IV 1924 г.
2) Варга. „Под'ем или упадок капитализма“ 1924 г., стр. 23.
3) Варга. Там же, стр. 23.

и в Соединенных Штатах. Слишком мало строили, слишком мало обновляли железнодорожное оборудование. Колоссальное оживление в строительной деятельности и чудовищно большие заказы железных дорог на ряду с автомобильной промышленностью явились важнейшими факторами экономического под'ема» [1]). Последний был таким образом **обусловлен процессами восстановления**, а по **некоторым отраслям расширения, основного капитала страны.**

Развертывание строительной деятельности и восстановление транспорта характеризуются следующими данными.

Стоимость законтрактованных построек составляла в среднем ежемесячно:

в 1920 г.	211.102 т. дол.
в 1921 г.	196 647 т. дол.
в 1922 г.	279.410 т. дол.

Количество паровозов, изготовленных для американских железных дорог составляло:

за 1921 г.	830
за 1922 г.	1066
за 1923 г.	2986

Производство автомобилей, которое равнялось в 1922 году 193,058 штуки пассажирских ежемесячно, в январе 1923 года составляет 223,653 и затем, непрерывно возрастая, доходит в мае 1923 г. до 350.073 штук. [2]).

Заказы железных дорог, расширение автомобильной промышленности и рост строительной деятельности должны были дать толчок прежде всего отраслям **тяжелой индустрии** и **производству строительных материалов.** Действительно, именно в этих отраслях под'ем достигает наивысшего уровня, в то время как производство предметов широкого потребления, хотя и переживает также под'ем, однако не в таком размере. Об этом можно судить по индексу месячного производства на высших точках под'ема (среднемесячное производство 1919 г. =100):

	Цемент и кирпич	Дерев. мат.	Железо сталь	Текстиль	Кожев. и обув произ.
1922 г. сред. мес.	126	114	99	107	97
Март 1923 г.	142	147	143	126	125
Апрель	149	138	140	123	112
Май	164	165	150	130	112

Таким образом, в то время как производство железа и стали поднялось в весенние месяцы прошлого года на 50% по сравнению с среднемесячным производством 1919 г., текстильное производство поднялось на 30% и кожевенное лишь на 20%. Это обстоятельство само по себе указывает на известную ограниченность под'ема, на то, что рост массового потребления, на котором прежде всего базируется легкая индустрия, отставал от роста промышленности. Как увидим далее, это действительно имело место по отношению к важнейшему потребителю Соединенных Штатов—классу **фермеров.** При таких условиях под'ем не мог долго продолжаться. Он должен был натолкнуться на ограниченность потребления и разбиться об это препятствие. В действительности это и произошло.

[1]) Варга Там же, стр. 24.

[2]) Цифры из статьи Денике „Социалистическое Хозяйство" IV. 1924 г.

II. Причины перелома коньюктуры.

Высокая кон'юнктура продолжалась до весны этого года. С марта наступает депрессия, которая переходит летом в типичный кризис, сопровождающийся резким сокращением производства основных отраслей и сокращением товарооборота. Каковы причины этого резкого перелома кон'юнктуры? В одной из корреспонденции в № 30 Wirtschaftsdienst» от 25 июля дается довольно правильный ответ на этот вопрос. «Колоссальный искусственный рост спроса на американские продукты во время войны вызвал настолько чрезмерное расширение производственного аппарата, что теперешнее внутреннее потребление не может его удерживать на прежней высоте. Депрессия же европейской промышленности подействовала на американскую хозяйственную жизнь двояким образом. Она прежде всего уменьшила спрос на сельско-хозяйственные продукты Соединенных Штатов, чем в свою очередь ограничила покупательную способность фермерского хозяйства, от которой существенно зависит внутренний сбыт промышленной продукции. Она далее принудила европейские страны, расплачиваясь за неотложно необходимые покупки, обращаться к своим денежным резервам [1]). Отсюда непрекращающийся приток золота в Соединенные Штаты»...

Здесь указываются общие причины послевоенного кризиса американского хозяйства. Сказанное здесь одинаково приложимо и к кризису 1921 года. Однако, то обстоятельство, что теперь, после периода процветания снова и снова приходится возвращаться к этим общим проблемам, лишний раз доказывает всю тщетность усилий американской буржуазии создать самодовлеющее хозяйство, отгородившись от остальных стран, и таким путем найти выход из послевоенного мирового кризиса.

За время военного расцвета производственный аппарат американской промышленности расширился настолько, что теперь он не может быть использован (особенно в тяжелой индустрии) полностью даже во время самой высокой кон'юнктуры. Возможной производительности угольных копей в 750 миллионов тонн в год соответствовала в 1922 году при хорошей кон'юнктуре емкость рынка в 500 миллионов тонн. Металлургия расширилась за время войны на 50%. Следствием является то, что даже в рекордный месяц март этого года стальная индустрия работала лишь с 93,8% нагрузки, а в апреле нагрузка составляла уже только 76,8%. Невозможность полного использования производственных ресурсов в течение шести лет после окончания войны, не говоря уже о дальнейшем развитии их, развитии, которое является законом капиталистического производства, придает состоянию основных отраслей тяжелой индустрии характер хронического застоя, депрессии. Вместе с тем наличие неиспользуемого производственного аппарата обостряет движение кон'юнктуры: при малейшем толчке производство может быть легко расширено, доведено до предела, так как для этого не нужно производить никаких больших дополнительных затрат. Отсутствие задержи-

[1]) Автор заметки совершенно не учитывает запретительной политики Соед. Штатов, которая в этом отношении играет главную роль, ограничивая ввоз в Соединенные Штаты.

вающего момента—в виде необходимости при расширении производства строить дополнительные мастерские, увеличив оборудование—делают возможным быстрый и резкий под'ем производства и в результате такое же быстрое и неожиданное его сокращение.

Все это блестяще иллюстрируется развитием кон'юнктуры в течение последних двух лет. Крупные железнодорожные заказы, развитие строительной деятельности дают толчок промышленности. Продукция чугуна и стали в 1923 г. увеличивается в два с половиной раза по сравнению с 1921 г. С конца 1923 года железнодорожные заказы сокращаются: в марте 1923 года они составляли 2.316, в январе 1924 года всего лишь 376. Вместе с тем наступает сокращение строительной деятельности: в первом квартале этого года она значительно расширяется еще в Штате Нью-Йорк, зато в остальных Штатах она сокращается на 10% по сравнению с 1923 г. В результате резкий скачок производства вниз: производство основных отраслей тяжелой промышленности падает в течение летних месяцев почти в два раза по сравнению с предыдущим годом.

Сокращение железнодорожных заказов, которое говорит о завершении процесса восстановления железных дорог, и сокращение строительной деятельности отчасти вследствие того, что острый недостаток жилищ оказался в 1924 г. и, особенно в провинции, преодоленным в результате колоссального строительства последних лет, отчасти потому, что увеличение издержек строительства за последние годы и высота арендной платы сокращает спрос на жилища,—послужили непосредственной причиной перелома кон'юнктуры. Однако помимо этой непосредственной причины, которая скорее указывает на узость базы высокой кон'юнктуры прошлого года, действовала в направлении ухудшения другая причина—более общая и значительная. Дело в том, что параллельно под'ему промышленности развертывался кризис сельского хозяйства С. Штатов. Именно на этот кризис натолкнулась и на нем потерпела крушение высокая кон'юнктура американской промышленности.

Этот кризис сельского хозяйства Соединенных Штатов имеет то общее с кризисом их промышленности в послевоенный период, что он также является частью мирового кризиса, вызван теми изменениями и нарушениями равновесия, которые произвела в мировом хозяйстве война. Так же как и американская промышленность, американское сельское хозяйство расширялось во время войны за счет европейского военного спроса. Экспорт сельско-хозяйственных продуктов непрерывно увеличивался во время войны за счет, главным образом, русского экспорта. В то время как до войны из всего урожая пшеницы экспортировалось 14%, во время войны экспортная доля урожая пшеницы возросла до 27%.

Сокращение европейского спроса в результате хозяйственного кризиса, восстановление связей между европейскими аграрными и промышленными странами, вызвали падение цен на продукты фермерского хозяйства С. Штатов. Действие этого понижения цен сельско-хозяйственных продуктов было усилено политикой трестов, направленной к повышению цен на промышленные товары. В результате—расхождение цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары, появление американских «ножниц», которые сильно подрезали фермерское хозяйство. Индексы

американского Бюро Статистики Труда, относящиеся к октябрю прошлого года, дают следующую картину ножниц:

Общий индекс цен	153
Индекс с.-хоз. продуктов	144
Материи и платьев	199
Материалов для освещ. и отопления	172
Строительных материалов	182

Это неблагоприятное соотношение цен разоряло фермерское хозяйство. По данным департамента земледелия весь капитал, вложенный в сельское хозяйство, приносил 6,2% в 1919—20 г., 1,4% в 1921—22 г., 3,1% в 1922—23 г., и столько же в 1923—24 г. В то же время амортизация и уплата по разного рода обязательствам составляли 6,7%. Естественным следствием этого положения было оставление ферм и непрерывное сокращение посевной площади[1]).

В тысячах гектаров.

	1924	1923	1918/22	в % в 1918/22 г.
Озимая пшеница	14.932	15.994	17.273	86,4
Яровая	6.847	7.602	8.791	77,9

Таким образом, в текущем году посевная площадь озимой пшеницы уменьшилась на 13,6%, а яровой—на 22,1% по сравнению с 1918/22 г.

Параллельно сокращению посевной площади и понижению цен сельско-хозяйственных продуктов идет процесс уменьшения доходности сельских хозяйств. По данным департамента земледелия, чистый доход сельского хозяйства составлял[1]):

В миллионах долларов.

1919/20	1920/21	1921/22	1922/23	1923/24
4,954	438	865	1,916	1,863

За вычетом платежей по всем обязательствам соответственно: 4,057 милл. долл. для 1919—20 г., 964 милл. долл. для 1922—23 г. и в 921 милл. долл. для 1923—24 г.

Если учесть то значение, какое имеет фермерское хозяйство для американской промышленности, то станет ясно, что при таком ходе дел в первом под'ем промышленности не мог долго продолжаться. И приходится лишь удивляться тому, что высокая промышленная кон'юнктура могла продержаться в течение целых двух лет.

III. Кризис 1924 г.

Выше указывалось, что уже к январю произошло резкое сокращение железнодорожных заказов. Количество невыполненных заказов стального треста точно так же уменьшается к началу 1924 г. Однако тяжелая промышленность продолжает давать в течение первых месяцев этого года рекордные цифры продукции—в марте, напр., по углю 53 милл. тонн против 49 милл. средне-месячной продукции за прошлый год, по железу—3.500 тыс. тонн против 3,392 тысяч по стали 4.225 тысяч против 3.682 т. тонн. Однако в легкой индустрии уже к началу года начинает проявляться депрессия. Производство сокращается. Индекс

[1]) «Bulletin Statistique Agricole et Commercial», Octob. 1924 г.
[2]) «Economist» от 6/IX 1924 г., стр. 383.

производства текстильной и кожевенной промышленности дает следующие показания:

	I полугод. 1923 г.	II полугод. 1923 г.
Текстильная промышл.	121	101,5
Кожевенная и обувная	112	98,5

Этот ход развертывания кризиса подтверждает наше положение относительно того, что под'ем кон'юнктуры уперся в кризис сельского хозяйства и что главную роль в переломе кон'юнктуры сыграла ограниченность спроса со стороны фермеров. С апреля начинается сокращение производства тяжелой промышленности, при чем это сокращение происходит чрезвычайно резко: на протяжении трех месяцев продукция стали сокращается больше чем в 2 раза.

Относительно общего хода развертывания кризиса можно судить по тому же индексу производства основных индустрий (уголь, нефть, чугун, сталь, текстиль, кожевенная и табачная промышленность).

1924 г.					
и II	III	IV	V	VI	VII
120	116	114	103	93	94

В общем к июлю этого года производство основных индустрий составляло лишь около 70% производства прошлого года.

Индекс производства по отдельным отраслям даст еще более яркую картину быстрого и резкого развертывания кризиса[1]).

	1923 г.		1924 г.				
	VI	VII	III	IV	V	VI	VII
Чугун	147	144	131	127	101	81	70
Сталь	136	126	142	121	92	74	67
Потреб. хлопка	108	95	92	97	80	70	71
Потр. шерсти	114	112	101	97	93	88	83

Что касается абсолютных цифр продукции, то они дают следующую картину[2]):

	В милл. тонн. VII 1923 г.	VII 1924 г.	в % к 1923 г.
Уголь	45.114	34.610	77%
Чугун	3.737	1 814	48%
Сталь	3.579	1.899	52%
Произ пас. автомобилей	378.000 шт.	243.000 шт.	64%

Если принять во внимание, что даже и в прошлом году производственные возможности тяжелой промышленности не были целиком использованы, то картина так резко развернувшегося кризиса станет еще ярче.

Статистика не указывает еще, к сожалению, какое влияние произвело это резкое сокращение производства на рабочий класс. Но не подлежит сомнению, что все эти явления должны были вызвать такое же резкое увеличение армии безработных и вместе с тем давление на заработную плату.

Одним из любопытнейших явлений этого кризиса было то, что он сопровождался избытком денежных капиталов и чрезвычайно низким учетным процентом. Обычно при развертывании

---

1) „Statist" от 26/IX 24 г.
2) Обзоры лондонского „Economist'a" за август—сентябрь.

кризиса происходит как раз обратное: возникает острый недостаток денежных капиталов, и учетный процент подскакивает вверх. Между тем летом этого года американские федеративные банки не только не повышают учетный процент, но вынуждены понижать его по мере развития кризиса. В то время как в прошлом году учетные ставки федеративных банков составляли $4\frac{1}{2}$%, а в 1920—21 году 7%, к августу этого года они снижаются до 3%. Кризис промышленности сопровождается кризисом банков, но не вследствие недостатка, а вследствие избытка денежных капиталов, не находящих себе применения. Корреспондент «Wirtschaftsdienst» следующими политическими словами характеризует состояние денежного рынка Соединенных Штатов в июле: «Никогда еще не существовало такого огромного количества средств, ищущих применения, никогда еще учетный процент федеративных банков не достигал такой ненормально низкой цифры $3\frac{1}{2}$% (с тех пор он снизился до 3%! А. С.), в то время как процент за краткосрочный кредит снизился с марта по май с 4 до 2%. В результате этого банки, несмотря на все свои богатства, оказываются не в состоянии прибыльно работать и потому сейчас следует говорить о кризисе банковского кредита»[1]).

Эта своеобразная инфляция денежных капиталов явилась результатом непрерывного золотого потока, шедшего в Соединенные Штаты во время и после войны. Европейские страны, не имевшие возможности расплачиваться с Соедин. Штатами за свои покупки товарами, сначала вследствие мобилизации своей промышленности на военные нужды, а потом вследствие послевоенного кризиса и американских запретительных пошлин расплачивались и расплачиваются с Соединенными Штатами золотом. В то время как до войны вывоз золота превышает ввоз, с 1915 года начинается обратный поток. Излишки ввоза золота над вывозом составляли:

(бюджетный год по 30/VI)

1921 г.	511,309	тысяч долл.
1922 г.	440 965	„ „
1923 г.	23[illegible].068	„ „
1924 г.	406 816	„ „

«В то время как золотой запас страны составляет теперь около 4,5 миллиардов долларов, одни только федеральные банки сосредоточивают в своих руках около 3,2 миллиардов. По сравнению с 2 миллиардами в ноябре 1920 г. высшего пункта первой большой инфляции золота, это обозначает прирост золотых резервов федеральных банков на 1,2 миллиарда в течение 3 лет.

В то же время банковские вклады страны оцениваются в 50 миллиардов долларов, а банковские ссуды в 40 миллиардов[1])».

Эти неслыханные размеры золотой инфляции дали повод некоторым буржуазным экономистам считать самый хозяйственный кризис Соединенных Штатов следствием этой инфляции. Разумеется это не так. Буржуазные теоретики хватаются по своему обыкновению за побочное, хотя и наиболее бросающееся в глаза явление. Как условия под'ема, так и ход развертывания кризиса убеждают в том, что имеются более глубокие и общие

---

1) „Wirtschaftsdienst" № 30.
2) „Wirtschaftsdienst" № 33 от 15/VIII

причины последнего—причины мирового масштаба, а именно: нарушение равновесия мирового хозяйства в результате войны, нарушение, которое действует, как на американскую промышленность, так и на сельское хозяйство. Избыток денежных капиталов, не находящих применения при наличии хозяйственного кризиса, является лишь доказательством глубины и серьезности этой болезни, против которой оказываются бессильны даже деньги, этот жизненный элексир и первый двигатель капиталистического общества. Вместе с тем явления денежного рынка, сопровождавшие кризис, показывают, что выход из положения не может быть найден внутри страны, своими средствами, а лишь путем «оздоровления» мирового хозяйства. Американский капитал предпринимает эту попытку теперь испытанными средствами финансового капитала, средствами насилия и закабаления других стран. На этой политике он сломит себе шею.

* * *

Кризис 1924 года окончательно разбил иллюзии изоляции и возможности существования Соед. Штатов, как обособленного, самодовлеющего хозяйственного организма. «Убеждение, что изолирование американского хозяйства внутри мирового, несмотря на могущество и об'ем первого,—попросту невозможно,—проникло повсюду. Эта иллюзия (изоляции) составляла, как известно, хребет американской политики со времени падения Вильсона. Теперь покровы ограниченности оказываются разорванными» [1].

Упадок сельского хозяйства, кризис промышленности и кризис денежного рынка, необходимость найти сбыт избыточным товарам и приложение избыточным капиталам, не дающим внутри страны нормальной прибыли,—все это толкает американскую буржуазию на путь активной внешней политики, на путь экономического и политического наступления—прежде всего на Европу с целью овладеть рынками для сбыта товаров и для приложения своих капиталов.

«Во всяком случае, теперь возникла растущая склонность искать приложения для американского капитала за границей, где проценты выше и останутся выше некоторое время. Это несет с собой увеличивающееся «мирное проникновение» американского капитала в европейское хозяйство и в европейские политические отношения, по всей вероятности, также «долларизацию» европейских финансов и превращение доллара в мировые деньги» [2].

Это «мирное» выступление американского капитала началось политически проведением плана Дауэса, который является ничем иным, как попыткой создать необходимые политические условия, установить «порядок», необходимый для возможности прибыльного приложения американского капитала в Европе—прежде всего в Германии—и для эксплоатации этой страны. Экономически это наступление началось в форме экспорта денежного капитала в европейские страны. За первые шесть месяцев этого года банками С. Штатов было вложено в иностранные займы 320.940 тысяч долларов, тогда как за весь 1923 г. было

[1]) «Wirtschaftsdienst» № 30.
[2]) «Wirtschaftsdienst» № 30.

инвестировано 242.845 тыс., за 1922 г.—431.305 т. и 379.270 за 1921 г. [1]).

Для осуществления этого наступления сомкнутым фронтом американские банки по последним сведениям организовали специальный банковский трест с капиталом в 30 милл. долларов для операций в Европе. Новый концерн образован по образцу «Америкэн энд Континенталь Корпорейшэн», занимавшийся давно операциями в Англии и на континенте, и последняя кампания участвует в новой. Концерн предполагает заняться исключительно международными банковскими операциями и первым полем его деятельности явится Германия [2]).

Каковы в действительности методы «мирного» проникновения» американского капитала можно видеть на примере Германии. Это «проникновение» осуществляется могущественной страной финансового капитала и отличается той агрессивностью, которая вообще свойственна высокоразвитому финансовому капиталу. Необходимым условием приложения капитала является гарантия прочности капиталистического порядка, гарантия возможности регулярного извлечения прибылей. Эти гарантии на вложенный капитал американская буржуазия стремится создать путем осуществления политического и экономического контроля над Германией, превращения ее в свою промышленную колонию.

Социал-демократы приветствуют выступление американского капитала в Европе, как начало новой эры пацифизма и сотрудничества между народами. Эту эру «сотрудничества» склонны переоценивать—в другой плоскости, конечно, как сотрудничества англо-американского капитала с целью эксплоатации Европы,—некоторые из наших товарищей [3]). Первые шаги проведения плана Дауэса—известное выступление верховного комиссара по поводу 25% отчисления с германского экспорта—уже опрокидывают эти построения. Эти конфликты на первых же порах осуществления англо-американского «сотрудничества» доказывают обратное: что принятие проекта Дауэса Лондонской конференцией было бы концом борьбы между англо-американским капиталом, а началом этой борьбы. Развертывание последней будет происходить по мере того, как будет расширяться фронт американского наступления на Европу.

IV. Ближайшие перспективы.

Хозяйственный кризис Соединенных Штатов, так резко развертывавшийся летом этого года, был осенью задержан в своем дальнейшем развитии. С конца июля начинается довольно определенное улучшение кон'юнктуры, которое сказывается и по линии производства и по линии обращения товаров и денежных капиталов. Это улучшение будет продолжаться—насколько можно предвидеть—в ближайшие месяцы, по всей вероятности, в течение всего предстоящего года. Чем же об'ясняется этот новый, неожиданный перелом кон'юнктуры в сторону повышения?

Он целиком обусловлен выяснившимися результатами как американского, так и мирового урожая хлебов. Эти результаты

[1]) «Statist». 1/XI 1924 г.
[2]) «Economist», 1/XI 1924 г.
[3]) См. выступления т.т. Троцкого и Радека.

и их следствия имеют и будут иметь в ближайшее время чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития кон'юнктуры в Соедин. Штатах и потому необходимо на них остановиться.

Предварительные подсчеты дают следующую картину мирового урожая пшеницы в текущем году [1].

В миллионах двойных центнеров.

	1924	1923
Европа	300	344
Канада	79,4	129,1
Соедин. Штаты	237,7	213,8
Брит. Индия	99,1	101,4
Франц. Северн. Африка	12,8	18,0
Египет	10,1	11,1
Страны Южного Полушария	119,0	123,0
Мировой урожай	848,0	940,0

Таким образом, в текущем году мировой урожай круглым счетом на 10% ниже прошлогоднего. В Канаде урожай на 40% хуже прошлогоднего! Понижение урожая дают все страны, за исключением Соединенных Штатов. В последних, несмотря на сокращение посевной площади на 6,6% под озимую пшеницу и 10% под яровую—урожай на 6,5% выше, чем в прошлом году. Такова же картина по ячменю, овсу и лишь сбор кукурузы в Соединенных Штатах дает уменьшение.

Эти обстоятельства значительно меняют хозяйственную обстановку Соедин. Штатов и прежде всего положение фермеров. Последствия результатов мирового урожая уже сказались в Соед. Штатах ростом спроса на американскую пшеницу и увеличением ее вывоза в Европу, быстрым повышением хлебных цен и ликвидацией американских «ножниц».

Цены на пшеницу поднялись почти в полтора раза по сравнению с предыдущим годом. Цены за бушель пшеницы на короткие сроки дают следующую картину:

Октябрь 1923 г.	107,62	цента
Апрель 1924 г.	102,12	„
Октябрь „	146,25	„

Повышение по сравнению с октябрем прошлого года на 43%! Для фермеров представляется теперь полная возможность поправить свои дела. Если оценить урожай пшеницы Соед. Штатов по ценам октября, то стоимость этого урожая составит 1 243 милл. долларов, тогда как стоимость прошлогоднего урожая составляла по ценам октября 1923 г. всего лишь 864 милл. долларов. Это означает увеличение фермерского дохода в полтора раза. Вместе с тем повышение хлебных цен радикально меняет и соотношение цен на сельско-хозяйственные и промышленные товары: оно ликвидирует «ножницы». В октябре прошлого года при общем индексе в 153 индекс сельско-хозяйственных продуктов составлял 144. Теперь при общем индексе в 150 индекс цен на пшеницу составляет 215.

[1] «Wirtschaftsdienst», № 44 и «Bulletin Statistique Agricol et Commercial», Octobre 24.

Вполне понятным становится поэтому тот перелом кон'юнктуры и новое улучшение ее, которое начинается с осени этого года. Одна из важнейших причин так остро развернувшегося летом этого года кризиса—ограниченность фермерского спроса вследствие кризиса сельского хозяйства, оказывается на ближайшие месяцы парализованной. Исключительно благоприятная обстановка, создавшаяся для сельского хозяйства США в результате мирового урожая, неизбежно вызовет рост фермерского спроса на продукты промышленности и тем самым значительное увеличение емкости внутреннего рынка, которое и явится базой нового оживления кон'юнктуры и под'ема промышленности. Основные показатели уже говорят о расширении товарооборота и банковских операций, об увеличении промышленной продукции. По углю, чугуну и стали имеются следующие данные:

В миллион. тонн.

	VII 1924	VIII 1924
Уголь	36.347	37.968
	VII 1924	IX 1924
Чугун	1.814	2.049
Сталь	1.899	2.809

Общая сумма оборота рассчетных палат страны за первую неделю октября показывает оживление банковских операций даже по сравнению с прошлым годом.

В милл. долларов.

Перв. неделя октября 1923 г.	8.406
„ „ „ 1924 г.	9.331

Учетный процент продолжал, однако, оставаться в течение октября на прежнем низком уровне около $3^1/_4$%.

Американские дельцы, потирая руки, говорят о новом продолжительном периоде процветания—«prosperit », открывающемся теперь для США. Так ли это и действительно ли окажется прочным и продолжительным улучшение, которое теперь начинается.

Оно является результатом хорошего урожая в США и плохого урожая во всех остальных странах. Таким образом, оно обусловлено совершенно случайным и временным стечением обстоятельств. Будь в остальных странах средний урожай, в Советском Союзе тоже картина была бы совершенно иная: целый ряд новых позиций у американского сельско-хозяйственного экспорта был бы отвоеван, этот экспорт сократился бы еще больше и благоприятный урожай, который является теперь для С. Штатов ключем к благополучию, хотя и краткосрочному, явился бы для них источником новых бедствий. Кризис сельского хозяйства и кризис промышленности обострились бы еще более и США имели бы повторение 1921 года. Случай выручил на этот раз американский капитализм.

Однако, само собой разумеется, что это стечение обстоятельств не является решением вопросов, стоящих перед С. Штатами. Основные проблемы — проблемы внешнего рынка для американского сельского хозяйства, внешнего рынка для промышленности, экспорта перепа-

копленных денежных капиталов — остаются, лишь смягчается их острота — самое большее до нового урожая. Американские дельцы отлично понимают это. Поэтому, говоря о новом открывающемся под'еме, они непременным условием его продолжают считать участие в «реконструкции» Европы, продолжение той политики, которая была начата планом Дауэса и моргановскими махинациями.

Наступление американского финансового капитала на Европу будет итти своим чередом. Но по мере развертывания этого наступления будут развертываться старые противоречия и конфликты между крупнейшими странами, вырастать новые, связанные с американским выступлением, обостряться классовая борьба внутри этих стран. Не пальмовую ветвь пацифизма, но меч новых военных потрясений и новых класовых битв несет с собою американский капитал.

Федоров.

К событиям в Египте.

Египет до сих пор занимает небольшое место в нашем общем внимании. Отныне он обещает оставаться в поле нашего зрения, как один из важнейших пунктов, концентрирующих империалистическую стихию капиталистического мира. О нем стоит поэтому рассказать несколько подробней.

Известно изречение Гегеля о географии, как «подкладке всемирной истории». Нет сомнения, что в истории Египта география сыграла огромную роль. Египет, прежде всего, является созданием реки Нила. Географически он является продолжением великой сахарской пустыни, и без Нила он был бы так же мертв, как и она. Но Нил—длиннейшая река не только Африки, но и всего мира —имеет свойство один раз в год разливаться и при этом оставлять на поверхности ил, содержащий особое органическое вещество, принесенное его водами с гор центральной Африки, откуда начинаются его истоки. Этот ил является тем удобрением, которое делает Египет одной из самых плодородных стран в мире. С другой стороны, Египет лежит на одном из важнейших перекрестков великих мировых торговых путей из Африки в Азию и из Азии в Европу, через Средиземное море. Благодаря этим двум особенностям, Египет уже за пять тысяч лет до нашего счисления, выступает на историческую сцену, как могущественное государство, развивает торговлю и промышленность и кладет основание ряду естественных и математических наук и изящных искусств, которые в течение дальнейших веков распространяются по всему побережью Средиземного моря и находят свое высочайшее выражение в культуре древней Греции. По той же причине, однако, Египет с древнейших времен является предметом вожделений соседних государств, и вся его история вплоть до XVI столетия нашей эры является одним непрерывным чередованием периодов порабощения и освобождения, при чем продолжительность времени, когда Египет находился во власти других держав, в совокупности, даже превышает те промежутки, когда он был свободен. В чьих только руках Египет не побывал! Над ним властвовали ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне, византийцы, опять персы, затем арабы и, наконец, турки. Во власти турок Египет как бы застыл на три столетия, благодаря тому, что с захватом турками Передней Азии и Передней Африки, вся громадная торговля с Востоком по сухому пути прекратилась, торговые пути перенеслись на Атлантический океан, и весь Восток, а с ним и Египет, замерли и экономически заглохли. Никто больше не интересовался Египтом: только турки извлекали оттуда богатые доходы, благодаря трудолюбию и бесправному положению его населения. Лишь в конце XVIII и в начале

XIX столетия Египет вновь выдвигается на историческую авансцену Наполеоном, который через Египет мечтает ударить в Индию по древнему пути, пролегающему через Суэцкий перешеек и Мессопотамию. Затем, однако, Египет опять исчезает с европейского горизонта до конца 60-х годов. В это время с Египтом происходит большое несчастье: французская техника и французский капитал прорезывают Суэцкий перешеек каналом, соединяющим Средиземное море с Красным и создающим кратчайший морской путь в Индию из европейских вод. Для Англии, владычицы морей и владычицы Индии, это событие имеет кардинальное значение, и немедленно она ставит задачей своей политики захват этого пути. Она опутывает правителей Египта густой паутиной займов, и когда правителей, как и можно было ожидать, постигает банкротство, она устраивает для Египта нечто в роде плана Дауэса: назначается международная финансовая комиссия, в которой Англия играет главную роль, под обеспечение платежей захватываются поступления из таможен и из налогов, на все главные посты ставятся иностранные и, главным образом, английские чиновники, и, в виде прототипа нынешнего генерального агента по репарациям, английский генеральный консул превращается в негласного резидента, фактически управляющего всем государством. Так как ни правителям Египта, ни народу такой режим не приходится по вкусу и в стране начинается революционное движение, то англичане вводят войска и окончательно воцаряются в долине Нила. Формально Египет остается провинцией оттоманской (турецкой) империи. Формально правитель Египта, носящий титул хедива, продолжает считаться генерал-губернатором и наместником турецкого султана в Константинополе. Формально само английское правительство не перестает уверять и Турцию, и Египет, и европейские державы в том, что ее оккупация лишь временная, вызванная необходимостью упорядочить египетские финансы, и что она нисколько не намеревается превращать Египет в свою колонию, а напротив, уйдет оттуда при первой же возможности. Но сущность, скрывавшаяся за этими формальностями, ничем не отличалась от колониального господства. Англия распоряжалась в Египте, как в любой из своих коронных колоний, держа весь финансовый, административный, судебный, школьный—словом, весь государственный аппарат—в своих руках, не подавая ни малейшего признака какого бы то ни было желания уйти, несмотря на то, что уже в начале 90-х годов финансовое состояние Египта перестало внушать кредиторам какие бы то ни было опасения. За этот период времени, в интересах ланкаширских прядилен, англичане развили в Египте огромную хлопковую плантацию и завели обширную оросительную систему специально на предмет расширения и укрепления хлопкового хозяйства, и, таким образом, приобрели сугубый интерес в сохранении за собой Египта в дополнение к тому, который она питала к Суэцкому каналу.

Так продолжалось вплоть до мировой войны. Нужно заметить, что и Франция со времени Наполеона не переставала мечтать о захвате этой интересной страны, и Англии за все время своей оккупации приходилось энергично отбиваться от французских притязаний. Только в 1914 году при заключении пресловутого «сердечного согласия» (антанты), соперницы пришли к соглашению: Англия отдала Франции непринадлежащее ей Марокко, а Франция отдала ей непринадлежащий ей Египет. На этом разбойничьем дележе, прославленном в современной политической хронике, как «закрепление всеобщего мира», обе стороны сошлись, и Англия осталась единовластной госпожой нильской долины. Сам Египет реагировал на это непрошенное вмешательство и распоряжение его судьбами довольно слабо, и это об'яснялось его социальной структурой. Большую часть населения его составляли и составляют крестьяне, так называемые «феллахи», работающие отчасти на карликовых хозяйствах, но преимущественно на землях больших помещиков в качестве оброчных, половников или просто батраков. Нищета феллахов вошла в свое время в пословицу. Веками, можно сказать десятками веков, пребывая в состоянии невольничества или кабалы, египетские крестьяне, как и крестьяне во всем Востоке, глухо и беззвучно терпели экономическую эксплоатацию и политическую тиранию своих помещиков и своих правителей, неспособные к организации или к восстанию. На другом общественном полюсе стояла горсточка богатых помещиков и высших чиновников из пашей и беев, большей частью, даже не арабского, а турецкого происхождения, которые владели землей и феллахами, выкачивая несметные богатства из нильского ила и феллахского пота. Между обоими классами общественные поры заполнялись греками и армянами, которые представляли из себя торговый и финансовый элемент—скупщиков продуктов, ростовщиков, банкиров и прочее. В то время, как феллахи терпели английское иго, потому что они привыкли терпеть десятки веков всевозможные ига иностранцев, правящий класс пашей и беев легко мирился с английским владычеством, которое приобщало их к своему большому хлопковому делу. Что же касается до греков и армян, то они меньше всего имели оснований возмутиться оккупацией, так как они являлись посредниками между помещиками и феллахами, с одной стороны, и английскими банками, и английскими фирмами—с другой. Лишь в начале текущего столетия появляются первые ростки национального освободительного движения, носительницей которого, однако, являлись не феллахи и не высший класс, а молодая туземная интеллигенция, вышедшая отчасти из кулацких крестьян, а частью из буржуазных и помещичьих слоев, которая получила образование в европейских (преимущественно французских и швейцарских) университетах и не находила приложения своим силам в виду занятия лучших чиновничьих постов и «либеральных» профессий иностранцами, преимущественно англичанами. Во главе этой неспокойной интеллигенции становится, правда, один из пашей в лице молодого Мустафы-Кемаля. Но этот «паша» был из захудалых и только потому приобрел значение, что его тайком поддерживал сам хедив, которого англичане очень грубо третировали. Движение это одно время приняло острые формы, выливаясь даже в террористические акты, но англичане быстро овладели им, так как оно не имело под собой никаких народных корней.

Империалистическая война сразу изменяет положение. Как только Турция вступила в войну на стороне германской коалиции, англичане об'явили Египет независимым от оттоманской империи и провозгласили свой протекторат. Маргариновый парламент, который они сами же создали за пару лет до этого в виде уступки национальному движению, был упразднен, хедив, сочувствовав-

ший туркам, был низложен и на его место посажен другой, более надежный, с титулом султана, и формальная независимость Египта пришла к концу. Маска, которой англичане пользовались в течение 30 слишком лет, была, таким образом, сброшена, и все старые обещания, обязательства и договоры, которые определяли пребывание англичан в Египте лишь как оккупацию, были одним росчерком пера аннулированы. Египет опять не реагировал, несмотря на то, что англичане, повидимому, почувствовали некоторые опасения и ввели военное положение. Отчасти эта пассивность происходила от того, что одновременно англичане торжественно об'явили Египту, что не потребуют от него никакого участия в войне и не возложат на него никаких тягот для войны, но, главным образом, потому, что в египетском обществе, действительно, не было еще элементов, достаточно многочисленных и достаточно сильных, для национального революционного движения. Если бы англичане сдерживали свое слово и действительно во все время войны оставили Египет в покое, их владычество, вероятно, и поныне не было бы поколеблено. В годы войны Египет, как и другие «нейтральные» страны, мог бы нажиться на военных поставках, мог бы доставлять по высоким ценам продовольствие и хлопок на военные нужды и вышел бы из войны не только невредимым, но и довольным. Англичане сами, однако, заложили под себя мину, из которой произошел революционный взрыв. Война, которая началась в Европе, очень скоро придвинулась к Египту в виде германо-турецкого наступления на Суэцкий канал и, одновременно, наступления англичан на галлиполийском полуострове для форсирования проливов. Англичане не теряя времени, об'явили набор для создания «трудовых колонн» для работ по рытью окопов и созданию временных укреплений на канале и в Галлиполе. Вначале, проходивший под видом найма добровольцев, набор вскоре принял принудительные формы. По деревням ловили молодых, наиболее крепких феллахов и отправляли в рабочие батальоны, которые общей численностью никогда не падали ниже 150.000 человек. Работая под градом пуль и шрапнелей, в высшей степени тяжелых и несанитарных условиях страдая от недостатка пищи и одежды, состав этих батальонов гиб тысячами каждый день, и каждый день восполнялся свежими силами из египетского населения. Крестьяне пробовали восставать, разбегаться, но их ловили, жестоко наказывали и угоняли в неведомые края. Крестьянские хозяйства гибли сотнями, и стон стоял по всей стране. Не довольствуясь этим, англичане стали реквизировать вьючный и рогатый скот для транспорта и мясных заготовок. Деревня совершенно лишилась живой рабочей силы человеческой и животной и голод стал добивать уцелевшее население. И как бы в завершение этих злодейств, англичане под предлогом сбора в пользу Красного Креста (в магометанской-то стране) стали накладывать денежные контрибуции и на богатых, выкачивая, таким образом, из страны миллионы для поддержания в Лондоне курса стерлингов. Все классы египетского народа были чувствительнейшим образом затронуты в своих жизненных интересах: даже помещики, которые очутились перед недостатком рабочих рук и рабочего скота на своих плантациях, почувствовали впервые ненависть к английскому игу, и, таким образом, в Египте создалась база для действительно национального движения. Оно и вырвалось наружу, как только в ноябре

1918 года заключено было перемирие на основе знаменитых 14 вильсоновских пунктов.

Оно началось с демонстраций, с требований уничтожения протектората и восстановления независимости Египта на основе провозглашенной союзниками программы самоопределения малых народов. А когда эти демонстрации стали подавляться английскими военными силами, движение приняло бурные формы кровавых столкновений и всеобщих забастовок. Бастовали студенты и учащиеся, так называемые либеральные профессии, и духовенство, чиновничество и туземная полиция, не взирая ни на какие репрессии, ни на какие угрозы. К движению присоединились на этот раз феллахи в деревнях, избивавшие английских чиновников и поджигавшие их дома или разбиравшие железнодорожные пути, по которым провозились войска, а напоследок в Александрии и Танте, двух наиболее крупных индустриальных городах, к движению пристал и городской пролетариат в лице железнодорожников, трамвайных служащих и рабочих на хлопкоочистительных и других немногих заводах и фабриках. Таким образом, движение охватило буквально все слои населения, оно шло волнами, то поднимаясь, то опускаясь, как у нас в 1905 г., приводя в замешательство английских хозяев и вынуждая английское правительство делать всевозможные и безуспешные попытки найти компромисс. Общий лозунг движения был—полная независимость и суверенитет Египта, включая вывод английских войск с египетской территории, удаление всех английских чиновников и воссоединение с Египтом Судана. Последний некогда был египетской колонией, потом отпал и был вновь покорен египетскими войсками под начальством английских генералов и превращен, фактически, в английскую колонию под видом «совместного» управления Египтом и Англией: Египет нес все расходы, а Англия поставляла генерал-губернаторов и чиновников. Причина, почему требование о возвращении Судана входило в национально-революционный лозунг, заключалась в том, что в горах и в озерах Судана получал свои истоки Нил, так что от того, кто владел Суданом, зависела вся жизнь Египта.

Всему этому англичане, конечно, долго не уступали и противопоставляли свою военную мощь. Дать независимость Египту означало распрощаться со всей политикой предыдущего столетия; вывести войска из Египта означало передать ему Суэцкий канал, одну из важнейших артерий британской империи; наконец, вернуть Египту Судан означало распроститься не только со своей властью над Египтом, но и пожертвовать теми огромными капиталами, которые англичане вложили в развитие хлопкового хозяйства в Судане. Между прочим, как уже было отмечено в нашей прессе, в этом хлопковом хозяйстве были заинтересованы материально самые высокопоставленные лица Англии, в том числе сам Керзон и вождь либералов Асквит. Ллойд-Джорж, в бытность свою премьером, совершенно откровенно заявил в палате, что Англия не может отдать Судан, дабы не подвергнуть опасности вложенные там английские капиталы. Только тогда, когда рабочие депутаты отозвались на это признание ироническим рукоплесканием, Ллойд-Джорж, спохватившись, прибавил, что Англия также взяла на себя «моральное» обязательство вывести Судан из состояния варварства и приобщить его к общечеловеческой культуре!

Около четырех лет длилась эта борьба, пока, наконец, англичане не решились на крайнюю меру: торжественной декларацией от 28-го февраля 1922 года Англия об'явила египетскому народу, что аннулирует протекторат и признает Египет независимым и суверенным государством, управляемым конституционным монархом, но вместе с тем, оставляет за собой решение совместно с египетским правительством вопросов о присутствии английских войск на египетской территории для защиты путей сообщения британской империи, о правах иностранцев, о государственном статуте Судана и о некоторых других, более мелких материях. Другими словами она возвращала Египту его независимость, давала ему право создавать парламент и ответственное министерство, отказывалась от прав и вмешательства в его внутренние и внешние политические дела, но оставляла за собой право содержать войска на египетской территории и управлять Суданом до того времени, как она придет к окончательному урегулированию этих вопросов в переговорах с египетским правительством!!

Нужно отметить, что в египетском национальном движении были три партии, из коих одна, так называемая «либерально-конституционная», под предводительством некоего Адли-паши, представляла из себя, в сущности, лишь английскую ширму, а другая, так называемая партия Ватан, представляла из себя наиболее революционно настроенную, вышедшую из первоначальной партии Мустафы-Кемаля группу, имевшую в своих рядах боевую террористическую организацию. Между обеими партиями, в виде национального центра, стояла партия Вафд под предводительством Заглула-паши, который до войны был противником Ватана и охотно принимал милости из рук англичан, но во время и после войны ставшего во главе разочарованных английскими поборами помещиков и богатых профессиональных классов. Для партии Адли-паши уступки, сделанные англичанами, были предостаточными, и она сразу перешла на сторону их, предлагая сформировать правительство для осуществления принципов, провозглашенных в декларации от 28-го февраля. Напротив же, Ватан с презрением оттолкнул предложенную англичанами масличную ветвь мира, заявив, что он будет продолжать борьбу против англичан до тех пор, пока ни один англичанин не останется на египетской территории и вся национальная программа не будет осуществлена целиком усилиями самого египетского народа. Партия Заглула тоже принципиально высказалась против декларации, но согласилась принять ее с тем, чтобы осуществить формальную независимость и затем начать дипломатическую борьбу с англичанами для разрешения резервированных ими вопросов в благоприятном для Египта духе. Огромное большинство пашей и интеллигенции пошли за Заглулом, тем более, что он в период революционной борьбы стяжал себе ореол мученика от рук англичан, дважды арестовывавших и выславших его на поселение в английские колонии. Фактически, таким образом, буржуазия и помещики, с оговорками и без оговорок, стали на платформу, предложенную англичанами. В последовавших затем выборах в первый парламент (выборах, происходивших на основе чрезвычайно «куцой» конституции и весьма реакционной избирательной системы) заглулисты получили подавляющее большинство, и Заглул стал первым премьером «независимого» и конституционного Египта. Напрасно ватанисты и вновь народившаяся в Александрии и отчасти Каире маленькая коммунистическая партия протестовала как против выборов, так и против всей тактики заглулистов и адлистов; их голос затерялся в общем ликовании победивших на выборах заглулистов, которые как некогда наши кадеты, мечтали закрепить «конституционным» путем сданные односторонним актом англичан позиции, а затем уже полагались на свое дипломатическое искусство и на легальные средства вообще, чтобы отторговать у них национальные права египтян и по остальным вопросам. С целью продемонстрировать свой конституционализм Заглул-паша тоже, как некогда наши кадеты,—обрушился всей силой своего красноречия и полицейского аппарата на крайние партии, рассаживая ватанистов и коммунистов по тюрьмам и устраивая им различные процессы за «заговоры» и подстрекательства к мятежу. Таким образом, между прочим, была разгромлена и маленькая коммунистическая партия, и разогнаны были небольшие, образовавшиеся в последний год, профсоюзы.

Увы, это все были «напрасные усилия любви»! Англичане поблагодарили Заглула за его умелое подавление беспокойных элементов и успокоение страны, но не обнаруживали никакого желания вступить с ним в переговоры по щекотливым вопросам о пребывании английских войск в Египте и о Судане. Напротив, когда летом этого года вопрос о Судане был поднят во вновь испеченном египетском парламенте, английское правительство в лице самого Макдональда и его коллеги, знаменитого пацифиста и представителя Англии в Лиге Наций, лорда Палмура, категорически заявило, что никаких уступок по этому вопросу не будет и не может быть. Это вызвало большое смятение в рядах заглулистов, и Заглулу, которому очень не хотелось ребром ставить эти вопросы, пришлось все же отправиться в Лондон, чтобы начать по ним переговоры. Переговоры оказались дружескими, но весьма лаконическими: с первых же слов Заглулу пришлось услышать от Магдональда, что английское правительство, даже рабочее, стоит обеими ногами на платформе своего предшественника—правительства Болдуина и Керзона. Макдональд даже предложил ему ту же комбинацию, которую еще в 1919 году предлагал Египту Керзон, а именно «союзный договор», который возложил бы на Англию «обязанность» охранять безопасность Египта и узаконил бы пребывание ее войск на египетской территории и управление Суданом на правах друга и союзника. Заглул, вероятно, знает Талейрана лишь по наслышке, но и он понял, что такой союз был бы, по выражению знаменитого французского дипломата, «союзом между всадником и лошадью». Заглулу оставалось лишь поблагодарить Макдональда за любезное предложение и двинуться обратно домой ни с чем.

Этот печальный исход и привел к последнему острому кризису. Опять, как в дни последовавшие за перемирием, учащиеся, духовенство, адвокаты, врачи и чиновники об'явили генеральную забастовку и вышли на улицу с демонстрациями против английского правительства. Но на этот раз к движению присоединился и Судан: не только местные туземные чиновники, но и расположенные там египетские воинские части вместе с суданскими об'явили себя солидарными с Египтом и на улицах Хартума и Омдурмана появились впервые враждебные англичанам массовые демонстрации. Возмущение военных частей особенно привело англичан

в негодование. Заработали военные суды, и множество офицеров и рядовых суданской армии жестоко поплатились за свое выступление. Макдональд и его «рабочее» правительство не постеснялись громогласно обвинить египетских националистов в подстрекательстве повстанческого движения в Судане. Египетский парламент торжественно отверг это обвинение, но нет сомнения, что египетские националистические агитаторы действительно участвуют в суданском движении. Ничего предосудительного в этом, однако, нет, и во всяком случае усилия их, несомненно, разбились бы о пасивность суданцев, если бы и среди последних не царило возмущения. Суданское правительство, т.-е. английские военные власти с генерал-губернатором и главнокомандующим английскими войсками во главе, с генералом Ли Стаком, понятно, отвечало на все выступления суданцев жесточайшими репрессиями, и в результате их сам Ли Стак поплатился жизнью: 19-го ноября, будучи в Каире и, собираясь вернуться на свой пост, Ли Стак, при выходе из своего автомобиля был встречен несколькими залпами со стороны семи студентов, выстроившихся на панели шеренгой. Он сам был смертельно ранен и на другой день умер, и с ним пострадало два лица, которые его сопровождали.

И в прошлые годы, даже после знаменитой декларации 28-го февраля, множество английских чиновников и офицеров пали жертвой террористических актов. Замечательно при этом было то обстоятельство, что ни в одном случае убийцы не были найдены, и никакие усилия полиции и никакие репрессии в виде огромных денежных штрафов против целых районов и городов не могли заставить население найти и выдать укрывшихся убийц. Так оно было и теперь: террористы по совершении акта сели в поджидавший их автомобиль и спокойно уехали, и не только их никто не задержал, но и по сию минуту никто из них не разыскан. Заглул-паша, конечно, бросился принести свои извинения высокому комиссару генералу Алленби и обещал произвести строжайшее расследование. Но для англичан этого было мало. Они решили воспользоваться случаем, чтобы разрубить гордиев узел и потребовали компенсации для семьи убитого генерала в размере 500.000 фунтов стерлингов, увода всех египетских войск из Судана и принятия английских финансовых и юридических советников. Египетское правительство соглашалось уплатить компенсацию, но отказалось принять последние два требования. Любопытно упомянуть для характеристики английской колонизаторской цивилизации, что для пред'явления своей ноты лорд Алленби направился к Заглулу в сопровождении целого полка и затем, ворвавшись к нему в кабинет и спросив его: понимает ли он по-английски, прочел ему, не дожидаясь ответа, свои требования. Когда же египетский министр финансов, во исполнение его финансовых требований, явился к нему с полумиллионным чеком, то он не удостоил его даже принять и выслал к нему одного из своих второстепенных секретарей. Так как египетское правительство отказалось вывести свои войска из Судана, ссылаясь на свои права, оговоренные в англо-египетском соглашении 1909 года, на основе коего до сих пор Судан управлялся, то англичане односторонним актом распорядились выслать их, а когда часть их отказалась итти, они окружили ее со всех сторон своими вооруженными силами и заста-

вили ее сложить оружие. Англичане разрешили таким образом спор о пребывании египетских войск и о том, кому принадлежит Судан, обычным приемом империалистических насильников—мечом. Заглул-паша, ныне моральный банкрот, сдал бразды правления и ушел; преемник же его назначен англичанами из партии адлистов. Он распустил парламент и отдал приказ остальным частям египетских войск очистить Судан. Агрессивная политика нового консервативного кабинета Болдуина и его представителя в Египте, генерала Алленби, вызвала сильнейшее возбуждение, как в самой Англии, так и за границей. В самой Англии рабочая партия старается громким протестом затушевать тот факт, что ответственность за эти происшествия падает в первую голову на Макдональда. Смущение чувствуют и либералы в виду нового акта банкротства Лиги Наций, к которой английское правительство и не думало обратиться за посредничеством и которая сама отвергла протест, посланный ей египетским парламентом. Плохо, однако, чувствует себя и само консервативное правительство, которое, к своему неприятному изумлению, услыхало резкие голоса осуждения и во Франции и даже Соединенных Штатах. Конечно, это осуждение не совсем искреннее. Франция еще 20 лет тому назад отказалась от всякой заинтересованности в Египте; что же касается Соединенных Штатов, то и их правительство совершенно недавно оказалось повинным в подобной же агрессии по отношению к Персии: по случаю убийства американского вице-консула в Тегеране от рук толпы, которую он спровоцировал открытым актом неуважения к ее религиозным чувствам, оно заставило уплатить себе компенсацию в 60.000 долларов и вынудило казнь трех лиц, уличенных в участии в убийстве, несмотря на то, что один из них был несовершеннолетний, а другой—«сеид», т.-е. потомок Магомета, который по законам корана не подлежит смертной казни. И это, несмотря на все мольбы персидского правительства, которое указывало на эти обстоятельства и обязывалось содержать обоих виновников в пожизненном заключении. Но цивилизованным американцам нужна была кровь и она была пролита: три жизни за одну. Все же выраженное Соединенными Штатами и Францией осуждение политики Англии является для последней неприятным сюрпризом, как симптом существующего у них недоброжелательства к Англии.

Что происходит в самом Египте, сейчас еще неизвестно. Несомненно, заглулисты отныне сойдут со сцены, и руководство национальным движением перейдет к ватанистам впредь до того времени, как наша коммунистическая партия окрепнет и сумеет увязать национальные стремления египетского народа с материальными нуждами городского пролетариата и сельских феллахов. История английского владычества в Египте вообще была классическим образчиком империалистического проникновения и насилия. Последний его акт является звонким аккордом, венчающим всю пьесу и выявляющим ее внутренний смысл. В числе центробежных сил, разлагающих британскую империю, эту гигантскую организацию угнетения и эксплоатации сотен миллионов человеческих существ, египетское национальное освободительное и революционное движение, которому последний насильнический акт даст, без сомнения, новый толчок, займет далеко не последнее место.

Д. Марецкий.

Еще больше шуму или т. Теодорович гневается.

„Размахнулся тогда Кирибеевич“.

Напечатанная в «Большевике» № 7—8 неодобрительная рецензия т. Я. Берзтыса на книгу проф. Кондратьева и Н. П. Огановского «Перспективы развития сельского хозяйства СССР», по-человечески естественно вызвала острое неудовольствие тов. И. Теодоровича, под общей редакцией которого зародился и вышел в свет труд обоих вышеупомянутых ученых, и дало ему повод зело саркастически свое неудовольствие выявить в приведенной в прошлом номере статье «Много шума из ничего». Заголовок статьи, несмотря на его похвальное родство с изящной словесностью, несколько странен, поскольку по мысли т. Теодоровича он очевидно относится к тов. Берзтысу и редакции «Большевика». Ибо, если в ответ на небольшую журнальную рецензию пишется длиннущая статья, то даже беря за критерий столь обожаемый самим т. Теодоровичем принцип «распространения пространства», заслуженную пальму победы по части «многошумности» придется вручить ему самому. Тов. И. Теодорович легко и сам это заметит, когда несколько «внимательнее и добросовестнее» поприглядится на себя в зеркало.

Для того, чтобы до основания сокрушить неприятную деловую рецензию, тов. Теодорович счел нужным не больше и не меньше, как мобилизовать художественно-сатирическую литературу обоих полушарий и целой лавиной стремительно двинуть ее на ничего не подозревающего товарища Берзтыса. Чего, чего только нет у т. Теодоровича! И персонажи гоголевские, и персонажи купринские, и американец Генри и Антоша Чехонте, и старик Казанова, и даже солдаты армии Кромвеля и так далее, и тому подобное, невольно заставляющее нас порой забывать, что спор идет не по веселым стезям Наркомпроса, а всего лишь по будничной линии Наркомзема. И, конечно, целые пуды презрения, целые тонны сарказма выливает т. Теодорович на преступную голову неосторожного рецензента: тут и «пугающая мрачность» и «наездничество самого дурного тона» и «непозволительные передержки», и «подсовывание противнику», и заключенная в самые позорные кавычки «монументальность» т. Берзтыса и «постигающий последнего «предательский конфуз» и «запах вспотевшей лошади» и даже грозное обвинение т. Берзтыса во «французском темпераменте».

Читая т. Теодоровича, взирая на фонтан красноречия, им производимый, любуясь его «темпераментом» громовержца, так и тянет тебя вместе с Миргородским судьей, читающим кляузу Ивана

Ивановича Перерепенки, благоговейно сложить руки и шептать про себя: «Что за бойкое перо. Господи боже. Как пишет этот человек!»

Итак, мы подходим вплотную к существу «наших разногласий» с проф. Кондратьевым, защиту которого тов. Теодорович сделал своей добровольной обузой. Почему мы выступили **против** положений проф. Кондратьева и почему мы теперь вынуждены выступить **против** положений его неумеренного адвоката?

В рецензии «Большевика» выдвинуто утверждение, что исследование динамики сельского хозяйства СССР, данное проф. Кондратьевым, будучи им помещено на теоретически неправильную плоскость поверхностно, а потому ошибочно; что роль факторов сельско-хозяйственного прогресса Кондратьевым учтена неверно, и, что наконец, та «система мероприятий» в области сельского хозяйства, которую проф. Кондратьев намечает на будущее, не может считаться приемлемой. В особенности, подчеркнуто в рецензии т. Берзтыса, что проф. Кондратьев переборщил по части «фактора народонаселения», поставив его во главу угла в ряде моментов, определяющих движение сельского хозяйства.

Тов. Теодорович делает генеральный отвод всем этим утверждениям. Более того, он пытается доказать, что все они высосаны тов. Берзтысом из пальца, представляя собой недоброкачественный продукт «навязывания» противнику «мнений им разделяемых».

Попробуем вникнуть в истинную «природу», занимающих нас ныне «вещей».

Возьмем вопрос о «народонаселении», бывший центральным предметом спора, и полюбуемся, как стратегически «тонко» строит свою защиту проф. Кондратьева тов. Теодорович.

Тов. Берзтыс, разбирая вопрос о соотношении движения населения и динамики сельского хозяйства, осмелился высказать суждение, что если мы вместе с проф. Кондратьевым будем чрезмерно выпячивать на первый план «фактор народонаселения», то нам неминуемо придется сделать тот логический вывод, что прогресс народонаселения, размножение, «уплотнение Советской территории» и может служить «вернейшим рецептом для под'ема сельского хозяйства». Тов. Теодорович против этого решительно восстает и думает поймать здесь т. Берзтыса с поличным на «подсовывании» проф. Кондратьеву собственной логики, для чего апеллирует к высшему арбитру в таких случаях, к сличению цитат из «документов».

«Развернем критикуемую т. Берзтысом книгу на стр. 46—47», победоносно заявляет т. Теодорович, и мы прочтем там, что при известном условии «высокая плотность (населения — Д. М.) становится «по фактором», а «тормозом сельско-хозяйственного прогресса».

Затем «сопоставляя» оба места: из статьи т. Берзтыса и разбираемой книги», т. Теодорович негодующе вопрошает:

«Что прикажете делать с критиком, позволившим себе ... среди бела дня превратить «тормоз с.-х. прогресса» в «вернейший рецепт для под'ема с.-х.».

После этого проф. Кондратьев может почитать себя спасенным, а на несчастного Берзтыса натурально опрокидывается целая волна всевозможных художеств: «Роза» его «грациозной иронии», начинает «издавать запах вспотевшей лошади», а все его пропа-

щее дело вообще есть не что иное, как «наездничество самого дурного тона».

Трудно, конечно, сохранить присутствие духа перед лицом такого уничтожающего аргумента. Однако, мы попросим читателя на минуту быть хладнокровнее и обратить его внимание на одну маленькую «деталь», чтобы ему стала ясной вся тайна великолепного сооружения т. Теодоровича.

Почему, спрашивается, для посрамления Берзтыса, критикующего Кондратьева, т. Теодорович цитирует «критикуемую им (т.-е. Берзтысом) книгу»? Почему т. Теодорович, как бы невзначай, возможно для стилистического разнообразия в начале оперирует именем собственным, а затем именем нарицательным и почему нас, собственно говоря, такой пустяковый и казалось бы праздный вопрос интересует? Да потому, что—позволим себе раскрыть секрет т. Теодоровича—потому что цитата из «критикуемой книги» принадлежит не перу проф. Кондратьева, которого критикует т. Берзтыс, а перу совсем другого лица... проф. Огановского. «Стратегия» плана т. Теодоровича до прозрачности очевидна: не всякий прочитавший его статью, прочтет «критикуемую книгу», не всякий даже критикуемую книгу читавший, будет помнить, что «на стр. 46—47 «кончен» уже проф. Кондратьев и «начат» проф. Огановский, и не всякий сможет сообразить поэтому, как при помощи «трансформации» проф. Огановского, проф. Кондратьева, последний спасается от атаки тов. Берзтыса. Выраженный полуалгебраически поступок т. Теодоровича имеет такой вид:

Б нападает на К. Т хочет выручить К из беды. Для этого Т сшибает лбами цитату из Б с цитатой из О, открывает между ними «противоречие» и заявляет, что поэтому прав К, а Б положен на обе лопатки. О том, что К и О не одно и тоже, т. Теодорович, рассчетливо спекулирующий на доверие читателей, считает своей обязанностью стыдливо умолчать [1].

Теперь спросим самого т. Теодоровича, взывающего к должному почтению «перед зоологической наукой»—запахом какого нехорошего «животного» отдает подобное предприятие и как следует квалифицировать такого рода бонтонное «наездничество?» И не отыщет ли тов. Теодорович подходящий литературный «коррелят» для своего поступка, хотя бы в шашечных поступках гоголевского Ноздрева?

Первый выстрел т. Теодоровича оказался холостым.

Пойдем дальше. Т. Теодорович хочет уверить нас, что проф. Кондратьев (на этот раз настоящий проф. Кондратьев) не только не извратил роль «фактора народонаселения», не только не изобразил его как «самый главный», но что, напротив того, он добросовестно анализировал его по всем правилам марксистского искусства, и что если проф. Кондратьев и «начал» с фактора населения, то сделал это, по его собственным словам, исключительно «ради удобства изложения». Вообще же говоря, проф. Кондратьев не выискивал какого-либо «одного основного фактора», а говорил «лишь о совокупности органически связанных между собой условий».

[1]) Нельзя думать, что т. Теодорович не „упомянул“ имени Огановского, поставив его за одну скобку с Кондратьевым, в силу простой неряшливости. Тов. Теодорович сам отметил в своей статье, что в данной связи критика Берзтыса относилась к докладу проф. Кондратьева. По адресу проф. Огановского в рецензии также были критические замечания. Мы их ниже коснемся.

Другими словами, вся каша заварилась исключительно из-за «удобства изложения». Так ли это на самом деле? Мы ознакомились, как только что т. Теодорович «ради удобства изложения», занялся «переселением души» проф. Огановского в «душу» проф. Кондратьева. Попробуем узнать, теперь, в чем состоит «удобство изложения» у проф. Кондратьева и не заключает ли в себе какое-либо об'ективное «неудобство»... «Во избежание возможных придирок» т. Теодоровича предоставим слово самому проф. Кондратьеву. «Каковы же причины (курсив здесь и дальше наш. Д. М.) начавшегося возрождения сельского хозяйства»-спрашивает проф. Кондратьев—и отвечает:

1) Мы должны прежде всего считаться с фактом прироста населения...

2) Отсюда (т.-е. из роста населения; вторая причина обусловлена, как видим, первой—Д. М.) увеличение плотности населения и неизбежные стремления его к расширению производства и более рациональной организации труда.

3) Эта рационализация и организация труда (производные, как мы видели, от первой причины—Д. М.) выражается прежде всего в увеличении его разделения. Мы отмечали, уже, что разделение труда сказывается в восстановившемся процессе дифференциации районов. Оно начинает обнаруживаться и в процессе дифференциации между деревней и городом»... Дальше проф. Кондратьев указывает еще на три момента: улучшение транспорта, связанное с этим повышение производительности труда и «факт восстановления рынка», явившейся «необходимым сопутствующим условием» для роста сельского хозяйства.

Если т. Теодоровича зрение не обманывает, то он легко уяснит «порядок и связь» причин и следствий, согласно приведенной цитате. Из шести «причин под'ема сельского хозяйства» целых три сводятся к «фактору народонаселения». Рост населения вызвал (на правах причины) повышение его плотности и рост организации и рационализации труда, которые «выразились», «сказались» и «обнаружились» в росте разделения труда, в процессе дифференциации районов и в дифференциации между деревней и городом. А раз это так, то согласитесь же, т. Теодорович, что на долю «фактора народонаселения» у проф. Кондратьева приходится довольно-таки жирный кусочек.

И посудите сами, имеете ли вы после этого достаточное основание сердиться на рецензента, заметившего, что в концепции проф. Кондратьева народонаселение играет роль «повидимому, самого главного фактора»? По совести говоря, не имеете.

Или быть может т. Теодорович начнет вновь утверждать, что «установка причин», данная проф. Кондратьевым в цитированном месте, проделана им только «ради удобства изложения»; быть-может, проф. Кондратьев из-за «удобства изложения» с тем же правом мог бы утверждать совершенно противоположное, и скажем наоборот, рост населения об'яснять ростом разделения труда или ростом его рационализации, или, например, «факт восстановления рынка» об'яснять «улучшением транспорта»? Пусть будет так. Но тогда мы будем знать, что имеем дело не с научной рабо-

той, а с игрой в бирюльки, которой занимаются под эгидой Земплана «ради удобства изложения».

Тов. Теодорович и сам, повидимому, чувствует, что с факторами народонаселения у проф. Кондратьева обстоит не так уже благополучно, что он принимает у него достаточно нескромные размеры. Поэтому т. Теодорович подходит к своему безнадежному делу защиты Кондратьева и с другого конца. Легкомысленно позабыв свою злую иронию насчет неразумности и суетности «распространения пространства», т. Теодорович организует грандиозную демонстрацию цитат из великих людей: Маркса, Ленина, Плеханова и Каутского, где говорится о населении и о роли последнего. Расчет т. Теодоровича таков. И Маркс, и Ленин, и Каутский, и Плеханов в один голос твердят в понабранных им цитатах о роли населения, о «громадности» и «важности» этой роли, о стимулирующем значении населения для прогресса сельского хозяйства. Естественно, что после того, как терпеливый читатель будет прогнан сквозь длинный строй таких авторитетных цитат, ему не избежать впечатления, что проф. Кондратьев «тоже» говорящий о большой роли народонаселения, только и делает, что повторяет зады из Маркса и из Ленина, так что в этом пункте нападки т. Берзтыса на проф. Кондратьева фактически суть нападки на ортодоксальный марксизм. Сейчас увидим, к каким результатам приводят т. Теодоровича его «цитатные» подкрепления мыслей проф. Кондратьева.

Напомним пока лишь, о чем идет спор. Речь идет о том, «играет» или «не играет» фактор народонаселения роль, точно так же как не о том, «важна» или «неважна» эта роль. Что фактор народонаселения важную роль играет, на эту святую истину никто не покушался. Весь вопрос в том, в **чем** эта важная роль заключается? В каком соотношении, и раньше всего, в каком **причинном** соотношении с другими социально-экономическими моментами находится «момент населения», правильно ли это соотношение очерчено проф. Кондратьевым и подтверждают ли трактовку последнего изобильно приведенные т. Теодоровичем высоко авторитетные цитаты? Думается, что нет.

Действительно, какова роль момента населения согласно «цитатам». Сам т. Теодорович из них вычитал, что действие «фактора народонаселения» является «промежуточным». Очень хорошо! Значит фактор народонаселения есть фактор «промежуточный», есть, следовательно, величина производная от других факторов.

От каких или от какого фактора? На эту тему т. Теодорович красноречиво молчит. Молчит и протежируемый им проф. Кондратьев по той простой причине, что у него такого теоретически исходного, определяющего «фактор народонаселения», фактора нет, нет и ни малейшего намека на него [1]. Напротив, как мы выше

[1] Держа «курс» на невнимание читателей, т. Теодорович делает вид, что интересуется выяснением „промежуточной роли фактора населения. Он спрашивает: „..каково же промежуточное действие“ нашего фактора народонаселения? При каких условиях оно является положительным и при каких отрицательным? И дальше занимается „распространением пространства“ в ответ на второй, кстати сказать, никем не задаваемый вопрос. Нетрудно однако заметить, что первый и второй из „вопросов“ т. Теодоровича отнюдь не тождественны Одно дело вопрос положительно или отрицательно действие фактора народонаселения.—Совсем другое дело анализ вопроса, в каком смысле следует понимать промежуточный характер этого факта. Промежуточное есть то, что находится между чем-нибудь. Это промежуточное и требуется расшифровать. У проф.

убедились из слов самого Кондратьева, другие социально-экономические моменты (разделение, организация труда, дифференциация города и деревни) являются у него по отношению к «фактору населения» производными, зависимыми, переменными; **они** оттеснены у него на «промежуточные» позиции. Как видим, «цитаты» из «деяний апостольских» оказали медвежью услугу т. Теодоровичу, явно поссорив его из-за «промежуточного» фактора с проф. Кондратьевым.

И стоило ли вам, т. Теодорович, весь ваш цитатный огород городить для того, чтобы притти к столь неутешительным для вас результатам. Извините, если мы здесь «процитируем» вам еще один из мудрых советов Кузьмы Пруткова: «Бросая в воду камешки, смотри на круги ими образуемые,—иначе такое бросание будет пустою забавою».

Но предположим, что в своей защитительной статье тов. Теодорович развернул только неправильную аргументацию, неудачно сославшись на «промежуточное» значение злосчастного фактора народонаселения. Предположим, что ему следовало бы придерживаться теоретических рамок, намеченных самим Кондратьевым, и говорить о народонаселении только как об одном из факторов в общей совокупности органически связанных между собой условий.

Но тогда:

во-первых,—нам придется констатировать, что шуйца тов. Теодоровича не ведает, что творит его десница, ибо не тоже в той же самой статье преподносить читателям «фактор народонаселения», однажды, как «промежуточный»,—а затем узаконивать этот фактор в качестве действительного равноправного члена единой семейки «органически связанных между собой условий», а

во-вторых,—защита той версии, по которой население является «одним из органически связанных между собой условий», логически обрекает тов. Теодоровича на **отказ** от марксизма. Ибо точка зрения совокупности органически связанных условий, точка зрения, по которой каждый из факторов вполне самостоятелен и может только взаимодействовать с любым из других факторов, такого рода «органическая» демократия «факторов» есть старинная, давным-давно марксизмом осмеянная буржуазная «теория факторов». Марксизм есть принципиально с ног до головы **монистическая** концепция. Теория факторов есть, напротив, такая «теория», которая позволяет исследуемые социально-экономические феномены «об'яснять» на разные лады; как, например, в интересующем нас вопросе «сельско-хозяйственный прогресс» попеременно и по произволу «ради удобства изложения» зарождать от всевозможных мамаш: то от прогресса населения, то от «индустриализации России и Европы», то от еще чего-нибудь и т. д. Такого рода жонглирование «факторами» и есть то, что называется скольжением «по поверхности», за которое совершенно спра-

Кондратьева фактор населения отнюдь не в „промежутке“, почему попытка тов. Теодоровича зачислить его в одну общую компанию с Марксом, Лениным и Плехановым имеет все шансы считаться провалившейся.

Кстати опять-таки „во избежание возможных придирок“ тов. Теодоровича укажем наперед что отмеченный проф. Кондратьевым факт, что война определяла собой обратные „тенденции“ в движении населения, не может играть роли искомого теоретически определяющего момента, от которого зависит фактор народонаселения.

В этой связи война есть фактор сугубо „пертурбационного порядка.

ведливо упрекал проф. Кондратьева тов. Берзтыс. Нам бесконечно жаль, но что поделаешь, если сам тов. Теодорович вынуждает нас его поздравить с нечаянной подменой марксизма теорией факторов. И мы охотно готовы взять назад наше поздравление, если тов. Теодорович откажется от «органически связывающих» его с проф. Кондратьевым «условий».

Теперь довольно, пожалуй, заниматься «распространением пространства» из-за надоевшего уже всем «фактора народонаселения». Резюмируем, что в итоге своей «архитрудной и архиответственной» защиты Кондратьева тов. Теодоровичу пришлось прогуляться по целым трем различным «теоретическим» платформам:

1) Пришлось защищать проф. Кондратьева, у которого, как вытекает из цитированного нами места из его доклада, «народонаселение»—(«вольно или невольно»)—имеет тенденцию быть главнейшим фактором сельско-хозяйственной динамики.

2) Пришлось признать действия фактора народонаселения «промежуточным», не отдавая, правда, себе точного отчета, в чем это «промежуточное» действие заключается, а также несправедливо навязывая такую точку зрения проф. Кондратьеву.

3) Пришлось, наконец, вопреки предыдущему, встать на всепримиряющую позицию буржуазной «теории факторов»[1]).

От теоретической основы кондратьевщины перейдем в самых беглых чертах к тем нормативным выводам из них для экономической политики, к существу той «системы мероприятий», которая Кондратьевым предлагается. Но предварительно коснемся одного чрезвычайно важного пункта, который почему-то решил обойти тов. Теодорович.

Тов. Теодорович, подходя к концу своей статьи, пишет, что он... «чрезвычайно подробно рассматривал... все до единого (курсив наш. Д. М.) замечания нашего критика». Это «замечание» тов. Теодоровича, выражаясь мягко, не соответствует действительности. Правда, никто, конечно, и не требовал от тов. Теодоровича, чтобы он рассматривал «все до единого» возражения противника, но обязательно, с другой стороны, чтобы он не оставлял «за порогом своего внимания» наиболее существенные возражения.

К числу таких, наиболее существенных, возражений т. Берзтыса, относится указание на то, что в докладе проф. Огановского не дано анализа дифференциации крестьянства и всех тех огромной важности социально-экономических явлений, которые дифференциацию крестьянства сопровождают. Напомним читателю, что однажды мы уже встретились с проф. Огановским, когда он фигурировал перед нами по воле тов. Теодоровича в роли таинственного незнакомца. И сейчас тов. Теодорович, несмотря на интерес к проф. Огановскому, проявленный критикой, все-таки не желает нас с ним открыто познакомить. А между тем—добавим от себя—«особенность» анализа проф. Огановского (не касаться тех молекулярных экономических процессов, которые происходят в среде самого крестьянства) на полные сто процентов разделяет и работа проф. Кондратьева.

Теперь спросим тов. Теодоровича: возможно ли дать правильную оценку хотя бы самых общих «перспектив развития сельского хозяйства СССР» не касаясь процессов внутрикрестьянского расслоения? И возможно ли наметить верно «систему государственных мероприятий», не опираясь на предварительный анализ подобных процессов? И разве неизвестно т. Теодоровичу, что здесь, именно здесь (в вопросе о дифференциации), лежала та грань, которая разделяла аграрников-марксистов от аграрников иного толка? Пусть попробует тов. Теодорович указать хотя бы одну марксистскую работу на аналогичную тему, в которой бы проблема дифференциации крестьянства была во имя тех или иных соображений опущена.

Неправда ли, тов. Теодорович, такая задача для вас непосильна, так как абстракция от социально-классового момента была бы самоубийством для марксизма.

Ну, а в работе проф. Кондратьева, основанной на такого рода «абстракции», можно ли ожидать указания на нужную «желательную» для нас «систему мероприятий» в области сельского хозяйства? Разумеется, очевидно, что нельзя.

Но, тов. Теодорович думает, что «системой», рекомендуемой проф. Кондратьевым, следует все-таки удовлетвориться. Он даже силится уверить нас, что система эта развернута по вехам, проложенным тов. Лениным. Приводя очень длинные и очень хорошие места из Ленина и из резолюции XIII С'езда партии, которые в тысячу раз более уместно было бы «процитировать» не для прикрытия Кондратьева, а в качестве корректирующего предисловия к его книге—приводя эти цитаты тов. Теодорович полагает, что они лишь иллюстрируют полную надежность — по Ленину — рецепта проф. Кондратьева.

Тов. Теодорович рассуждает так. Ленин говорил о необходимости развития производительных сил в сельском хозяйстве. И проф. Кондратьев говорит то же самое. Ленин требовал развития кооперации, и то же самое требует проф. Кондратьев. А потому «вольно или невольно», но проф. Кондратьев ведет себя в данной работе, как самый безукоризненный ленинец.

Но в том-то и суть, тов. Теодорович, что есть кооперация и кооперация, бывают производительные силы и производительные силы.

Конкретно расшифровывая содержание своего требования развития производительных сил, указывая на ряд хозяйственно-технических мероприятий, долженствующих это развитие стимулировать, проф. Кондратьев «ни одним звуком» не обмолвливается относительно той социально-классовой основы, на которой движение производительных сил должно развертываться. А ведь оно может развернуться и на основе форсированного выделения кулачества, на прогрессивном укреплении экономической мощи последнего—может двинуться и в каком-либо ином социальном направлении. Учтены ли проф. Кондратьевым перспективы в этом решающем отношении? Нет, не учтены.

Точно так же вопрос о кооперации. И Ленин и проф. Кондратьев держат «ставку» на рост кооперации. Но тов. Ленин, как

[1]) Для того, чтобы читатель мог понагляднее судить о существе той „внутренней инерции", которая управляет теоретическими представлениями проф. Кондратьева, сообщим читателю тот характерный штришок, что в его работе средства производства называются капиталом, и оба понятия употребляются как синонимы. Льстим себя надеждой, что по этому поводу тов. Теодоровича, даже несмотря на то, что он „редактировал" работу Кондратьева, не откажется на „распространение" цитат из великих марксистов в защиту проф. Кондратьева. В противном случае наше любопытство целиком к его услугам.

всякий легко увидит из приведенного тов. Теодоровичем места, предлагал не просто развивать кооперацию, но, развивая ее, одновременно направлять в русло государственного капитализма, **советского** государственного капитализма, другими словами, ориентировать весь процесс по социалистической линии. Есть ли что-нибудь подобное в докладе проф. Кондратьева? Требует ли его «система мероприятий», чтобы развитие кооперации направлялось по рельсам государственного капитализма. Нет, не требует.

Наконец, момент укрепления смычки рабочего класса с крестьянством точно так же опущен у проф. Кондратьева. Тов. Теодорович говорит, что это не заменяющее, а «дополняющее» проф. Кондратьева положение. Охотно соглашаемся, но пусть согласится и тов. Теодорович, что без такого «дополнения» едва ли можно довериться «системе» проф. Кондратьева.

И вообще не слишком ли много берет на себя тов. Теодорович, когда он обеими руками подписывается под докладом проф. Кондратьева, и под такой его «системой», в которой нет ни смычки, ни развития кооперации по пути государственного капитализма, ни осознания социально-классовых перспектив прогресса сельского хозяйства. Как не вспомнились здесь ему предостерегающие слова поэта:

«Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей,
Не знаешь ты какого змия
Ласкаешь на груди своей».

«Змий»—Кондратьев не столь уж страшен, напротив, он может быть очень и очень полезным. Но совершенно неуместны, тов. Теодорович, многошумные ласки, которые вы ему расточаете.

Будьте на чеку и лучше следите за их «внутренней инерцией», чтобы потом Вам не пришлось их лицемерно прятать за спиной большевистского великана.

Иначе только Вы сами будете виноваты, если мы вновь застанем Вас греховно предающимся «распространению пространства» на весьма неблаговидные темы.

Ян Стэн.

О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса *).

Введение.

В 14-ом номере Большевика напечатан ответ тов. Степанова на мою рецензию, в котором он выражает большое удивление и недоумевает по поводу того, что на его ошибки было обращено такое «исключительное внимание».

Но это недоумение у Степанова означает только то, что он считает совершенно непонятным, как это какой-то Стэн имеет право говорить об его ошибках.

Поэтому Степанов, узрев такой возмутительный факт, принимает высокомерно-воинственную позу, подбирает в своем голосе генеральскую ноту и открывает против меня уничтожающий военный поход.

Но я был бы неточен в характеристике военных приемов и родов оружия, употребляемых Степановым, если бы сказал, что он только рассуждает «генеральким басом». Нет, он делает не только это.

Он выступает перед нами в разноцветном костюме, сшитом из наспех надерганных цитат и старается уверить читателя в том что не он Степанов—«начетчик»от марксизма, а что таковым является Стэн, механически употребляющий слова Энгельса.

Это, тов. Степанов, старый и избитый прием, кричать о другом, когда у самого «горит».

Теперь мы постараемся заняться тем, как тов. Степанов в отдельных случаях употребляет свое оружие.

I.

Существует ли марксистская философия?

Тов. Степанов, стараясь во что бы то ни стало защитить свой ложный тезис об отсутствии марксистской философии, безжалостно запутал вопрос.

Я в своей рецензии указал на то, что Степанов неправильно отождествляет марксистскую философию с современным естествознанием и дает неверное определение марксистской философии, как совокупности «последних и наиболее общих выводов современной науки».

В своем ответе на мою рецензию тов. Степанов старается полностью защитить свой ход мыслей, развитый по этому вопросу в послесловии к книжке Гортера. Степанов доказывает, что марксистская философия, с одной стороны, есть последние, наиболее

*) **От редакции.** В виду того, что спор между т. т. Стэном и Степановым принял специальный характер редакция предлагает перенести дальнейшую дискуссию в журнал «Под Знаменем Марксизма».

всякий легко увидит из приведенного тов. Теодоровичем места, предлагал не просто развивать кооперацию, но, развивая ее, одновременно направлять в русло государственного капитализма, **советского** государственного капитализма, другими словами, ориентировать весь процесс по социалистической линии. Есть ли что-нибудь подобное в докладе проф. Кондратьева? Требует ли его «система мероприятий», чтобы развитие кооперации направлялось по рельсам государственного капитализма. Нет, не требует.

Наконец, момент укрепления смычки рабочего класса с крестьянством точно так же опущен у проф. Кондратьева. Тов. Теодорович говорит, что это не заменяющее, а «дополняющее» проф. Кондратьева положение. Охотно соглашаемся, но пусть согласится и тов. Теодорович, что без такого «дополнения» едва ли можно довериться «системе» проф. Кондратьева.

И вообще не слишком ли много берет на себя тов. Теодорович, когда он обеими руками подписывается под докладом проф. Кондратьева, и под такой его «системой», в которой нет ни смычки, ни развития кооперации по пути государственного капитализма, ни осознания социально-классовых перспектив прогресса сельского хозяйства. Как не вспомнились здесь ему предостерегающие слова поэта:

«Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей,
Не знаешь ты какого змия
Ласкаешь на груди своей».

«Змий»—Кондратьев не столь уж страшен, напротив, он может быть очень и очень полезным. Но совершенно неуместны, тов. Теодорович, многошумные ласки, которые вы ему расточаете.

Будьте на чеку и лучше следите за их «внутренней инерцией», чтобы потом Вам не пришлось их лицемерно прятать за спиной большевистского великана.

Иначе только Вы сами будете виноваты, если мы вновь застанем Вас греховно предающимся «распространению пространства» на весьма неблаговидные темы.

Ян Стэн.

О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса *).

Введение.

В 14-ом номере Большевика напечатан ответ тов. Степанова на мою рецензию, в котором он выражает большое удивление и недоумевает по поводу того, что на его ошибки было обращено такое «исключительное внимание».

Но это недоумение у Степанова означает только то, что он считает совершенно непонятным, как это какой-то Стэн имеет право говорить об его ошибках.

Поэтому Степанов, узрев такой возмутительный факт, принимает высокомерно-воинственную позу, подбирает в своем голосе генеральскую ноту и открывает против меня уничтожающий военный поход.

Но я был бы неточен в характеристике военных приемов и родов оружия, употребляемых Степановым, если бы сказал, что он только рассуждает «генеральким басом». Нет, он делает не только это.

Он выступает перед нами в разноцветном костюме, сшитом из наспех надерганных цитат и старается уверить читателя в том что не он Степанов—«начетчик»от марксизма, а что таковым является Стэн, механически употребляющий слова Энгельса.

Это, тов. Степанов, старый и избитый прием, кричать о другом, когда у самого «горит».

Теперь мы постараемся заняться тем, как тов. Степанов в отдельных случаях употребляет свое оружие.

I.

Существует ли марксистская философия?

Тов. Степанов, стараясь во что бы то ни стало защитить свой ложный тезис об отсутствии марксистской философии, безжалостно запутал вопрос.

Я в своей рецензии указал на то, что Степанов неправильно отождествляет марксистскую философию с современным естествознанием и дает неверное определение марксистской философии, как совокупности «последних и наиболее общих выводов современной науки».

В своем ответе на мою рецензию тов. Степанов старается полностью защитить свой ход мыслей, развитый по этому вопросу в послесловии к книжке Гортера. Степанов доказывает, что марксистская философия, с одной стороны, есть последние, наиболее

*) **От редакции.** В виду того, что спор между т. т. Стэном и Степановым принял специальный характер редакция предлагает перенести дальнейшую дискуссию в журнал «Под Знаменем Марксизма».

общие выводы науки, а с другой стороны, что марксистская философия совсем и не существует.

Конечно, если марксистская философия тождественна с современным естествознанием, то может быть только один последовательный вывод, что марксистской философии нет. Но последовательность ведь для тов. Степанова необязательна и она невыгодна, когда хочешь защитить во что бы то ни стало безнадежный и явно запутанный тезис. Поэтому Степанов, ради того, чтобы защитить, в полном об'еме, свой первоначальный тезис, выдергивает цитаты из Маркса, Энгельса и Плеханова, которые с одной стороны должны доказать отсутствие марксистской философии, а с другой стороны, превратить ее в сумму выводов, отдельных наук.

Ведь вы, тов. Степанов, этим сами доказали только то, и в этом главная заслуга вашей статьи, что способом выдергивания цитат, методом «цитатного мышления» ясности в этом коренном вопросе достигнуть нельзя.

В моменты, когда тов. Степанов чувствует благоприятное расположение духа и благоизволит признать существование марксистской философии, он считает ее совокупностью общих выводов наук. Но такая философская «ветренность» и легкомыслие ведет тов. Степанова прямиком от отрицания марксистской философии в царство плоских и избитых определений философии буржуазными философами.

Ведь, так называемая, буржуазная «научная философия», тоже, тов. Степанов, не признает самостоятельной области философствования, отрицает специфические философские методы исследования, [1] и считает своей задачей, как это прямо говорит Вундт, соединение всех данных, добытых отдельными науками в одно целое. [2]). Для Огюста Конта философия есть «общая система человеческих знаний». Спенсер называет философию «вполне об'единенным знанием».

Выходит, что в моменты благодушия, тов. Степанов определяет философию по Конту, Спенсеру и Вундту.

Ну, что-ж, мы против этого ничего не можем иметь. Ведь всякий волен определять философию, как ему заблагорассудится. Но все дело заключается в том, что тов. Степанов это называет марксистской философией и всеми силами старается приписать такое понимание Марксу и Энгельсу. Но с этим мы уже ни в коем случае не можем согласиться и считаем нужным возражать самым категорическим образом.

Для того, чтобы не уподобиться тов. Степанову и не заняться выдергиванием цитат, а понять характер развития философии, уяснить переход одного этапа философии о другой, необходимо остановиться на главных решающих фазисах философского развития, хотя бы в истории новой философии. Только такая постановка вопроса может помочь нам выяснить, каковы те задачи, которые были переданы в руки марксистской философии историческим развитием философской мысли и чем является марксистская философия по отношению к отдельным научным дисциплинам.

[1]) Навиль. Опр деление философии.
[2]) Вундт. Система философии.

Мы здесь не сможем остановиться на рассмотрении того, как это философское развитие включается в процесс общего исторического развития и определяется в своем движении развитием общественного бытия. Поэтому, пусть тов. Степанов не начинает кричать о том, что у меня вместо материализма получается какое-то «саморазвитие духа», как это он делает относительно краткого обзора истории материализма в моей рецензии, приведенного для того, чтобы показать, чем отличается по своей природе диалектический материализм от форм материализма, ему предшествовавших.

Тов. Степанов в этом ничего не понял. Но на этом мы остановимся в дальнейшем, когда будем говорить о механическом понимании природы.

Если мы посмотрим на развитие философии в новое время с точки зрения смены функций и задач, принадлежавших философии в разные периоды, то нам придется отметить три фазиса развития философии. Это — фазис метафизики, фазис гносеологический и фазис методологический.

Первый фазис характеризуется расцветом метафизики, которая находится в прислужничестве у религии и заимствует свое содержание у схоластики. Предметом метафизики являются готовые, абсолютные, заранее данные предметы. Метафизика, как выражался Гегель, «размышляла о предмете внешним образом, потому что находила определения (сказуемое) готовыми в сознании и извне переносила на предмет».

Догматическая метафизика воображала, что она познает последние сущности действительности, а в самом деле навязывала действительности фантастические, несуществующие вещи, порожденные определенным социальным строем.

Рост и развитие нового общественного класса буржуазии подрывало основы метафизики и религии, освящавшие старые общественные отношения и для того, чтобы «сокрушить религию и догматическую метафизику в их основании», [1]), как на это правильно указывает тов. Деборин, буржуазная философия выступила в форме критики способностей человеческого разума, в форме гносеологии.

Это, конечно, не мешало Канту, вследствие определенных исторических условий, сочетать веру и науку. Эта же революционная роль, сыгранная гносеологическим принципом, не помешала ему превратиться в принцип реакционный.

Основной идеей гносеологии является идея о том, что для того, чтобы познавать, необходимо сперва поставить вопрос о возможности познания вообще, о пределах человеческих познавательных способностей.

Кант создал два метафизических друг другу противопоставленных мира, мир «вещей в себе» и мир явлений, мир непознаваемый и мир познаваемый.

Человеческое сознание у Канта приняло абсолютные неподвижные формы, которые навязывают закономерность природе.

К решению гносеологической проблемы Кант подходил метафизически, абстрактно-теоретически.

[1]) Под Знаменем Марксизма. 1923 г. № 10, стр. 7, статья тов. Деборина «Маркс и Гегель».

Гегель первый подверг критике гносеологический принцип. Гегель указал на то, что сама постановка вопроса о необходимости исследовать способности познания перед тем, как приступить к познанию, заключает в себе внутреннее противоречие. Природа познания может быть раскрыта только ее деятельностью. «Хотеть знать, прежде чем приступить к познанию, это так же нелепо, как и умное намерение того схоластика, который хотел выучиться плавать, прежде чем итти в воду» [1]).

Гегель правильно подмечает, ибо уже в его время гносеологический принцип начал становиться принципом реакционным, что «то, что называется страхом перед заблуждением, скорее познается, как страх перед истиной» [2]).

Гносеологический принцип, сыгравши свою революционную роль, начал культивировать «страх перед истиной».

Гегель решительно порывает с кантовским, метафизическим, абстрактно-теоретическим подходом к решению вопроса о возможности об'ективного познания. В своей «Феноменологии духа» [3]) он становится на пути исторического понимания человеческого сознания. А вопрос о возможности об'ективного познания Гегель решает под углом зрения всемирно-исторической практики человечества.

Формы сознания развиваются вместе со всеми остальными сторонами общественной жизни. Вместе с тем отрицается абсолютность и неподвижность форм сознания. Само выступление науки на историческую сцену, ее развитие от незнания к знанию, от ложного знания к истинному знанию, доказывает несостоятельность всех сомнений относительно возможности познания.

Диалектический, исторический подход к проблеме познания разрушает гносеологический принцип и превращает теорию познания в историю познания, вскрывающую возможность познания на основе всемирной истории человечества.

Гегелевская критика гносеологии открывает новый фазис в историческом развитии философии. Главной положительной задачей философии становится выработка методологии науки или, как выражается Гегель, «науки логики». Решением этой задачи и занимается «наука логики» Гегеля. В этом сочинении Гегель разбирает все основные категории диалектического метода. Конечно, они одеты у Гегеля в идеалистические одежды, очень часто сияют мистическим светом и переход одной категории в другую часто совершается совершенно произвольно путем разных словесных комбинаций. И задача изучения Гегеля, как на это правильно указывает Энгельс в своем письме к Конраду Шмидту [4]), вовсе не заключается в том, чтобы по-школьному раскрывать эти словесные передержки и по поводу них писать глубокомысленные рассуждения. «Гораздо важнее отыскать под

---

[1]) Гегель. Энциклопедия. Русс. пер. Чижова. 1861 г. стр. 12.

[2]) Гегель. Феноменология духа, русс. изд. 1913 г. стр. 36.

[3]) Тов. Степанову, так остроумно издевающемуся над ученическими тетрадками, не мешало бы обязательно с тетрадками в руках изучить это изумительное сочинение. Вообще изучение Гегеля могло бы тов. Степанова предостеречь от тех невероятных несуразностей, которыми полон его ответ.

[4]) Маркс и Энгельс. Письма. Пер. Адоратского. Изд. «Московский Рабочий» 1923 г., стр. 321.

неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное» [1]).

В «Анти-Дюринге» Энгельс указывает на то, что диалектические законы, которые проявляются в человеческой истории и природе и постепенно уясняются сознанием мыслящего человека впервые были развиты широко, но в мистической форме Гегелем, и которые извлечь из этой мистической формы, ясно представить во всей их простоте и всеобщности было одним из наших стремлений [2]).

Основоположники научного коммунизма прекрасно понимали, что, несмотря на то, что Гегель был идеалистом, он очень много и основательно поработал в деле разработки диалектического метода.

Таким образом, мы видим, что философия, превратившись *из гносеологии в методологию науки, сосредоточивала свое внимание на выработке диалектического метода*, вместе с тем, конечно, не отбрасывая формальной логики.

Маркс и Энгельс как раз и продолжают эту тенденцию философского развития. Они превращают идеалистическую диалектику в материалистическую и этим порывают с теми непоследовательностями и противоречиями, которые вытекают у Гегеля из его абсолютного идеализма. Философия Гегеля хотела дать не только формулировку диалектического метода, но и систему абсолютного знания. Поэтому, как правильно указывает Энгельс, она впадала в неразрешимое внутреннее противоречие [3]). С одной стороны она признает человеческую историю развивающимся процессом, который не может завершиться в сфере человеческого знания открытием абсолютной истины. Но с другой стороны, система претендует на то, что в ней заключается абсолютная истина. Но такого рода система абсолютного знания находится в явном противоречии с диалектическим методом.

Маркс и Энгельс, выработав метод материалистической диалектики и рассматривая с его точки зрения все явления природы и человеческой истории в их взаимной связи и развитии, *признали ненужность философских систем. И в этом заключается дальнейший последовательный шаг превращения философии, выступавшей в форме гносеологии философских систем, которые присущи философии на всех стадиях ее домарксистского существования, в методологию науки.*

До выступления на историческую сцену материалистически-диалектического метода, выясняющего действительную связь между всеми процессами природы и истории, философские системы обязаны были сшивать идеалистическими, фантастическими нитками в одно целое разорванные части действительности. Но если материалистически-диалектическое исследование внутри самих положительных наук вскрывает реальное превращение одних процессов в другие, то с полной очевидностью обнаруживается идеалистическая сущность и ненужность философских систем.

Все заявления Маркса и Энгельса относительно того, что философия отрицается, что философия становится ненужной, име-

---

[1]) Там же. стр. 327.

[2]) Энгельс. «Анти-Дюринг». Русс. пер. Изд. Яковенко. СПБ. 1907 г. стр. 6.

[3]) Энгельс. «Анти-Дюринг», ук. изд. стр. 17.

ют *только тот смысл, что уничтожается философия как особая система, стоящая над отдельными науками.* Об этом Энгельс недвусмысленно заявляет, как в «Анти-Дюринге», так и в своем «Людвиге Фейербахе». И только тов. Степанов, не понимающий смысла тех цитат, которые им приводятся, может на этом основании отрицать марксистскую философию, конечно, для того, чтобы в следующую минуту перейти к ее утверждению в форме общих выводов науки. Нашего оскорбленного рыцаря губит гневная страсть. Он начинает забывать, что мало выразить чувство обиды, а надо связно доказывать.

Этот разрыв с философией, как с системой, Энгельс в особенности подчеркивает потому, что в этом заключается тот новый шаг, который завершил процесс превращения философии в методологию. Критика гносеологии и превращение философии в методологию были начаты Гегелем, но он остановился на полпути. Его дело завершил Маркс и Энгельс.

Что марксистская философия не может быть рассматриваема, как теория познания в обычном смысле этого слова, на это правильно указывает тов. Деборин в следующих словах: «Значение диалектики, как методологии, противопоставляемой теории познания сознавалось в полной мере основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями» [1]). В самом деле, стоит только вспомнить второй тезис Маркса о Фейербахе, в котором он заявляет, что вопрос об истинности мышления решается не теоретически, а практически, чтобы ясно заметить противоположность марксистского решения вопроса о возможности познания решению гносеологическому.

Поэтому процесс философского развития, который выдвинул марксистскую философию, надо понимать в том смысле, что *философия в форме гносеологии* (употребляя это слово в конкретном историческом смысле) *и систем была отменена и обнаружила в лице марксистской философии свой реальный смысл существования, в форме методологии науки.* Что Энгельс говорит не только об устранении философии в вышеуказанном смысле, но и об ее сохранении, этого могут не заметить только такие беспочвенно высокомерные люди, как тов. Степанов.

«Философия, таким образом, «устранена», т.-е. одновременно превзойдена и сохранена, превзойдена формально, сохранена в смысле реальности содержания» [2]).

Поэтому еще раз осмеливаюсь посоветовать тов. Степанову основательно изучить вопросы марксистской философии, а потом только об них рассуждать, иначе кроме конфуза ничего не получается.

Но как же быть, спросит все же читатель, с теми заявлениями, которые можно иногда встретить в нашей среде и в которых марксистская философия именуется мировоззрением. Этого вопроса нам надо коснуться для того, чтобы рассеять ту путаницу, которую создал тов. Степанов, понимая марксистскую философию, как совокупность общих выводов науки. Энгельс прямо говорит, что мировоззрение не может существовать помимо отдель-

[1]) Под Знаменем Марксизма. 1923 г. № 10, стр. 5, стат. Деборина «Маркс и Гегель».

[2]) Энгельс. «Анти-Дюринг», указ. изд. стр. 114.

ных наук, что оно ищет своих доказательств и проявляется не в особой науке наук, а в самых реальных науках [1]). Поэтому марксистская философия не может быть особой наукой о мировоззрении, но как особая самостоятельная наука (именно наука, тов. Степанов, но наука, не сливающаяся с науками о природе и истории), существует в виде учения о формальной логике и диалектике, т.-е. в виде методологии, [2]) логики науки. Поэтому мировоззрением можно назвать не марксистскую философию, а *весь марксизм в его совокупности, стремящийся понять мир, как единый реальный процесс диалектического развития.*

Но становление сознательно-диалектических положительных наук, выясняющих не только связь явлений в своей сфере, но и раскрывающих свое положение по отношению общей связи явлений, есть процесс противоречивый и длительный.

Современное естествознание разрабатывается учеными, связанными с интересами буржуазии—господствующего класса капиталистического общества—и поэтому враждебно настроенными к диалектическому материализму. Диалектический материализм только стихийно прокладывает себе путь в современном естествознании. Поэтому отдельным марксистам приходится как-бы извлекать из отдельных наук частные данные и давать им материалистически-диалектическое освещение. Но в этом только проявляется активная роль марксистской философии по отношению к современному естествознанию. Диалектический материализм стремится стихийно-диалектические настроения естествознания поднять до уровня сознательности, старается воспитать в естественных науках диалектическое самосознание.

Это выделение и диалектическое освещение отдельных данных из наук, сейчас разрабатываемых буржуазными учеными, только выражает собою *процесс противоречивого становления сознательно-диалектических наук в антагонистическом классовом обществе.* Поэтому такого рода работа не может быть понята, как работа создания марксистской философии в виде общего мировоззрения, возвышающегося над науками, а это есть работа «диалектизации» наук.

Степановское об'единение в марксистскую философию общих выводов науки даже не выражает и ни в коей мере не передает этого действительного процесса активного воздействия метода материалистической диалектики на современное естествознание.

Энгельс прекрасно понимал и выпукло подчеркивал сознательную активную роль марксистской философии по отношению к естествознанию. «Во всяком случае,—пишет Энгельс,—естествознание подвинулось так далеко, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, которыми обобщаются данные его опыта, суть понятия, и что искусство оперировать с понятиями не врожденно и не дается обыденным, повседневным сознанием, но требует действительного мышления, которое также

[1]) Энгельс. «Анти-Дюринг», указ. изд., стр. 114.

[2]) Диалектическая логика конечно не может быть противопоставлена действительности, а сама является выражением основных закономерностей действительности. Диалектика утверждает единство сущности и явления, формы и содержания, метода и действительности.

имеет за собой долгую эмпирическую историю, не более ни менее чем эмпирическое естествознание. Усвоивши себе результаты длящегося три с половиной тысячелетия развития философии, оно, с одной стороны, избавится от всякой особой, вне его и над ним стоящей натур-философии, с другой—от свойственного ему, заимствованного от английского эмпиризма ограниченного метода мышления» [1]).

Мы видим, таким образом, что марксистская философия существует, и что тов. Степанов, приводящий цитаты, якобы отрицающие существование марксистской философии, ничего не понял в смысле этих цитат. С другой стороны, марксистская философия не имеет ничего общего с степановскими «общими выводами наук» [2]).

II.

Диалектический материализм и механическое понимание природы.

К решению вопроса о том, совместим ли диалектический материализм с механистическим пониманием природы, тов. Степанов подходит тоже на основе цитат.

Вытащив нужное количество цитат, он весьма «авторитетным басом» заявляет, что Стэн некстати повторил оценку Энгельсом механического материализма, и не понял того, что на основе этой оценки нельзя критиковать современного механистического понимания природы. Ведь, говорит Степанов, с веселым и победоносным видом, свою историю имеет не только материализм, но и понятие механического. Совершенно правильно, тов. Степанов. Но если вы такой «вумный» человек, то почему же вы не могли понять того, о чем у меня шел разговор?

Ведь краткий обзор истории материализма в новое время мною был приведен для того, чтобы показать, каким образом отдельные формы додиалектического материализма, основываясь не на изучении всей действительности, а на изучении какого-нибудь частного вида процессов, хотели схемой, полученной на основе изучения части действительности, охватить всю действительность. Диалектический же материализм уничтожил эту ограниченность прежних форм материализма и покоится, как я указал в своей рецензии, на изучении всей природы и человеческой истории. Диалектический материализм рассматривает природу и человеческую историю, как единый процесс развития. И поэтому именно, тов. Степанов, что диалектический материализм изучает всю природу и человеческую историю в непрерывности и прерывности их развития, нельзя исчерпать всю действительность механическим процессом, являющимся только частным ви-

[1]) Эигельс. «Антн-Дюринг», указ. изд., стр. 9.

[2]) Гиосеологня марксистской философией отрицается диалектически и поэтому включается в учение о дислектике. По этому поводу тов. Леиии пишет: «А дислектика, в понимании Маркса и согласно также Гегеля, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равым образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к позиаиию». (Леиии. Собрание сочнненнй т. XII, ч. II, стр. 323. Москва Государственное изд. 1924 г.).

дом физических процессов. И оттого, что меняется наше представление и углубляется наше знание о механическом процессе, он все-таки не становится всеобщим, всеисчерпывающим процессом.

Но тов. Степанову угодно заявить, что под механистическим пониманием природы надо понимать, «что виды энергии, действующей в живой природе, признаются теми же самыми видами ее, которые действуют в неживой природе». («Большевик», № 14, стр. 85).

«Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно, как механическое понимание, т. е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращению тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией». («Большевик», № 14, стр. 85).

В этом и сказывается, тов. Степанов, ваше непонимание методологии диалектического материализма и диалектической природы современного естествознания. У вас все спутано вместе, и механический и физический и химический процесс. Понимание качественной определенности этих процессов недоступно для вас. Исходя из вашей перекраски физико-химических процессов в механический цвет, нельзя никак понять внутреннего процесса развития современной физики. Физика делилась в основном на три главных отдела: механику, электро-динамику и термо-динамику. Может быть и тов. Степанову не безызвестно, какими трудностями и противоречиями полон путь об'единения современной физики в единое здание, не на основе механики, а на основе электродинамики [1]). Если все физико-химические процессы растворены в механическом, то никаких затруднений сведения в области физико-механических наук не должно было существовать. Под механическим мировоззрением, как на это указывает Планк, надо понимать миросозерцание: «согласно которому все физические явления могут быть сведены без остатка к движению неизменяемых материальных точек и однородных элементов» [2]). Короче говоря, механически понимать физические процессы значит свести их все к процессу механическому. Но когда мы ставим вопрос о биологических и психических явлениях, то можем ли мы сказать, что их можно без промежуточных звеньев свести непосредственно к механическому процессу? Можно ли биологический и психический процессы об'яснить, исходя из количественных изменений в разных направлениях однородной материальной точки, без учета действия новых качеств, возникающих в процессе развития природы на промежуточных ступенях между механическим и биологическим и психическим процессами. Иначе говоря, возможно ли прямое механическое об'яснение биологических и психических процессов. Дает ли в своем развитии природа непосредственный скачок от механического к биологическому и психическому процессам или же они отделяются и связываются целой сетью скачков. Здесь мы подхо-

[1]) Электроднная в новом виде конечно теряет черты противопоставления механике, так как сама включает в себе механику, как частный случай.

[2]) Планк. Отношения новейшей фнзикн к механическому мнровоззрению Русс. изд. 1911 г.

дим к вопросу о соотношении количественного и качественного исследования природы.

В этом вопросе у тов. Степанова тоже невероятная путаница. У него существуют две версии. Первая заключается в том, что с материалистической точки зрения можно говорить только о количественном исследовании действительности. С одной стороны, количество и метод об'яснения, а с другой стороны, качество и метод описания. Противоположность между качественной и количественной точкой зрения есть противоположность между материализмом и феноменализмом. Кто хочет говорить о качественном моменте исследования природы, того тов. Степанов со свойственным ему высокомерием без колебаний отсылает к Маху, Гельму и Оствальду [1]).

Но тов. Степанову подвернулась другая цитата и он сразу начал проповедывать другой взгляд на качество. Он приводит цитату из Энгельса о том, что с тех пор, как узкое отрицательное выражение закона сохранения энергии заменилось его положительным выражением—превращением энергии, представилась возможность подчеркнуть качественный характер процессов.

И вот, процитировав Энгельса, Степанов начинает говорить о том, что он ведь, в сущности, говоря о превращении различных видов энергии, и подчеркивал качественную сторону процессов природы.

Тов. Степанов, вы наверное очень веселый человек и любите смешить народ, но нельзя быть все-таки столь беспощадным по отношению к читателям. Ведь никак нельзя знать, когда вы говорите правду. Тогда ли, когда абстрактно противопоставляете количество и качество, или когда признаете возможным считаться с качественной стороной процесса. И становитесь ли вы махистом в тот момент, когда заговариваете или приводите цитату о качественной стороне процесса. Как же быть тов. Степанов? Можно ли говорить о качественном моменте в исследовании природы с точки зрения диалектического материализма, или же это воспрещается под страхом немедленной ссылки в царство махистов? И если можно, то чем отличается качество, диалектически понимаемое, от качества феноменалистского, ну скажем, хотя бы от качества, так называемой, энергетической физики. Ведь всех этих вопросов вы, тов. Степанов, не ставите и вместо этого приводите несколько цитат, плохо вами понятых и среди которых вы безнадежно запутались.

Так было с вами, тов. Степанов, в вопросе о понимании марксистской философии, то же самое имеет место у вас и в вопросе о соотношении количественного и качественного исследования природы.

Да, воистину, веселый вы человек! Если мы до сих пор имели старую и веселую историю о том, как некто заблудился среди трех сосен, то вы, тов. Степанов, позаботились о том, что теперь мы имеем новейшую и веселейшую историю о том, как человек, желающий считать себя диалектическим материалистом,

[1]) Ссылка на т. Деборина сделана совершенно некстати. Степанов не понял, для чего и когда Дебориным была дана такая формулировка в борьбе с феноменализмом. Т. Деборину как раз принадлежит заслуга подчеркивания качественного момента, конечно, понимаемого диалектически, а не феноменалистски. См. Под Знаменем Марксизма 1924 г. № 3, статья т. Деборина: Маркс и Гегель.

заблудился, в буквальном смысле этого слова, среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса.

Оставляя в стороне путаницу тов. Степанова, мы все-таки постараемся вкратце остановиться на том, в каком смысле надо понимать качественную сторону процессов природы с точки зрения диалектического материализма.

В введении «к критике политической экономии» Маркс говорит о пути усвоения и познания человеческой мыслью действительности и разбирает вопрос о соотношении конкретного и абстрактного в методе познания.

«Конкретное,—пишет Маркс,—потому конкретное, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает, как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления» [1]). «Первое конкретное», выступающее в нашем наглядном созерцании, чтобы быть познанным должно быть разложено на абстрактные категории. Для того, чтобы получить второе «познанное конкретное», необходимо из абстрактных определений вновь восстановить разложенную действительность.

Вопрос о соотношении конкретного и абстрактного есть только более общая постановка вопроса о соотношении качества и количества.

Если мы возьмем естественно-научное исследование, то мы увидим, что первой стадией исследования является определение качественной связи между изучаемыми факторами природы.

Потом наступает стадия установления количественных отношений между изучаемыми величинами. После установления количественных связей и эмпирических правил наступает, как выражаются естествоиспытатели, стадия теоретического об'яснения явлений. На этой ступени естествоиспытатель старается построить модель или схему явлений, исходя из которой он мог бы математически точно получить не только данные, добытые уже экспериментатором и для об'яснения которых построена схема, но и предсказать новые виды данного рода явлений, до сих пор не наблюдавшиеся. В этом кратком описании естественно-научного исследования мы можем наблюдать переход от качества к количеству и от количества к качеству. В результате мы получаем познанные и изученные явления, которые есть единство качества и количества—мера. Но это есть процесс познания и усвоения нами рассматриваемых явлений, это есть процесс исследования данной меры, но не есть процесс ее действительного возникновения. Когда мы говорим о переходе количества в качество в действительном развитии мира, то мы должны иметь в виду не абстрактные количественные изменения неизвестно чего-то, а количественные изменения качественной величины—меры, дающие, как говорит Гегель, «специфические различия». Переход количества в качество является узловой линией отношения мер. При переходе количества в качество происходит превращение одной качественной величины в другую качественную величину.

[1]) Основные проблемы политической экономии, Госизд. 1922 г. стр. 25.

И когда мы исследуем и стараемся об'яснить, скажем, психические явления, то не совсем безразлично, где мы ищем той меры, на количественные изменения которой мы хотим свести психический процесс. Одинаковые количественные изменения различных мер дают различные качества.

Развитие природы и заключается в том, что количественные изменения определенной меры путем скачка дают новую меру нового качества, количественные изменения которой опять дают новую меру нового качества и т. д. Поэтому вовсе нельзя сказать, *что все качества природы могут быть непосредственно сведены к движению материальной однородной точки.* Все многочисленные качества мы можем об'яснить только тогда, когда учтем все те многочисленные скачки, поворотные переходы количества в качество, которые отделяют однородную материальную точку от сложного процесса развития природы. Поэтому и задача исследования, задача науки вовсе не может заключаться в том, чтобы все наличные различия свести к абстрактным тождествам, а в том, чтобы раскрывать решающие поворотные переходы количества в качество в процессе развития природы, чтобы уяснить процесс и законы развития природы. Это достигается *сочетанием аналитического и синтетического и единством количественного и качественного исследования мира.*

Мы видим, что диалектически понимаемое качество не есть нечто независимое от количества, а существует только в единстве с количеством и возникает, как результат количественных изменений качественной величины.

Тов. Степанов, повидимому, представления не имеет о том, что Маркс применяет категорию меры. Ведь тов. Степанов полон высокомерия и поэтому не смог у Маркса приметить такой скромной вещи, как категория — меры [1]). Это незнание и непонимание категории меры заставило Степанова противопоставить количество качеству. Конечно, качество энергетической физики не имеет ничего общего с диалектически понимаемым качеством. Качество Маха, Оствальда и Дюгема, есть качество несводимое, качество рассматриваемое, как самостоятельная индивидуальность. Поэтому и энергетическая физика приходит к методу чистого описания.

Диалектический материализм, признавая единство количественного и качественного исследования природы и разлагая при об'яснении данной группы явлений их качество на количественные изменения *вместе с тем требует найти меру сводимости данных явлений.* Поэтому диалектический материалист в понимании природы может стоять только на диалектически-материалистической точке зрения, а не на точке зрения механической, которая сводится к голому количеству.

Цитаты, приводимые тов. Степановым из отдельных естествоиспытателей в пользу того, что единственным плодотворным методом исследования является метод механистический, каузально-аналитический, только доказывает, что он не понимает того, что исследование сводится не только *к анализу, не только к изображению сложных биологических процессов в схемах и моделях механических процессов, а задача заключается в раскрытии действительного перехода не механических, а физико-химических процессов в органические.*

Сведение даже в пределах физико-химических наук сейчас не обязательно к механическим явлениям. Это сведение на механические процессы в пределах физико-химических наук получило большие затруднения со стороны проблемы эфира и со стороны всего движения, сейчас совершающегося вокруг принципа относительности Эйнштейна [1]).

Но мы здесь не можем останавливаться на конкретном рассмотрении диалектических связей отдельных процессов исследуемых современным естествознанием [2]).

Сказанного достаточно для того, чтобы понять разницу между диалектическим и механическим пониманием природы. Но тов. Степанов ведь и не хочет быть диалектическим материалистом [3]). Он прямо заявляет, что «заботливое отмежевание от «механического материализма» опять способно увести мысль читателя не в надлежащую сторону, скрыть от него действительное соотношение между историческим материализмом и современным естествознанием» [4]).

Тов. Степанов, вами сведены воедино все «изумительные мысли вашего послесловия. Ведь вы во всем своем послесловии не ставите вопроса о соотношении диалектического материализма и современного естествознания, а ставите только вопрос о соотношении исторического материализма и естествознания. Для вас существует только, с одной стороны, механическое понимание природы, которое и вы именуете «механическим материализмом», а с другой стороны исторический материализм. Марксистская философия в виде методологии вами выкинута за борт. И вам приходится или признать «методологический дуализм», механистическое об'яснение для явлений природы и диалектическое для общественных процессов, или же последовательно перейти и к механическому об'яснению общественной жизни. Выбирайте или механистическую последовательность или начинайте питаться жиденькой кашей эклектики. Третьего пути не дано. Поздравляем, тов. Степанова с переходом на новый вид пищи!

---

[1]) Рекомендуем т. Степанову изучить „Капитал“ Маркса не только, как экономическое и историческое сочинение, но и как сочинение, дающее ценнейшие указания по вопросам марксистской методологии.

[1]) См. Планк. Отношение новейшей физики к механическому мировоззрению и Эйнштейн. Эфир и принцип относительности.

[2]) Этому вопросу я намерен посвятить особую статью в журнале «Под Знаменем Марксизма». Конечно, не для того, чтобы продолжать спор с т. Степановым. Охотников на такой спор в «такой плоскости» как поставил вопрос тов. Степанов не найти.

[3]) Совершенно напрасно тов. Степанов в защиту своего механистического взгляда ссылается на тов. Ленина. В главе „Энергетика процессов природы“ в своей книге „Об электрификации“ тов. Степанов рассматривал, главным образом, те превращения видов энергии, на которых покоится современная техника, и не развивал своей широкой „механистической философии“. Задачей Степанова не было изложение диалектики современного естествознания. А для пропаганды даже простое изложение старой механики имеет крупное значение. Тем более, что механика, получая новое теоретическое освещение, сохраняет свою практическую применимость. Ведь тов. Ленин сознавал важное значение старого материализма для антирелигиозной пропаганды. Тов. Степанов же решил во все трудные минуты своей жизни ссылаться на похвалу Владимира Ильича, данную им по определенному поводу. Но и скромный же человек, этот тов. Степанов.

[4]) Гортер. „Исторический материализм“. Послесловие Степанова. Стр. 167

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ленинский сборник I. Под редакцией Л. Б. Каменева. Москва—Ленинград 1924 г.

Издание „Ленинских сборников" не нуждается в нашем приветствии. Всякий понимает, что они представляют из себя самое ценное из всей издающейся у нас литературы, ибо в них впервые выходят в свет до сих пор не опубликованные статьи, письма и документы Владимира Ильича Ленина. Здесь Ленин встает перед нами неумерший и неумирающий, открывая для партии и всего пролетариата все новые и новые стороны своей всеохватывающей гениальности.

Опубликование материалов ленинского архива есть только первый шаг к изучению и научной систематизации ленинского литературного наследства. Для такового изучения и систематизации нужны годы серьезной работы лучших теоретиков партии. Здесь же наша задача—очертить краткими чертами основное идейное содержание „Сборника I".

Начнем с писем Ленина к М. Горькому, выпущенных уже и особым изданием. В „Сборнике I" помещены 34 письма, в хронологическом порядке; первое письмо от 9 января 1908 г. и последнее от декабря 1913 г. Между письмом 11-м от 19 апреля 1908 г. и 12-м от 11 апреля 1910 г. имеется большой двухгодовой перерыв. Велась ли за эти два года переписка между Горьким и Лениным—редакция „Сборников" пока не установила.

Таким образом, письма относятся к эпохе реакции и годам предвоенного под'ема. Это период, когда большевизм выполнял задачу „построить из фракции партию", по формуле Ленина.

Только на отсечении ликвидаторства и отзовизма, левого и правого „уклонения" можно было построить монолитную и единую большевистскую партию, и Ленин ее строил путем непримиримой идейной и организационной борьбы на обоих флангах. Письма к Горькому вводят нас в уголок ленинской лаборатории мысли в ту эпоху ожесточенной фракционной и партийной борьбы. Они написаны преимущественно на внутрипартийные темы и в них значительное место занимают вопросы единства и раскола партии.

„Очищение социал-демократической партии от ее опасных „уклонений", от ликвидаторства и отзовизма идет вперед неуклонно; в рамках об'единения [1]) оно подвинулось значительно дальше,

[1]) Речь идет об об'единительной попытке, предпринятой январским пленумом 1910 г.

чем прежде. С отзовизмом мы уже покончили идейно, в сущности, до пленума. С ликвидаторством не докончили тогда, меньшевикам удалось на время скрыть змею, а теперь ее вытащили на свет божий, теперь ее все видят, теперь ее будем уничтожать и уничтожим!".

„И это очищение—вовсе не одна только „идейная" задача, как думает... [1]) Потресов, так же заступающийся за махистов, как заступались меньшевики в пленуме за „впередовцев". Нет, это очищение неразрывно связано с самой гущей рабочего движения, которое учится постановке социал демократической работы в теперешнее время, именно путем отрицания учится, путем отрицания ликвидаторства и отзовизма выходит на дорогу. Только... [2]) Троцкий воображает, что можно это отрицание обойти, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства ставятся не жизнью, а печатью злых полемистов" (стр. 109, письмо 12-е).

Вопрос о расколе с отзовизмом и ликвидаторством ставился „жизнью", выплывал из „самой гущи рабочего движения". И потому В. И. Ленин не жалел резких эпитетов не только по отношению к отпетым социал-предателям, вроде Потресова, но и по отношению к тов. Троцкому, который тогда, на словах отмежевываясь и от ликвидаторства, и от отзовизма, говоря о примирении всех и вся в одной партии, на деле выступал общим фронтом с ликвидаторами и отзовистами против большевиков (попытка антибольшевистского „августовского блока" 1912 г.). Именно этот период дает особенно много поучительного для понимания организационных принципов большевизма в противопоставлении их троцкизму, вопрос о котором снова всплыл у нас в партии.

Чтобы оттенить характер писем Ленина к Горькому, в частности трактовку вопроса о расколе в этих письмах, следует на минуту представить себе характер и фигуру об'екта воздействия этих писем —М. Горького. Большой художник, принесший огромную пользу рабочему классу своими произведениями, вышедший из народных низов талант, человек, которого любил Ильич, М. Горький—круглый обыватель и дитя в вопросах политики. Поэтому, помимо политических расхождений, которые имелись в тот период у Ленина с Горьким, спутавшимся с „впередовцами" (отзовистами), в письмах этих двух людей занимает известное место особый мотив, который совсем не имел бы места в переписке, скажем, между двумя большевиками. Этот мотив следующий.

Горькому, с его глубокой, сидящей „в нутре" интеллигентщиной, трудно было разобраться об'ективно в политических и принципиальных расхождениях потому, что его отталкивала конфликтная, „склочная" сторона внутрипартийной борьбы. И вот, надо видеть, с какой особой внимательностью и любовью Ильич буквально нянчился с Горьким, об'ясняя, втолковывая ему вещи, само собой казалось бы понятные. Ленин пишет в том же, цитированном нами письме:

„Сидеть в гуще этого „анекдотического", этой склоки и скандала, маяты и „накипи" тошно; наблюдать все это—тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроения. Эмигрантщина

[1]) Потресов правейший ликвидатор. Многоточием редакция „Сборника" заменила резкий эпитет.

[2]) Точками ред. „Сборника" заменила резкий эпитет.

теперь в сто раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока нерврывны. Но склока отпадет; склока останется на 9/10 за границей; склока—это аксессуар. Развитие партии, развитие социал-демократического движения идет и идет вперед чере все дьявольские трудности теперешнего положения" (108 стр.).

. И Ленин противопоставляет обывагельскому подходу к политическим разногласиям—подход принципиальный, политический:

„Нет, кроме шуток; нехорошую вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную—отмахиваться: „все вы склокисты". Посмотрите-ка на новую эсеровскую литературу: „Почин", „Известия заграничной областной организации",—сравните с „Революционной Мыслью", с „Революционной Россией", а там еще с Ропшиным-Савинковым и etc. Вспомните вехи и полемику (quasi-полемику) с ними Милюкова, Гредескул (который ныне открыл, что не нужна вторая революция в России) и т. д. и т. д. Сопоставьте все это в целом, всю сумму идейных течений 1908—12 г.г. у эсеров, трудовиков, беззаглавцев, кадетов с тем, что было и есть у эсеров (кто-нибудь когда-нибудь —историк, вероятно, сделает эту работу непременно). Вы увидите, что все, буквально все вне социал-демократов решали те же самые, буквально те же самые вопросы, из-за которых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма.

„О склоке" у эсдеков любят кричать буржуа, либералы, эсеры, которые к „больным вопросам" относятся несерьезно, плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница социал-демократов от всех них та, что у эсдеков склокой облечена борьба групп с глубокими и ясными идейными корнями, а у них склока внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, мизерна. Никогда, ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у эсдеков на прилизанную пустоту и убожество эсеров и К°". (Письмо 18, 1 августа 1912 г.).

В письме, непосредственно следующем за только-что цитированным, после ответа Горького Ленин пишет:

„Если вы признаете, что „склока наша вызвана непримиримым различием идейных корней",—что у эсеров то же—(что у кадетов то же—„Вехи",—этого вы не добавили, но тут сомнений нет), что слагается реформистская (удачное слово!) партия, тогда нельзя говорить и ликвидатору и его врагу: „оба вы склокисты". Тогда дело тех, кто понял идейные корни „склоки", не участвуя в ней, помогать массе разыскивать корни, а не оправдывать массу за то, что она рассматривает споры, как „личное генеральское дело". (Письмо 19, август—сентябрь 1912 г., стр. 124).

Нам кажется, все это имеет прямое отношение к близкой к нам действительности. В минувшей дискуссии многие не разбирающиеся товарищи, по-обывательски подходя к политическому спору, отмахиваясь от политических доводов, говорили: „Зачем обижают товарища Троцкого?" Такие „заступники" вполне подходят под параллель с обывателем в политике, с Горьким, и им следует читать и читать ленинские уроки Горькому: разыскивайте идейные корни разногласий, не принимайте идейную борьбу в партии за „генеральское дело".

Не верьте на слово, живите своим умом,—но умом, а не обывательской и куриной слепотой, не „смакованием" склочной стороны серьезных политических столкновений.

* * *

Много внимания в письмах к Горькому Ленин уделяет расколу с Богдановым и другими отзовистами. По письмам можно проследить (жаль лишь, что отсутствует переписка за 1909 г., если она велась) ход этого раскола.

„Летом и осенью 1904 г.,—пишет Ленин,—мы окончательно сошлись с Богдановым, как большевики, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время в революции и дал нам возможность совместно провести в революции ту тактику революционной социал-демократии (=большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной. Философией заниматься в горячке революции приходилось мало". (Письмо 5, 25 февраля 1908 г., стр. 91).

Летом 1906 г. Ленин уже написал Богданову „об'яснение в любви"—„письмецо по философии в размере 3-х тетрадок" (затерянные „Заметки рядового марксиста в философии"). В 1909 году, как известно, Ленин, засевший всерьез за философию, выпустил свой „Материализм и эмпириокритицизм". В этом же году произошел организационный разрыв большевиков с отзовистами. Разрыв этот, однако, был продиктован соображениями политическими. Философские расхождения сами по себе не служили причиной к разрыву. В том же письме (февраль 1908) Ленин пишет:

„Некую драку между большевиками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор без разногласий (единственное разногласие было о бойкоте 3-й думы), но оно, во-первых, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во-вторых, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров был, как и я, против бойкота".

На данной стадии идейной борьбы с махизмом Ленин из письма в письмо настойчиво твердит Горькому, что филисофский спор надо отделить от фракционного:

„Мы должны подраться из-за философии так, чтобы „Пролетарий" и большевики, как фракция партии, не были этим задеты". (Письмо 5).

„Надо отделить всю эту драку от фракции". „До сих пор писали „на стороне", вне фракционных изданий, пишите и дальше так". „Подеритесь на стороне, фракция пока подождет. Если есть возможность ослабить неизбежное озлобление, то только так, по-моему"... „А если философская драка будут итти вне фракции, то меньшевики будут сведены на политику и тут им смерть". (Письмо 8, март 1908 г.). О том же в письмах 10 и 11.

Однако, уже летом 1909 г. „Пролетарий" в статье тов. Каменева „Не по дороге" (напечатание ее было одобрено „совещанием расширенной редакции „Пролетария" в Париже, в июне 1909 г.) отмежевывается от махизма и богостроительства. К этому моменту политические разногласия обострились настолько, что „молчаливо устранять" философию, как „нейтральную область" уже не было надобности. Большевизм официально отмежевался от махизма, который Богданов, к злорадству меньшевиков, пытался навязать большевизму, как его философию. В 1910 году Ленин пишет о перипетиях раскола с „впередовцами" (отзовистами):

„Одно время мне казалось, что и внутри этой группы есть два течения: к партии, к марксизму, к отказу от махизма и от отзовизма и обратное"... „Но второе течение, видимо, берет у них верх". (Письмо 12, стр. 108).

Не идя на раскол до тех пор, пока борьба по политической линии не достигла определенной остроты, Ленин, вместе с тем, видел связь между философскими и политическими ошибками Богданова и Ко. В декабре 1913 г. он писал М. Горькому по поводу „богоискательских" занятий последнего:

„По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у вас получается противоречие, то самое, по моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: вы порвали (или как бы порвали) с „впередовцами", не заметив идейных основ „впередовства". (Письмо 34, стр. 149).

По вопросу о богостроительстве письма Горького содержат много необыкновенно выпуклых, бичующих замечаний об идеалистической философии, вроде такого:

„Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), гораздо менее опасен именно для „демократии", чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа легко разоблачить, осудить и выгнать,—а второго нельзя выгнать так просто, разоблачить его в тысячу раз труднее, „осудить" его ни один „хрупкий и жалостливо-шаткий" обыватель не согласится". (Письмо 32, стр. 146). И т. п.

* * *

Помимо писем к Горькому, исключительный интерес представляет помещенная в I «Ленинском Сборнике» запись Ленина: «Как чуть не потухла «Искра» (2 сентября 1900 года). Этот документ не поддается никакому пересказу,—его надо прочесть, чтобы представить себе Ильича таким, каким он был в момент, когда входил в ряды руководителей российской социал-демократии, чтобы скоро стать первым среди равных, а затем и—единственным. Документ этот из всего опубликованного ленинского наследства стоит особняком по той необычайной интимности, с какой Ленин касается здесь своих личных переживаний [1]). Он описывает здесь первую трещину в отношениях с Плехановым, имевшую место за три года до раскола на большевиков и меньшевиков, при переговорах о создании «Искры». Ленин выступает перед нами новой стороной, обычно скрытой от глаз читателя его статей, книг и речей. Он говорит о своем поклонении и «влюбленности» в Плеханова, как в обаятельную личность и признается в тяжелых личных переживаниях, сопутствовавших этой первой размолвке, после которой совместная работа продолжалась, но прежнюю «влюбленность» «как рукой сняло».

«По внешности, как будто бы ничего не произошло, вся машина продолжала итти, как и шла,—только внутри порвалась какая-то струна и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным рассчетом: по формуле si vis pacem, para bellum (хочешь мира, готовься к войне). (Стр. 47).

[1]) Отчасти такой же характер носит и опубликованная здесь же запись 29 декабря 1900 года о свидании со Струве (стр. 72).

Что касается политических оттенков, то в этом первом столкновении Плеханова и Ленина, о котором знал вообще лишь крайне тесный круг лиц, их разделяло различное политическое отношение к Струве и к «экономистам». Плеханов в 1900 году выступает перед нами более непримиримым противником соглашений как с тем, так и с другими. Недолговременный и скоро разорванный «блок» со Струве заключается по инициативе Ленина, точно так же, как и попытки добиться «мира» с экономистами.

Ни блок со Струве, ни попытки примирения с «экономистами» не оставили заметного следа в истории партии: но было бы ошибкой на этом основании считать правым Плеханова, который с самого начала вел тактику срыва «соглашательских» стремлений Ленина. Попытки, которые делал Ленин, следовало делать, поскольку еще не были потеряны все надежды использовать либеральное движение (в лице Струве) в интересах социал-демократии и поскольку была надежда перевести на рельсы революционной с.-д. хотя бы часть русских с.-д. практиков, которые еще шли за «Рабочим Делом».

Разумеется, ни о каком отказе от непримиримой идейной борьбы с либерализмом и экономизмом Ленин не помышлял. Достаточно напомнить, что виднейшие и наиболее ранние литературные выступления против легального марксизма (статья в сожженном цензурой сборнике 1895 г.) и экономизма («Протест» против «Credo»,—1899 г.) принадлежали Ленину, да и вся его последующая деятельность доказала, что совсем не он (а Плеханов) пошел на поводу у кадетов и очутился в рядах оппортунистов.

Таким образом, уже в 1900 г., при первом столкновении Плеханова и Ленина обнаружились их индивидуальные особенности, как политических вождей: Плеханов—по преимуществу теоретик, плутающий в вопросах практической политики, и Ленин—умеющий сочетать теоретическую непримиримость с чутьем реальной действительности, не ошибающийся в оценке ее «пропорций».

В «Сборнике I» помещено также письмо Ленина к Н. К. Крупской и письмо к неизвестному товарищу («Х») с ответом последнего, дающие ценное дополнение к характеристике того периода, в который чуть было не потухла, но, в конце-концов, разгорелась «Искра». Все указанные письма датированы сентябрем 1900 года.

Сборник содержит также письмо Ленина П. Аксельроду (1897 г.) и два письма тов. А. Луначарскому (1908 г.).

Помимо ленинских писем и рукописей, публикуемых в «Ленинских Сборниках», первый сборник содержит ряд ценных отделов, составленных редакцией. Здесь «Основные вехи жизни В. И. Ленина», «Из подготовительных работ к научной биографии В. И. Ленина» «Хроника Института» (имени В. И. Ленина), «Библиография» (что вышло о Ленине) и др.

Каждый отдел ленинских материалов снабжен особым предисловием и комментариями, принадлежащими редактору «Ленинских Сборников» тов. Л. Б. Каменеву. Ему же принадлежит общее предисловие и некоторые заметки в редакционных отделах. И по теоретическому смыслу и по компетентности в вопросах биографии В. И. Ленина комментарии тов. Каменева не оставляют желать ничего лучшего и служат превосходной оправой ленинскому тексту.

К каждому отделу и даже к некоторым отдельным письмам Ленина «Институт» дает архивную справку.

Техника издания «Сборников»—безукоризненна. Особенное внимание привлекают оригиналы рукописей, переданные с изумительной фотографической точностью, вплоть до следов времени на пожелтевшей и смятой бумаге писем.

Издание «Ленинских Сборников» с полным правом заслуживает название научного издания.

В. Астров.

I.

О „Ленинском Сборнике" II. Центральным местом «Ленинского сборника» № 2 являются впервые опубликованные материалы по выработке программы РСДРП.

Они представляют не только исторический интерес. Они имеют актуальное значение для нашей партии, именно потому, что дают чрезвычайно много для понимания метода ленинизма, для выяснения истоков глубокого методологического и политического различия большевизма и меньшевизма.

* *

Ленин является вождем революционной партии пролетариата эпохи империализма, пролетарских восстаний, диктатуры и строительства нового общества. В частности и прежде всего он был вождем пролетариата России—той страны, которая по прекрасному выражению т. Сталина была «узловым пунктом всех... противоречий империализма», которая «потому... была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна» и первой разрешилась пролетарским октябрем, первая начала строить новое общество.

Ленин, т. о., должен был теоретически и практически руководить пролетариатом, который борется за власть, ведя за собою остальную массу угнетенных, в чрезвычайно сложной исторической обстановке при быстро меняющемся соотношении классовых сил. Чтобы пролетариат, особенно российский, в этих условиях мог победоносно бороться, нужно, чтобы партия, руководящая его борьбой умела сочетать преданность и глубочайшие внимание к основным целям пролетарской борьбы с величайшей способностью практически бороться за них, осуществлять их в каждый данный момент—при непрерывно меняющейся сложнейшей обстановке революционной эпохи,—по новому, сообразно новым условиям. Поэтому, партии, руководящей борющимся пролетариатом, нужна была такая теория, которая являлась бы лучшим «руководством к действию», непрерывно проверяемым революционной практикой. Нужен был такой метод, т.-е. такое теоретическое, научное оружие мышления, при помощи которого можно было бы охватить все особенности данного времени и места; учесть все диалектические противоречия и всю сложность новой обстановки, связей и отношений, понять поэтому главную конкретную задачу момента борьбы; отыскать и выделить то звено, за которое нужно ухватиться в данный момент, чтобы вытянуть всю цепь.

Таким методом являлся диалектический метод Ленина. Этот метод есть не что иное, как диалектический метод Маркса, примененный в эпоху империализма, войн и пролетарских революций.

«Важно понять,—писал Ленин,—что в революционные времена об'ективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны **суметь приспособить** свою тактику и свои ближайшие задачи **к особенностям** каждой данной ситуации» (курсив Ленина. Ленинский сборник, II, «Письма издалека», письмо III «О пролетарской милиции», стр. 354).

Отсюда у Ленина, естественно, выпячивание, подчеркивание, особое значение получило положение марксовой и энгельсовской диалектики о конкретности истины? Это значит, что истина тогда становится верной и наполненной, когда она не только выражает в абстрактной формуле закона общую реальную закономерность процесса жизни, но и когда она берет этот закон в своеобразно-качественных формах, в специфическом его проявлении в данных условиях развития, при данных обстоятельствах, при всех конкретных связях и опосредствованиях, при данных «возмущающих влияниях». Истина конкретна, т.-е. она есть закон всегда **определенной**, всегда **особенной формы** общего процесса. Потому надо уметь находить общее в особенном и видеть, как особенное видоизменяет общее, придает ему **каждый** раз своеобразное характерное только для данного времени лицо. Только при этом истина является нам конкретной, наполненной и позволяет верно учитывать и определять тенденцию своеобразно-общего процесса развития.

Ленин в своем методе с чрезвычайной силой выдвинул, разработал, заострил это положение марксизма и превосходно применял его в теории и практике борьбы пролетариата в революционную эпоху. Все его теоретические и политические работы, вся его практика вождя революционного пролетариата, идущего и пришедшего к победе, доказали всю важность этого методологического положения.

Суть ленинского метода, ленинской диалектики в его словах:—«самая суть, живая душа марксизма в конкретном анализе конкретной ситуации», и «было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся задачи революции в прокрустово ложе узкопонятной «теории», вместо того, чтобы видеть в теории прежде и больше всего **руководство к действию**» (Лен. сборник, стр. 353).

Методу ленинизма чужды шаблонность, схематизм, абстрактность, затушевывание конкретной сложности диалектических противоречий революционной эпохи.—Во всем этом меньше всего нуждается борющийся пролетариат. Недаром Ленин—его вождь, со всей свойственной ему теоретической прямотой и беспощадностью разоблачал метафизику, как фаталистического, так и волюнтаристического отношения к действительности в рядах своей партии, недаром он боролся против догматизма и схематизма мышления, недаром он всякий уклон в тактике, в организационных вопросах или в каком-либо вопросе программы связывал с неправильной методологической позицией «уклонистов».

Но ничто не было так противоположно и в корне враждебно ленинскому диалектическому методу, как методология меньшевизма, II Интернационала, методология, которая так соответствовала оппортунизму и контр-революционной сущности этого наиболее тонкого и опасного защитника буржуазного порядка.

Методология меньшевизма характеризуется отказом от марксовой диалектики и возвратом к буржуазной метафизике. Это совершилось постепенно—не только в неприкрытой форме ревизионизма, но и в тонко завуалированной форме комментариев, раз'яснений, наполненных общими фразами и пустейшими абстракциями. Именно тогда, когда капитализм вступил в свою последнюю фазу—в полосу загнивания и разрешения,—когда т. о. история поставила в порядок для вопрос о пролетарской революции, т.-е. тогда, когда потребовалось величайшее умение облекать конкретной плотью марксовы метод и теорию, именно в это время теоретики II Интернационала всеми средствами из марксизма выхолащивают мощь его метода, и всякую конкретность, всякую определенную революционность теории топят в море общих отвлеченных рассуждений, в океанах каучуковых резолюций.

Вместо того, чтобы ставить практически и конкретно — по-революционному [1])—вопрос о новой полосе капитализма и о необходимости разрушения буржуазного строя и борьбы за диктатуру пролетариата, теоретики II Интернационала рассуждали о капитализме и демократии вообще, о «мирном врастании», о классовой борьбе вообще, отодвигая историческую задачу пролетариата в неопределенное будущее. Т. о., вместо того, чтобы пользуясь диалектическим методам Маркса, развивать революционную теорию применительно к новой исторической эпохе и решительной борьбе пролетариата за власть, вместо этого меньшевизм опошляет эту теорию, подменяет ее пустыми догмами, схематикой, бессодержательной абстракцией, метафизической эклетикой. Теория и метод Маркса, т. о., не только не служили во II Интернационале руководством для революционного действия, но, напротив,—было сделано все, чтобы превратить их в худшую догму, в средство для бездействия пролетариата, для его покорности буржуазному строю.—Какая насмешка над великим Марксом!

В этом—суть методологии и теории II Интернационала, соответствующая его делам.

Ленин превосходно видел эти суть и характер метода и теории II Интернационала. В письме к Шляпникову, от 27/IV 1914 г., опубликованном в II «Ленинском Сборнике», Владимир Ильич выражает это следующими словами: «Нет на свете ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского (идейного вождя II Интернационала в ту эпоху П. С.), желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголением разбуженную совесть рабочих» (стр. 200—201).

Очевидно, т.о., что метод, теория, тактика, ленинизма и оппортунизма в корне противоположны и враждебны друг другу. Недаром Ильич вел борьбу с оппортунизмом в самых различных его проявлениях. Недаром он так умел разглядеть, вскрыть оппортунизм в самом его зародыше, усмотреть тенденции его развития.

[1]) Действительно конкретная (в марксистско-ленинском самысле) постановка вопроса есть всегда постановка его по-революционному.

* * *

Это было в 1902 г. Редакция «Искры» и группа «Освобождение Труда» вырабатывали программу российской пролетарской партии. И вот при выработке этой программы обнаружились две принципиально—методологически и политически—различных точки зрения—Ленина с одной стороны и Плеханова и комиссии, т.-е. будущих меньшевиков—с другой.

Первый проект написал Плеханов. Но, этот проект сразу же встретил со стороны Ленина отпор. Ленин указал, что проект Плеханова страдает рядом теоретических погрешностей, пассивизмом, абстрактностью и смазанностью формулировок во многих важных местах.

Убедившись в неприемлемости для себя первого плехановского проекта, Ленин написал свой проект программы, историю разработки которого мы находим в сборнике. Об этом ниже.

Плеханов представил второй проект программы, значительно переработанный и разработанный. Но второй проект встретил также решительный отпор Ленина. И замечания и отзыв Ленина на этот проект чрезвычайно важны для понимания методологической и политической сущности ленинизма и меньшевизма.

В замечаниях и отзыве Ильича говорит революционный, гениальный вождь пролетариата, ведущего историческую борьбу за власть. «Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект программы неприемлемым, считаю,—пишет Ленин,—весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung, это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (стр. 65). Или в другом месте: «этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма, (здесь курсив наш. П. С.), а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще». (Стр. 88). Или еще—проект страдает «крайней абстрактностью многих формулировок, как-будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций» (стр. 86).

«В особенности, продолжает Ленин, не пригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, об'явление ею войны русскому капитализму... Отделаться же тем, что капитализм» в своем развитом виде отличается вообще такими-то свойствами,—а в России капитализм «становится преобладающим», значит уклониться от того конкретного обвинения и об'явления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее (стр. 88—89).

«Программа русской социал-демократической партии (так тогда называлась наша партия. П. С.),—подчеркивает Ленин,—должна начаться характеристикой (и обвинением) русского капитализ-

ма,—и затем уже подчеркнуть международный характер движения, которое по форме своей—говоря словами Коммунистического Манифеста — необходимо является началом национальным» (стр. 66).

Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма» (стр. 89).

Так формулирует Ленин основное несогласие, основное методологическое и, тем самым, политическое расхождение с Плехановым (ибо за методологическими разногласиями скрываются политические и обратно,—что особенно видно из этого спора Ленина с Плехановым). Это разногласие являлось одним из первых столкновений между методологией Ленина и II Интернационала. Критикуя плехановский проект, Ленин очертил суть меньшевизма и оппортунизма всех стран, рассыпающего в эпоху борьбы пролетариата за власть фразы о капитализме и борьбе вообще.

Но такова уж диалектика пролетарской борьбы, что тот, кто остается в эту эпоху на почве общих рассуждений, общих фраз, расплывчатых замазанных формулировок, пустых абстракций, кто рассуждает на словах о капитализме и империализме вообще, и не ставит по-революционному, конкретно вопрос о борьбе со **своим** капитализмом, оказывается на деле прикованным к колеснице данного капитализма, а тем самым и капитализма «вообще»; кто же, напротив, изучает диалектику конкретных особенностей и своеобразия капитализма, а следовательно и условий борьбы с ним, в каждом данном времени и месте, кто недвусмысленно определенно резко ставит и решает практически по-революционному вопрос о **разрушении своего капитализма**, т.-е. о борьбе с существующим в данной своей стране национальным отрядом мировой буржуазии, тот оказывается в первых рядах международной армии пролетариата, действительно борющегося за свое освобождение.

Вот почему Ленин и подчеркивал, что революционная партия пролетариата эпохи борьбы за власть должна не только критиковать (и притом недвусмысленно) и звать к свержению капитализма и империализма вообще; она должна конкретно учесть особенности борьбы прежде всего против **своего непосредственного ближайшего врага**, того, который ей ближе и потому—вреднее, опаснее всего—должна практически поставить и решать вопрос прежде всего о **его** свержении и разрушении, о завоевании власти и диктатуре пролетариата **у себя** в стране; сочетая, конечно, эту борьбу и т. д. с борьбой международного пролетариата.

Именно, это имел в виду Ленин, критикуя в плехановском проекте суть будущего меньшевизма.

Любопытно, что эти две точки зрения представлены Лениным и Плехановым.

Плеханов—глубокий, превосходный популяризатор Маркса, блестящий борец за марксистскую теорию против русских «критиков» ее, однако, не был и не мог быть вождем и представителем борющегося пролетариата. Его роль для пролетариата развернулась и ограничилась, главным образом, концом прошлого столетия, когда пролетариат России еще только выходил на историческую арену и путался в сетях народнических, буржуазных и

даже царистско-крепостнических иллюзий и влияний—от Михайловского и его эпигонов, через Струве и до монархических проповедников. Плеханов нашел тогда общее теоретическое оружие для «критики критиков» и для разоблачения враждебных пролетариату иллюзий и теорий в учении К. Маркса и блестяще доказал, что оно есть единственная теоретическая основа пролетарского движения.

Но практически Плеханов оставался не связанным с русским и международным революционным рабочим движением. Он не знал его своеобразных особенностей и условий развития. Не ему, а Ленину суждено было дать анализ развития капитализма в России и стать во главе пролетарской борьбы за освобождение от русского и мирового капитализма.

Плеханов же, роль которого ограничивалась только ролью учителя марксизма на заре русского рабочего движения и «критика критиков», привык оперировать общими законами марксизма, но не умел приложить их к условиям и обстановке российской борьбы, к категориям новой эпохи, нового этапа капитализма. Здесь он оказывался беспомощным и всегда занимающим поэтому неверную позицию. Этим были определены и предрешены не только его методологическая позиция при выработке программы, но и дальнейший политический отход от борющегося пролетариата, приведший его в болото социал-шовинизма.

Не случайно, т. о., две точки зрения, два метода столкнулись при выработке программы РСДРП в лице Ленина и Плеханова.

В той же методологической плоскости, по той же политической линии идут и некоторые другие возражения Ленина Плеханову.

Ленин, например, возражает против плехановской формулировки вопроса—что в капиталистическом обществе «постоянное усовершенствование техники»... вызывает...—«увеличение значения крупного производства... сужение роли мелкого». Это общая, абстрактная, неотчетливая, не конкретная, не революционная постановка вопроса, говорит Ленин. «Вместо этого нужно было сказать—«вытеснение мелкого производства крупным». Почему? Да потому, что первая формулировка «выражает только этот процесс **более туманно и более расплывчато**» (стр. 71).

«Слово же «вытеснение» каждому мастеровому и каждому крестьянину приведет на мысль десятки и сотни знакомых ему примеров» (стр. 71). «И с точки зрения стиля нежелательны эти слова «увеличение значения и сужения роли» вместо вытеснения. Это—не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей». Это—не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника. Эти слова точно нарочно подобраны для того, чтобы читатель вынес впечатление, будто характеризуемый процесс, есть процесс не резкий, не заканчивающийся ничем определенным, процесс безболезненный. А так как в действительности все это обстоит как раз наоборот, то **постольку** эти слова являются прямо неверными. Мы не можем и не должны выбирать наиболее **абстрактные** формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян! Обращаясь к ним,—подчеркивает Ленин,—мы должны сказать klippund klar (ясно), что капитал «делает их слугами и данниками», «разоряет» их, «вытесняет» их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает га-

ждый кустарь и каждый крестьянин. И только из такой формулировки будет вытекать неизбежно вывод: единственное спасение для вас—примкнуть к партии пролетариата» (стр. 72).

С этой же методологической и политической точки зрения Ленин, например, пишет—«по поводу характеристики социальных последствий капитализма надо сказать, что проект тут в особенности страдает абстрактностью, ограничиваясь совершенно недостаточным положением: «умножение трудностей борьбы за существование и всех связанных с ней лишений и страданий». Указать более определенно (курсив здесь везде автора П. С.), именно на те социальные последствия, которые особенно тяжело ложатся и на рабочий класс, и на мелких производителей, представляется мне безусловно необходимым» (стр. 76).

Одним из основных пунктов разногласия между Плехановым и Лениным, «имеющими также до сих пор актуальный характер», был спор по вопросу о характеристике роли и взаимоотношений мелких производителей (крестьянства) и пролетариата, в подготовке и в осуществлении пролетарской революции.

Проект Плеханова и комиссии по выработке программы формулировал ответ на этот вопрос так: «растет недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, обостряется ее борьба—и прежде всего борьба ее передового представителя—пролетариата... «Международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения трудящейся и эксплоатируемой массы. Она организует ее боевые силы» и т. д.

Ленин показывает комиссии в чем заключается неверность этих формулировок с точки зрения марксизма.

«Они в совершенно односторонней и неправильной форме изображают отношение пролетариата к мелким производителям.. Они прямо противоречат основным положениям и «Коммунистического Манифеста» и статутов Интернационала и... открывает настежь двери для народнических, «критических» и всяких мелко-буржуазных недоразумений... «Растет недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы»—это верно, но недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять и сливать, как это здесь сделано. Недовольство мелкого производителя очень часто порождает (и неизбежно должно в нем или в значительной части его порождать) стремление отстоять свое существование как мелкого собственника, т.-е. отстоять основы современного порядка и даже повернуть его назад.

Т. о., по мнению Ленина, проект Плеханова и комиссии выпячивает положительную роль мелкой буржуазии и замазывает ее консервативную, реакционную сторону, затушевывает, что «помимо пролетариата, другая часть» трудящейся и эксплоатируемой массы» (т.-е. главным образом мелкие производители) лишь отчасти революционны в своей борьбе с буржуазией» (стр. 89). А между тем «мы обязаны указать на консервативность мелкой буржуазии. И лишь в условной форме мы должны указать на ее революционность. Только такая формулировка, говорит Ленин, будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса» (стр. 79—80).

«Затем место «диктатуры пролетариата» (в проекте программы. П. С.) заняла—«революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, стра-

дающего от капиталистической эксплоатации» (стр. 89). «А между тем,—настойчиво подчеркивает Ленин,—«признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Коммунистического Манифеста, что пролетариат один только есть действительно революционный класс» (стр. 81), что другие слои хотя и будут его поддерживать (и нужно чтобы они поддерживали), но будут это делать колеблясь и изменяя. Поэтому Ленин и подчеркивает необходимость резко формулировать в программе пункт о диктатуре пролетариата и выступает на защиту того, что он потом практически подготовлял, и, как вождь восставшего пролетариата, проводил осуществлял, укреплял. И не случаен, как им уже говорили, тот факт, что противником этой позиции Ленина выступал Плеханов, будущий наиболее последовательный из российских социал-шовинистов.

Здесь в теоретическо-политической форме столкнулось т. о. то, что потом практически развело Ленина с Плехановым и меньшевиками по разные стороны баррикад Октябрьской революции.

Эти формулировки Плеханова, как верно замечает тов. Каменев, «методологически топили специфическую роль пролетариата в общем «недовольстве» всей «трудящейся и эксплоатируемой массы» (стр. 12). Политически же они означали отказ от роли пролетариата, как гегемона революции, как единственно до конца революционного класса, класса, на котором (и только на нем) лежит историческая миссия освобождения всего человечества. Они таили в себе будущую меньшевистскую позицию отказа от диктатуры пролетариата—недаром о ней ни слова не говорилось во втором плехановском проекте программе. Они означали — «тенденцию превращения с.-д. не в пролетарскую боевую партию, а в партию мелкой буржуазии—«с.-д..., организует ее боевые силы». Здесь т. о. неверные методологические позиции Плеханова и комиссии, принявшей его проект за основу, обнаружили уже совершенно ясно свое политическое лицо, лицо обращенное фактически против революционного пролетариата. Недаром Ленин подверг особенно жестокой критике этот пункт программы.

Ленин лучше других понимал, что пролетариат, для совершения революции против буржуазии должен заключить союз с трудящимися не эксплоатирующими массами города и особенно деревни. Он знал, что для этого со стороны революционного пролетариата нужны реальные «уступки» трудящемуся крестьянину. Но он превосходно знал, что пролетариат может вести за собой этот колеблющийся класс, только тогда когда отчетливо видит свои особые цели, когда имеет ясное представление о том, кого хочет вести, с кем будет в «союзе», когда пролетарская партия не двусмысленно, не замазывая ничего, покажет и самому трудящемуся крестьянину, как она со своей точки зрения смотрит на его бедственное при капитализме положение, какой выход, какую и за что она ему предлагает и что сулит ему союз с рабочим классом против буржуазии. Краеугольным камнем ленинской политической методологии было положение: чтобы объединиться, надо прежде размежеваться,—«обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно и исключительно, пролетариат,—а потом уже заявлять что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает». Не отгородившись сначала, не подчеркнув резко свою особую пози-

цию и свои особые цели, свое отношение к возможному и необходимому союзнику, пролетариат и его партия вместо того, чтобы твердо вести за собой массы, сам растворится в колеблющемся «союзнике», сам подпадет под его влияние и этим оттолкнет массу, которую хочет взять в союз—к союзу с буржуазией. И «чем более в практической части нашей программы—подчеркивает Ленин—проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (например, крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным социальным элементам в принципиальной части программы, ни на иоту не переступаясь своей точкою зрения» (стр. 83).

Только тогда мы можем повести их за собой. Если же поступать иначе, то «это было бы лучшим средством разрушить веру в нас, как раз у тех половинчатых и дряблых союзников, которым и без того не хватает веры в нас». (стр. 82—83).

Ленин всегда определенно указывал, что крестьянству, если оно хочет добиться разрешения своих наболевших вопросов, необходимо итти за пролетариатом, под его твердым руководством, принимая основы его позиции; передовому же сознательному авангарду пролетариата—партии—чтобы дать это крестьянству и тем укрепить союз с последним пролетариата, поддержку его крестьянством, необходимо решительно отстаивать классовую выдержанность и революционную определенность своей программы, своей тактики, своей стратегии, блюсти строго пролетарский характер своих рядов, строить свою организацию на принципах, соответствующих именно пролетарским задачам и их боевому решению.

Вся история большевизма, Октябрьской революции и строительство Советского государства показывает, насколько верна эта ленинская позиция и насколько важны тогдашние его споры с Плехановым и комиссией при выработке программы.

Убедившись, что весь предлагавшийся Плехановым тип программы для партии борющегося пролетариата методологически неверен, что в ряде существеннейших вопросов этот проект скатывается от марксизма в болото мелко-буржуазных формулировок, Ленин выдвинул свой проект, начало работы над которым относится еще к 1896 году. Уже тогда, а затем в проекте программы от 1900 года отчетливо видна указанная нами выше характерная черта ленинского диалектического метода—его умение конкретно ставить и конкретно решать вопросы.

Те требования к программе борющейся партии рабочего класса, которые выставил Ленин, критикуя плехановский проект сугубой конкретности, отчетливости, резкости формулировок, заострения вопроса о развитии российского капитализма и его своеобразных особенностей, об особых великих задачах пролетариата, о его роли, как гегемона революции и вождя трудящихся и эксплоатируемых масс, в особенности крестьянских—все это есть в первоначальном виде и в программе 1900 года.

Но только в проекте программы 1902 г. эти моменты получили у Ленина то законченное и отточенное выражение, которое должно быть по его мнению в программе российской пролетарской боевой партии.

Комиссия положила в основу программы плехановский, а не ленинский проект. Особенно резко отозвался о последнем Плеханов. Он назвал его совершенно непригодным и заявил, что,

если этот проект будет принят, то «выйдет что-то вроде нового раскола». К сожалению, подробной критики Плехановым ленинского проекта не имеется.

Ленин мог добиться только того, что ряд формулировок плехановского проекта был комиссией частью изменен, частью заострен в программе. Так, была принята ленинская формулировка—«вытеснение мелких самостоятельных производителей», в более ярких выражениях обрисованы социальные бедствия и противоречия капитализма, сказано о необходимости для социальной революции завоевания пролетариатом власти и о его классовой диктатуре. Наконец, полнее формулирован пункт об остатках крепостничества и его реакционной роли.

Но общий характер программы остался Плехановским, попрежнему осталась та же формулировка отношений пролетариата и мелкой буржуазии, попрежнему (хотя и в иных выражениях» смазана роль пролетариата, как единственно революционного класса и гегемона революции.

Проект комиссии с некоторыми изменениями (главным образом в практической части) был, как известно, принят II с'ездом РСДРП. Ленин своего контр-проекта не выдвинул и поддерживал проект комиссии. Причины этого требуют еще дальнейшего выяснения.

Таковы эти интереснейшие и важнейшие для понимания методологии ленинизма и корней расхождения меньшевизма и большевизма, материалы, опубликованные Ленинским институтом в «Сборнике» № 2. Они представляют, как мы видели, колоссальнейшую ценность для изучения ленинизма, чему много помогает научная тщательность, с которой выполнены их разбор и опубликование.

II

Чрезвычайно интересным материалом, который публикуется далее во II-м Ленинском сборнике—являются письма Владимира Ильича и Надежды Константиновны к тт. Шляпникову и Коллонтай за время от начала войны до февральской революции.

С маленькой еженедельной газетой против всей своры буржуазной, социал-шовинистической и социал-пацифистской прессы, с небольшой группой большевиков и революционных соц.-демократов западных стран, против всего течения стихии войны, почти лишенный связи с Россией, Владимир Ильич тем не менее упорно ведет пропаганду своих взглядов, ставших платформой циммервальдской левой,—и работу над собиранием сил будущего Коммунистического Интернационала. При этих условиях, конечно, он придает большое значение переписке, как одному из средств вербовки своих сторонников, воспитания их, руководства их работой. В частности, с тов. Шляпниковым он ведет особенно значительную переписку, в которой неустанно, тщательно, терпеливо развивает свои взгляды и направляет работу последнего; это об'ясняется тем, что Шляпников после ареста ЦК, редакции и думской пятерки, был почти единственной важной связью с Россией.

Вот почему эти письма весьма важны для нас, как документы, в которых ленинский метод, ленинская теория, и тактика получают нередко заостренную, подчеркнутую формулировку.

Империалистическая война показала, что капитализм зашел в тупик, что наступила пора его распада, гибели, и что в порядке дня стоит борьба за диктатуру пролетариата. Но, чтобы разглядеть это за завесой империалистического угара, разгула национальной ненависти и смердящего разложения II Интернационала, нужен был гений Ленина, оружие его диалектического метода и та глубочайшая классовая ненависть, которой платил Ленин буржуазии и ее лакеям из II Интернационала.

Война—неизбежное следствие загнивания монополистического капитализма—по своим целям и характеру империалистическая, захватническая, грабительская, в корне враждебная интересам пролетариата. Социал-шовинисты и оппортунисты, прикрывают эту суть новой, империалистической войны, лозунгами обороны отечества, гражданского мира и т. д., т.-е. помогают буржуазии направить рабочих и трудящихся друг на друга.—Поэтому,—подчеркивает Ленин,—необходимо беспощадное разоблачение и полный разрыв с оппортунистами.

«Наше дело теперь,—пишет он Шляпникову,—беспощадная война с шовинизмом..., особенно с «социалистическим шовинизмом» Плеханова, Гэда, Каутского (самый подлый из всех лицемер) и к-о» (стр. 204).

«Весь гвоздь задачи в России,—пишет он Шляпникову 27/X 1914 г.—организовать идейный отпор оппортунистам»...

В «Письме к лиге социалистической пропаганды в Америке» Ленин твердит... оппортунисты «должны быть исключены из партии, особенно после предательского поведения их во время войны»..., «мы настаиваем на **разрыве** с соглашателями» (стр. 256—257).

Почему же Каутского назвал Ленин «самым подлым» из всех оппортунистов?

Каутский во время войны стал вождем т. н. центра; суть его позиции заключалась в том, что он замазывал действительные цели войны, ее захватнический и в корне враждебный пролетариату характер, говорил об империализме вообще и «не разоблачал конкретных империалистических намерений **своего** правительства», не призывал к его свержению, не разрывал с оппортунистами, ограничивался «общим пожеланием», «добренького» мира без захватов и т. д., замалчивая, что это невозможно по самой природе империализма, пока не будет порвана его цепь.

«Чтобы не прикрашивать империалистической войны, чтобы не помогать буржуазии облыжно выдавать такую войну за национальную, за освобождающую народы, чтобы не оказываться на позиции буржуазного реформизма, надо было бы говорить не так, как Каутский и Туратти, а так, как говорил Карл Либкнехт, надо было заявить **своей** буржуазии, что она лицемерит, толкуя о национальном освобождении, что демократический мир невозможен в связи с данной войной, если пролетариат не «обратит оружия» против своих правительств» (статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» (стр. 305).

«Не тот,—продолжает Ленин,—работает действительно на пользу демократического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот кто разоблачает империалистский характер и данной войны и подготовляемого ею империалистского мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств» (там же стр. 306). Каутский же «бросает на ветер прекраснодушные фразы, об'ективное значение которых совершенно равносильно христианской святой водице, окропляющей коронованных и капиталистических разбойников» (стр. 303).

«Оппортунисты,—пишет Ленин. Шляпникову,—зло явное. «Центр» немецкий с Каутским во главе—зло прикрытое, дипломатически подкрашенное, засоряющее глаза, ум и совесть рабочих, опасное более всего» (стр. 195). «До того опасна и подла его софистика, прикрывающая самыми гладкими и прилизанными фразами пакости оппортунистов» (в Neue Zeit») (стр. 194—195). Если,—пишет пророчески Ленин 27/X—1914 г.,—это удастся, он (т.-е. Каутский. П. С.) станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении» (стр 201).

Поэтому Ленин и говорит о Каутском:—«Каутский всех лицемернее, всех отвратительней, всех вреднее» (стр. 198); «Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех» (стр. 200).

Гвоздь момента для революционной с.-д.—в полном разрыве со всяческим оппортунизмом и соглашательством, и Ленин настойчиво предостерегает Шляпникова: «Ни малейшего доверия ни прямо, ни косвенно не выражайте никому из оппортунистов, ни немцам, ни французам» (стр. 203).

Шляпников имел совещание с Трульстрой (центристом-каутскианцем) в Стокгольме 23/V—24 г. Ленин твердит Шляпникову: «Жалею, что вы метали бисер перед ним» (201)... «Трульстра вас обманул или ввел в заблуждение. Он—архиоппортунист и агент интриг самого подлого центра самых подлых оппортунистов—немецких с.-д. (с Каутским во главе, подло защищающим оппортунистов) и с их подлейшим Форштандом. Ни на какие конференции, ни на какие шаги по инициативе подобных мерзавцев мы не пойдем» (стр. 203).

Против ленинской позиции, ставшей платформой циммервальдской левой (ячейки будущего III Интернационала) и вызвавшей бешеный злобный натиск всей своры «теоретиков» и писак буржуазных оппортунистов, выступил, как известно, также и тов. Троцкий в издаваемых им тогда в Париже газетах «Голос», а затем «Наше Слово».

Позиция т. Троцкого сводилась тогда к следующему. Он разоблачал грабительскую сущность войны и высказывался против социал-шовинизма, но он, во-первых, был **против** лозунга пораженчества и гражданской войны, противопоставляя им лозунг: ни побед, ни поражений, а борьба за мир; во-вторых, он не порвал **решительно** с оппортунистами, с меньшевистским ОК и с меньшевистской фракцией Чхеидзе, вместе с тем высказываясь против циммервальдской левой.

Всем этим он, как известно, вызвал заслуженное решительное и резкое разоблачение оппортунизма его позиции со стороны Ленина в «Социал-Демократе» и «Коммунисте».

Статьи Ленина, разоблачающие вредность позиции Троцкого во время войны, опубликованы и в сборнике «Против течения» и в XIII томе Собр. соч. В письмах к Шляпникову Ленин тоже дает характеристику позиции т. Троцкого, главным образом, по вопросу об его единстве с оппортунистами.

Троцкий, как известно, до войны, во время борьбы большевиков с ликвидаторами занимал позицию «внефракционности» на словах, на деле же помогал борьбе ликвидаторов (т.-е. отчаян-

нейших и вреднейших оппортунистов) не только тем, что был против решительного разрыва с ними, но и тем, что он устраивал с ними блоки против большевиков (т. н. августовский блок.). Тем более поэтому было опасно во время войны его нежелание разорвать определенно и решительно, не на словах, а на деле с оппортунистами из фракции Чхеидзе (русскими каутскианцами), а тем самым и с ОК меньшевиков, т.-е. с социал-шовинистами. Вместе с его позицией против лозунга пораженчества и гражданской войны и против циммервальдской левой, это означало со стороны методологической—неумение диалектически поставить и решить вопросы, сидение на стуле метафизической фразы; политически же—в ту эпоху бешеного невиданного расцвета предательства, оппортунизма, социал-шовинизма, каучуковых, насквозь лживых фраз, в эпоху, когда только маленькая группка солидарных с Лениным товарищей шла против этого течения, нежелание порвать окончательно с оппортунизмом и борьба против позиции и организации левой циммервальдской, были не что иное, как один из наиболее тонких и потому наиболее опасных, вредных видов поддержки социал-шовинизма и через его посредство буржуазной войны.

Вот как оценивает Ленин методологически эту позицию Троцкого в письме к тов. А. Коллонтай (лето 1915 года).

«Роланд-Хольст, как и Троцкий, по-моему, все вреднейшие «каутскианцы», в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма» (курсив здесь и ниже Ленина, стр. 245).

А вот и определенная политическая оценка тогдашней позиции Троцкого (в письме к Шляпникову от сентября 1916 года):

«Главным партийным вопросом в России был и остается вопрос о «единстве». Троцкий в 500—600 №№ своей газеты так и не договорил и не додумал до конца: единство с Чхеидзе, Скобелевым и К-о или нет... Примиренчество и об'единительство есть вреднейшая вещь для рабочей партии России, не только идиотизм, но и гибель партии. Ибо на деле «об'единение» (или примирение и т. п.) с Чхеидзе и Скобелевым (в них гвоздь, ибо они выдают себя за «интернационалистов», есть «единство» с окистами, а через него с Потресовым [1]) и К-о, т.-е. на деле лакейство перед социал-шовинистами. Если Троцкий и К-о этого не поняли, тем хуже для них»... (стр. 278).

«Чхеидзе и К-о,—пишет Ленин Шляпникову 23/VIII—1915 г. явно виляют: они верные друзья «Нашего Дела», ими доволен Алексинский... и они же «играют» в левизну при помощи Троцкого. Думаю,—добавляет Ленин,—сознательных правдистов не проведут» (стр. 240).

В другом письме к Шляпникову (осень 1915 года):

—«Троцкий и К-о заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы «замазать» разногласия и «спасти» оппортунизм «Нашей Зари» при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе (вернейших друзей «Нашей Зари») (стр. 243).

---

[1]) Вождь ликвидаторов справа, социал-шовинист.

[2])

Чтобы еще более подчеркнуть суть вреда подобной позиции, Ленин в цитированном уже письме к Шляпникову от сентября 1916 года после слов о позиции Троцкого подчеркивает: «Вообще по всем вопросам партийной практики «единство» с Чхеидзе и К-о есть гвоздь сейчас. Полагаться мы можем на тех, кто понял весь обман идеи единства и всю необходимость раскола с этой братией (с Чхеидзе и К-о) в России. Беленину (т.-е. Шляпникову. П. С.) надо бы сплотить только таких людей для роли руководителей» (стр. 278).

В письмах Ленина к Шляпникову и Коллонтай затронут еще ряд существеннейших вопросов программных, тактических и организационных. На всем протяжении их мы видим, как Владимир Ильич внимательно, настойчиво, твердо руководит идейной линией и практикой, как он пробует все пути, не упускает мелочей, чтобы пробудить сознание рабочих масс, чтобы наладить работу, чтобы привлечь преданных левой Циммервальда товарищей, чтобы пробить еще лишнюю брешь в стене шовинизма и оппортунизма. При этом у него, как всегда, колоссальная вера в рабочих и надежда именно на их поддержку.

Письма показывают нам не только, как Ленин руководит работой товарищей, но и как он заботится о них, подбадривает их и проч. Сам же Ильич в это время мужественно переносит все невзгоды и тяжелые материальные условия жизни, не жалуясь. Только совсем изредка у него прорывается: «О себе лично скажу,—пишет он Шляпникову, в конце того же письма (стр. 279),—что заработок нужен, иначе прямо околевать, ей-ей. Дороговизна дьявольская, а жить нечем», и затем просит наладить получение денег за статьи и «насчет переводов». «Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне». Каким же должно было быть материальное положение вождя рабочего класса, такого вождя и такого человека, как Ленин, если он написал эти «скупые, но потрясающие слова».

Мы сознательно ограничили себя рассмотрением только указанных материалов сборника. Недостаток места не позволяет почерпать все богатства этого сборника, являющегося, поистине, ценнейшим подарком партии от института имени В. И. Ленина.

П. Сапожников.

Томас Н. Ашкрофт. Очерк современного империализма. Перевод с английского А. И. Ромма. „Красная Новь". Москва. 1924 г. Стр. 159.

Глубокое разочарование ожидает любознательного читателя, надеющегося в рецензируемом „очерке" найти теоретический анализ тенденций развития империалистической стадии капитализма или, по крайней мере, удовлетворительное историко-систематическое изложение „основ" империалистической политики. Ни того, ни другого книжка Ашкрофта в сущности не дает, хотя автор, выпуская ее в свет в качестве учебника для английских пролетариев, явно претендовал и на то и на другое.

Вступать в длительную полемику с автором по поводу великого множества погрешностей „против истины"—значит слишком переоценивать качества „произведения" Ашкрофта. Приходится поэтому ограничиться характеристикой лишь отдельных, наиболее интересных моментов. К числу последних относятся, прежде всего, первая и по-

следиям главы книжки, претендующие быть названными „теоретико-экономическими“. Уже первые строки об „экономике империализма“ поражают исключительно ясным, чеканным мышлением и проникновением в „глубь вещей“: „История современной Европы и ее войн сама собой (!) естественно (!!) распадается на три части. Это — периоды меркантилизма, национализма (!!!) и империализма“... (Стр. 9). Нельзя, конечно, возражать вообще против деления „истории современной Европы“ на периоды, но против т а к о й „периодизации“ следует категорически протестовать, ибо ничего, кроме чистой „словесности“, в ней нет. В самом деле, если критически проверить эту, с позволения сказать, „схему“ по тому признаку, который положен в основу деления рассматриваемой эпохи, то от периодов не остается и следа. Период меркантилизма характеризуется борьбой „за захват торговых рынков и монополий в других частях света. То был долгий период больших и малых войн“... (Стр. 9). Период же империализма характеризуется проблемой „как быть с излишками производства?“ (стр. 12), разрешаемой „подысканием или созданием в сравнительно отсталых странах новых областей для выгодного помещения капиталов“ (стр. 18). В первом случае захватываются рынки и ведутся войны; во втором случае... захватываются рынки и ведутся войны (иллюстрация — вся книга!). А где же разница?! И с ч е з л а я к о в о с к п р е д л и ц о м о г н я! Ошибка автора совершенно очевидна: основным критерием, лежащим в основе деления на периоды, взяты не внутренне-структурные признаки данной экономической системы, а ее внешне-политические спутники. Непонимание этого автором особенно ярко иллюстрируется так назыв. „периодом национализма“, сущность которого заключается, видите ли, в том, что „с развитием капитализма все нации были охвачены стремлением (!) к установлению г е о г р а ф и ч е с к и х границ“... (курсив автора реценз. книги (стр. 9). „Чтобы достичь э т о й ц е л и (слушайте!), молодой класс капиталистов-промышленников добивался политической власти и очищал свой путь от старых барьеров и рогаток, оставшихся от феодальной системы и политики меркантилизма“... т. п. (стр. 10). Все чрезвычайно просто! Развивается капитализм, нации стремятся к установлению границ, класс капиталистов захватывает власть и... получается „период национализма“!.. Но все это лишь „пролегомены ко всякой будущей“... тарабарщине—именно „теории“ империализма. В сущности о д н о й теории у Ашкрофта нет: по самым скромным подсчетам у него три „теории“, все имеющие одну и ту же общую черту — несостоятельность. Прежде всего мы узнаем, что „основная движущая сила современного империализма — это эксплоатация трудящихся на родине“ (стр. 18). „Эксплоатация трудящихся на родине,—читаем мы в другом месте, — сужение внутреннего рынка, происходящее (!) от того, что уровень жизни трудовых масс снижается до самой крайней степени,— вот основная (!) причина, заставляющая капитал искать выгодного помещения на стороне“... (стр. 13). Таким образом, центральным пунктом экономической системы империализма делается „теория обнищания“, в ее упрощенно-вульгарной трактовке à la Родбертс. Оставляя в стороне даже то обстоятельство, что „теория“ Ашкрофта имеет своей подосновой нелепое представление о распадении совокупного общественного продукта на два элемента (первонач. капитал и прибавочн. ценность), несостоятельность ее обнаруживается уже в ф а к т е п о в ы ш е н и я уровня жизни рабочих в метрополиях за счет усиления нажима эксплоатационного пресса в колониях, в факте, долженствующем устранить — по Ашкрофту — самую н е о б х о д и-

м о с т ь империализма. Такова „теория“ № 1. „Теория“ № 2 ошеломляет „бездной“ экономической премудрости и прямо-таки перлами „новых открытий и изобретений“. Сюда относится прежде всего следующее „откровение“: „Когда преобладающей отраслью промышленности становится уже не т е к с т и л ь н о е, а м е т а л л у р г и ч е с к о е[1] производство, то мы имеем дело с самой поздней и с самой (!) высшей (!!) стадией капиталистического развития“... (стр. 13). А империализм является „следствием (!!) перехода от преобладания в производстве и вывозе текстильных товаров к преобладанию товаров металлургических“... (стр. 139). Но так как это еще ничуть не об'ясняет железной н е о б х о д и м о с т и империализма, то к сему присовокупляется такое соображение о трудности реализации продуктов металлургической промышленности: „С железными и стальными товарами дело обстоит не так просто (как с текстильными *С. Р.*). Во первых, эти товары используются (!) и окупаются, а стало быть (!!), и продаются,—очень медленно (?!). А когда ценности производятся не для прямого (!!!) использования, а для получения прибыли, то это очень серьезное затруднение“... (стр. 12). Действительно, велико затруднение для читателя продолжать чтение книжки, после такого образчика безграмотной болтовни, могущей затмить своей нелепостью писания „классических“ вульгаризаторов политической экономии в роде Сэ-Бастиа. Выходит, что корни империализма таятся в замедленном темпе реализации железа и стали, тогда как при реализации продуктов текстильной индустрии „нужно было только (!) продать или променять (!) свой товар“... Почему при реализации пресловутых „стали и железа“ требуется целая система „агрессивного экономического империализма“ (терминология автора. *С. Р.*), а при реализации „текстиля“ не требуется — остается сокровенной тайной Т. Ашкрофта. Позволительно в связи с этим отметить еще одну черту „теории“ № 2. Из всего контекста следует, что сущность империализма заключается „в выгодном помещении капитала на стороне“. С другой стороны, Ашкрофт видит сущность такового в „экспорте средств производства“, ставя очевидно знак равенства между средствами производства и капиталом и скатываясь тем самым в болото „логических“ категорий капитализма. Как велика сила абстрактно-теоретического мышления автора, показывает определение им категории средств производства: „Так называются ценности (железные и стальные рельсы, машины, строительные материалы), которые обслуживают потребителя не п р я м о, а к о с в е н н о (курсив автора. *С. Р.*) т.-е. принимая участие в производстве пищи, одежды и проч. предметов непосредственного потребления“... (стр. 153). Надо полагать, что приведенная цитата делает уже не нужным дальнейшую характеристику „теории“ № 2, „железо-стальное“ обоснование которой нисколько не гарантирует ее состоятельность. В своей третьей „теории“ автор как будто ближе подходит к истине. Но только „подходит“, ибо его понимание империализма, как завершения перехода „капиталистического производства от конкуренции к монополизму“, носит специфически присущие Ашкрофту черты поверхности и необоснованности. Для него это всего лишь „другая сторона“ вопроса и, к а к т а к о в а я окрашивается всеми цветами спектра вышеизложенных теорий. Монополистический капитализм имеет, видите ли, своей причиной „падение (!) прибылей, вызываемое (?!?) неуклонным удешевлением товаров“ (стр. 140). Заметим кстати, что Ашкрофта мало бес-

[1]) Курсив наш. *С. Р.*

покоит отмеченная на стр. 21—вопреки этому новому „закону"—тенденция к неуклонному вздорожанию их", которая „сразу" (!) повысила (!!) количество капиталов"... и т. д. Не желая утруждать читателя критикой нового „закона" о падении прибылей, укажем лишь на ту каутскианско-оппортунистическую вермишель, которой автор венчает свою „теорию" № 3. „Современный нам период,—вещает сей муж „велиего разумения", — это период организации мирового треста"... „Рано или поздно все национальные капиталы будут (?!?)[1] поглощены единым международным трестом, который сперва будет распадаться по отдельным производствам, а потом охватит их все"... (стр. 141). ... „Мировая война, которой суждено (!) создать мировое капиталистическое единство, должна итти в ничью"... „Борьба, с некоторого (!!!) времени идущая в капиталистическом мире, теперь, вероятно, примет форму установления мирового равновесия (!!!) держав"... (стр. 148). И все это преподносится прямо-таки в аподиктической форме, не допускающей никаких возражений. „Таковы „теории" империализма Ашкрофта, лишенные какой-либо внутренней связанности, преподносимые в виде словесно амальгамированной единой теории и долженствующие явиться основой для об'яснения империалистической политики. Естественно, что конкретно-историческая часть (составляющая 5/6 всей книжки), при таких социологически-некрунднрованных теоретических предпосылках, не может не разделять недостатков последних. Здесь автор увязает в обилии деталей, хронологических дат, характеристик исторических персонажей, тем самым придавая исследованию „империалистической экспансии" летописно-повествовательный характер. Царственные особы, начиная от „молодого и способного монарха" Вильгельма II и кончая „его величеством царем цврей Эфиопии" Менелнком, их визиты, путешествия и бракосочетания; президенты, генералы, дипломатические чиновники и просто политические деятели; поток хронологических дат, преподносимых с педантичностью гимназического учителя, все это обволакивает экономический материал, привлекаемый автором для об'яснения империалистической политики.

После прочтения „учебника" Томаса Ашкрофта встает единственный вопрос: для чего издательству „Красной Нови" понадобилось переводить книжку на русский язык, не оставив ее для внутреннего употребления аборигенам „соединенного королевства"?

С. Р—ин.

Я. А. Пилецкий. Две теории империализма (Марксистская легенда и возврат к Марксу). Изд. «Пролетарий», Харьков, 1924 г. 200 стр.

«Гильфердинг или Люксембург?—Теория империализма, исходящая из анализа денег, денежного капитала, банков и т. д., или теория кладущая в основу процесс производства и воспроизводства?»—Такой вопрос ставит Я. Пилецкий в начале своей книжки. Автор является сторонником «теории империализма» Розы Люксембург. Как известно, эта теория есть не что иное, как попытка Розы об'яснить империализм из ее особой теории накопления (воспроизводства) капитала. Роза предлагает свою теорию накопления, как «завершение» и «дополнение» марксовой теории воспроизводства, т.-е. она предлагает теорию накопления, отличную от марксовой. Согласно теории Розы,

[1]) Курсив наш. *С. Р.*

расширенное воспроизводство (накопление) невозможно в «чистом» капиталистическом обществе (обществе, состоящем лишь из двух классов—рабочих и капиталистов), ибо в силу ограниченного потребления рабочих, а также капиталистов, здесь невозможна реализация «прибавочного продукта». Накопление капитала, а следовательно, существование капитализма, возможно только при существовании «некапиталистической среды» (крестьяне, ремесленники), благодаря которой реализуется прибавочный продукт и возможно накопление. Поскольку капитализм идет к превращению «некапиталистической среды» в капиталистическую, он идет к об'ективной границе всего существования, полагаемой невозможностью реализовать прибавочный продукт.

Исходя из невозможности для капитализма накоплять без некапиталистической среды, т.-е. предлагая свою теорию накопления, Роза связывает с ней об'яснение империализма, определяемого ею как «политическое выражение процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды». Таким образом, согласно теории Розы экономические корни империализма скрываются в самом законе накопления капитала, т.-е. капитализм империалистичен уже с начала своего зарождения. Характерные черты империализма как новейшей фазы капитализма, с его особыми отличиями экономической структуры, у Розы по существу стираются. Ошибочность немарксисткой теории накопления Розы особенно ярко вскрывается в статьях по теории рынков В. И. Ленина, статьях хотя и написанных еще в 90-х годах против народников, но сохраняющих и посейчас все свое значение против Розы. Не отрицая факта огромного противоречия между производством и потреблением при капитализме, противоречия, являющегося одной из причин кризисов, Ленин, однако, (вместе с Марксом) не рассматривает это противоречие как невозможность накопления капитала в условиях идеально развитого капитализма. «Прибавочный продукт» реализуется по Ленину путем увеличения основной части капитала и дальнейшего расширения производства, через новые противоречия и кризисы.

Таким образом теория империализма Розы связана с ее особой теорией накопления. Больше того, единственно оригинальным и теоретически важным в теории империализма Розы является именно обоснование империализма особой теорией накопления. Если откинуть теорию накопления Розы, то исчезает всякий смысл существования ее «теории империализма», как теории.

Что же мы видим у Я. Пилецкого? Во всей его книжке мы не найдем и намека на анализ теории накопления Розы. Все цитаты, приводимые Пилецким из «Накопления капитала», совершенно не касаются вопроса теоретического обоснования теории накопления Розы. Больше того, Пилецкий всячески замазывает основные отличия теории накопления и, следовательно, империализма Розы. Так на стр. 10 он пишет: «На Розу Люксембург критика... обрушилась за найденную автором мнимую ошибку Маркса будто в условиях чистого капитализма невозможно расширенное воспроизводство, та же критика совершенно просмотрела главное в «Накоплении капитала»: рассмотрение современного капитализма под углом производства и воспроизводства и попытку именно здесь, в установлении согласно с Марксом первенства производства, найти разрешение вопроса. Между тем, длительная ценность каждой работы зависит именно от правильности общих позиций, а не от отдельных частностей».

Как видим, для Пилецкого основное положение теории накопления Розы о невозможности «расширенного воспроизводства в усло-

виях чистого капитализма», т.-е. вся сущность теории накопления и, следовательно, империализма, Розы — отдельная, частность. Проще говоря, «теория империализма» Розы, как таковая для нашего автора вовсе и не существует. Но почему же в таком случае Пилецкий на протяжении 200 страниц ратует за теорию империализма Розы? Из его слов следует: потому что Роза рассматривает современный капитализм «под углом зрения производства и воспроизводства». Таким образом, если верить приведенной цитате, от теории Розы в трактовке нашего горе-розиста остаются рожки да ножки.

Но, быть может, Пилецкий, являясь стооонником «теории империализма» Розы, не является сторонником ее теории накопления? Такое предположение нелепо для всякого, кто еще не потерял способности мыслить, ибо в таком случае Пилецкий ухитряется быть сторонником теории, которая не существует. Читатель начинает теряться в предположениях, но почтенный автор приходит к нему на помощь: «Полемика против «накопления капитала» сосредоточилась главным образом, вокруг одного, достаточно второстепенного пункта: может ли быть(?) «чистое» капиталистическое производство, т.-е. строй, в котором существуют капиталисты и рабочие. Маркс этого вопроса никогда не ставил и не исследовал... Люксембург решила его отрицательно» (125).

Итак, согласно приведенных слов, весь вопрос в том: «может ли быть (!) чистое капиталистическое производство», в то время, как на самом деле вопрос в том, возможно ли расширенное воспроизводство в «чистом» капитализме. Понятно, что Пилецкий нигде не нашел у Маркса «такого вопроса».

Положение становится совершенно ясным: Пилецкий взялся писать о теории империализма в связи с теорией накопления, ровно ничего не понимая в последней. Он поспешил стать сторонником теории Розы прежде, чем понял что-либо в этой теории.

Ублажая себя рассмотрением империализма под «углом зрения производства и воспроизводства», он проглядел основные принципиальные отличия, главные методологические и теоретические основания «Накопления капитала». Поэтому, пребывая в состоянии полной невинности, он считает второстепенным пунктом о с н о в н о е теоретическое положение Розы, твердит про свой «угол зрения» и премудро сочетает и синтезирует теорию Розы с теорией ее противников. Так он, говоря о теории имериализма Розы, пишет: «Близок по духу в ряде положений и В. И. Ленин. С чего он начинает свое изложение, которое логически должно привести к империализму? С концентрации производства и создающейся на этой почве монополии... Далее автор рассматривает, как растет концентрация (т. е. накопление) и как на ее почве вырастают капиталистические монополии». (Стр. 170—171).

Итак, Ленин близок к Розе потому, что он начинает как и Роза с накопления, что «логически должно привести к империализму». Но ведь, совершенно ясно, что Ленин начинает здесь иначе, чем Люксембург, просто потому, что он не начинает с теории накопления Розы. Как видим, удивительное недомыслие Пилецкого сочетается с огромной бесцеремонностью. Поистине, бездна бездну призывает!

Однако, кроме причин суб'ективного характера, для об'яснения недвусмысленного положения нашего горе-розиста существует и причина внешняя. Дело в том, что Пилецкий ушиблен... Гильфердингом. Сочувствие к теории империализма Розы у Пилецкого получило свой колоссальный размах при чтении Гильфердинга, при чем у нашего

чтеца запестрило в глазах, и заклокотала злоба на «немецкого Струве». У Гильфердинга только де и разговору, что о деньгах, банках, о норме прибыли и ничего о производстве и воспроизводстве при об'яснении империализма. И вот наш розист начинает критиковать Гильфердинга. Следует, действительно, согласиться, что у Гильфердинга есть ошибки, половинчатость, оппортунизм в теории империализма. Так Пилецкий прав, когда он «подмечает» (вслед за Бухариным и Степановым) неправильное определение Гильфердингом финансового капитала, как современного банковского капитала, г о с п о д с т в у ю щ е г о над промышленным, тогда как нужно говорить о сращивании банковского и промышленного капитала. Но, прочитавши об этой ошибке Гильфердинга у Степанова, Пилецкий теряет душевное равновесие и спрашивает: «Что такое банк? Спекулятивное учреждение, торгующее деньгами. Оно связывается с предприятием лишь в той мере, в какой оно может спекулировать» (52 стр.). И дальше всячески обосновывает это нелепое определение современного банка, финансирующего промышленность. Пилецкий так постарался здесь быть непохожим на Гильфердинга, что дал совершенно неверное определение банка. Так дело обстоит на протяжении всей первой главы книжки, трактующей о Гильфердинге. Пилецкий рвет и мечет на Гильфердинга даже там, где рвать и метать нечего, где Гильфердинг высказывает правильные положения. Говоря об империализме, как о монополистическом капитализме, Гильфердинг пишет, что капитал «приходит к новому методу получения прибыли... при помощи монопольного повышения цен». Пилецкий негодует: „тут все... не по марксистски». Новые методы получения прибыли (распределение), новые методы исчисления цен (обмен), но ни слова о производстве, об изменениях, происшедших в нем (22). Слова „прибыль", „цены" и пр. действуют на Пилецкого как красная тряпка на быка и он долго "громит" Гильфердинга, хотя прибыль и цены существуют совсем не по вине последнего. Негодование против прибыли и любовь к воспроизводству так велики у Пилецкого, что он обрушивается даже на Ленина. Цитируя слова Ленина „необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капиталу недостает... поприщ „прибыльного помещения", Пилецкий сердито замечает:... „здесь сильны Гильфердинговы ноты о высоте процента, как движущие силы в экспорте, капитала". Вот, если бы Ленин произнес слово „производство", Пилецкий бы несомненно пришел в радость, а не в раздражение! Как видим, не разобравшись как следует в „финансовом капитале", наш автор вынес из его чтения одно ощущение — своего рода „классовую" ненависть к ценам, к прибыли и любовь к воспроизводству. Ничего не поняв в „Накоплении капитала" Розы, но явно узрев здесь воспроизводство, он обеими руками ухватился за „теорию империализма" Розы, проглядев ее главное теоретическое содержание.

Только таким образом мы и можем об'яснить розизм Пилецкого.

Трактуя, наконец, о расширении капитала вширь и вглубь, Я. Пилецкий пишет в примечании: „Сходство взглядов Ленина и Люксембург по вопросу о процессе об образовании рынков очень большое. Именно они целиком сходятся при конкретном об'яснении исторических фактов, несколько расходясь в теории. Но отправные точки зрения у обоих авторов одинаковы... да и иначе быть не может. Оба они, в противовес Гильфердингу, связывают различие капитализма и процесс создания все растущего капиталистического рынка с условиями производства и воспроизводства и их анализом". (Стр. 149). Итак, „оба они" связывают развитие капитализма и процесс создания

рынка с условиями производства и воспроизводства и их анализом. Но ведь совершенно ясно, что анализ воспроизводства Ленина коренным образом отличается от теории воспроизводства Розы Люксембург, что поэтому Ленин рассматривает теоретически империализм, как новейший этап капитализма, а Люксембург, как „политическое выражение накопления“ вообще. Какое дело до этого Пилецкому? Люксембург и Ленин, „несколько расходясь в теории“, имеют одинаковые „отправные точки зрения“. Последнее выражение является для Пилецкого общей фразой, которая прикрывает смысл теоретических отличий теории образования рынков Люксембург и Ленина и наш автор выходит сухим из воды. Как видим, „метод исследования“ Пилецкого не отличается особенной сложностью и заключается в том, что произносят слово „жупел“ или „металл“ („Воспроизводство“) и этим дело кончается. Непроницаемый туман, окутывающий у Пилецкого вопрос о накоплении и империализме не мешает однако автору храбро итти вперед и с неподражаемым апломбом совершать своего рода „переворот в науке“ и соединять „теорию империализма“ Розы с теорией Ленина. Роза рассматривает империализм, как политику. Ленин, как капитализм на определенной стадии развития, а наш автор выступает супер-арбитром и решает: „Но в таком случае лучше брать основу, чем надстройку, т.-е. понимать под империализмом капиталистический строй, в котором процессы накопления достигают в конце-концов такой силы, что дальнейшее капиталистическое развитие в общем мировом масштабе становится невозможным и совершается в одних странах за счет других стран“ (стр. 178) Итак, Роза и Ленин „синтезированы“, а наш автор превзошел их обоих и продолжает: „тут мы имеем действительно принципиальное отличие современного капитализма от всех предыдущих его стадий, капитализм переживающий последние фазы своего существования“. В примечании он пишет: „И Люксембург и Ленин писали свои работы, когда экономический смысл империализма не проявился с такой последовательностью, как в настоящее время“ (178). Как видим, и Роза и Ленин не могли дать того, что дает Пилецкий. Он живет не в 14, а в 24 году (шутка ли!) когда можно сказать, что „дальнейшее капиталистическое развитие в общем мировом масштабе становится невозможным“, чего не сказали ни Ленин, ни Роза.

Выступая уже в качестве реформатора в науке, Пилецкий дает такое определение империализма, которое „все охватывает“, „синтезирует“ и наш автор необычайно доволен собой. Роза определила в империализме основное, главное—„роль накопления“, Ленин, „дал гораздо больше, чем Люксембург“ в определении его „вторичных признаков“, а Пилецкий дает и то и другое! Одного искать в книжке Пилецкого сколько нибудь отчетливого понимания теории империализма Розы Люксембург, Гильфердинга и Ленина мы читателю не посоветуем. Теоретическая безграмотность и вульгарный эклектицизм—вот основные отличия этой книжки.

П. Александров.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, В. Ярославский, Л. Каменев, А. Слепков.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Цена 80 коп.

1